

Лёня Герзон

ЯДЕРНАЯ ВЕСНА

полудетский научно-фантастический роман
анти-антиутопия

предупреждение: 12+ (карается по закону)

Часть первая
КОНЕЦ СВЕТА

Глава нулевая

КАК ПУСТОМЕЛЯ И ПОВАР КАСТРЮЛЯ РЕШИЛИ ОСНОВАТЬ ГАЗОВУЮ КОМПАНИЮ

Было это уже поздней осенью, а может быть, и ранней зимой, потому что как раз выпал первый снег. Два старых приятеля, Пустомеля и повар Кастрюля, в полушубках и валенках, шли по полю, по колено проваливаясь в сугробы. Зима была трудным временем для людишек. Хотя столбик термометра в городе Цветограде редко опускался ниже минус пятнадцати, но снег... Людишки — очень маленький народ, ростом не больше, чем спелый банан, то есть сантиметров десять-пятнадцать. Попробуйте засунуть банан в сугроб и посмотрите, что будет. Если ночью шел снег, то к утру дома засыпало до самой крыши.

Не так давно под Цветоградом был обнаружен газ. То есть не под самим городом, а в поле, за соседним холмом. Заслуженный и всеми признанный ученый по прозвищу Всезнайка делал раскопки. Всезнайка как раз откапывал развалины каких-то старинных бань, где людишки мылись в незапамятные времена. Бани были красивые. Дно бассейна выложено мозаикой с изображением животных, по краям — скульптуры купающихся людишек. Под землей сохранился даже глиняный водопровод, по которому приходила вода из реки. Вот тут-то Всезнайка и наткнулся на огромную железную трубу. Такая труба не могла быть делом рук древних людишек. Тут нужна серьезная техника.

Было над чем задуматься. Гигантская трубища шла под землей. Она приходила неведомо откуда и уходила неведомо куда. Если по ней постучать молотком, труба отзывалась звонким голосом. Это говорило о том, что внутри нее не залегает песок и не течет вода. Ученый был озадачен. Наконец он позвал своих помощников, слесаря Напильника и монтера Молотка, и велел им просверлить в трубе дырку.

Вот и оказалось, что в трубе не песок и не вода, а газ. Правда, из-за неосторожного обращения с газом произошел небольшой взрыв, но, к счастью, никого не убило. Малянец по имени Никтошка... Да, я забыл сказать, что людишки сами себя называют малянцами и малянками. Это название их народа. Малянцы-малянки. (Только не путать с маланцами, которые обитают в Одессе. Это совершенно другой народ).

Ну так вот, малянец Никтошка, который курил трубку, взял да и закурил возле газа. По счастью, никого рядом не было. А Никтошку отбросило взрывной волной, но он остался жив и даже ничего себе не сломал. Отделался легкой контузией.

Месторождение газа пришлось весьма кстати. Раньше цветоградцы топили печки соломой. Для малянцев и малянок, которые ростом всего с банан, солома — что нам дрова. Собирать ее в поле тяжело. А с газом — все просто. Людишки провели газовые трубы по всему городу. В домах стали использовать газовые плиты, газом нагревали воду, которой мылись и отапливали помещения.

Но газа было так много, что оставалось еще полно лишнего. Стали продавать его в соседние города — Травоград и Солнцеград.

Чтобы правильно распределять газ и чтобы его хватило всем, ученый Всезнайка, который был по совместительству мэром Цветограда, основал газовую компанию. Назвали ее «Газвсем». Компания построила себе целый завод на Газовой горе, где проходила та самая огромная трубища, просверленная слесарем Напильником и монтером Молотком. Главой компании был сам Всезнайка. У него была должность газкомандующего или, сокращенно, газкома. В компанию также входил доктор Шприц, следивший за тем, чтобы никто газом не отравился. Доктор был заместителем Всезнайки по делам здоровья. Слесарь Напильник и монтер Молоток занимались всеми техническими вопросами. Многие Цветоградцы хотели вступить в компанию, потому что там хорошо платили, но Всезнайка принимал только самых ответственных. Газ — это не шутка. Пустомеля, например, он и на километр не подпускал к «Газвсему».

И тогда Пустомеля придумал основать свою газовую компанию. Вот что он сделал. Он подговорил повара Кастрюлю, и однажды ночью, когда другие людишки крепко спали, они потихоньку взяли из мастерской дрель и сверла и пошли за город, на Газовую гору.

— Эта железная трубища — та, которую просверлили Напильник с Молотком — должна же откуда-то идти, — сказал Пустомеля повару. — Мы найдем, куда она ведет, и просверлим там свою собственную дырку. И оснуем... то есть основаем свою собственную компанию, чтобы Всезнайка со Шприцом не задавались.

Они шли, проваливаясь в сугробы. На самом деле снег-то едва припорошил землю, и человеческому ботинку эти «сугробы» были бы не выше подошвы. Но людишки ростом с банан. Кастрюле уже несколько раз пришлось снять валенок, чтобы вытряхнуть набившийся в него снег.

— Пустомеля... а ты уверен, что мы эту трубу найдем? — спросил повар Кастрюля, когда они прошли мимо последних домов Цветограда и вышли в заснеженное поле.

— Найдем, чего там ее искать. У нас же навигатор есть.

— А вдруг Всезнайка рассердится на нас за то, что мы трубу просверлим?

— А это его собственная труба, что ли? Он ее тоже точно так же просверлил. Неизвестно, чья она, труба. Она общественная, то есть принадлежит всем. И каждый, кто хочет, имеет право ее сверлить.

— А помнишь, когда закончили здание «Газвсема» строить? Было тогда еще общее собрание.

— Ну...

— Газкомандующий, то есть Всезнайка, тогда еще так сказал, чтоб никто не смел к газовым трубам и кранам приближаться. Что это очень опасно.

— Да это он специально так говорит. Чтобы никто, кроме них, не мог в Солнцеград газ поставлять. Мы не хуже него всё про газ знаем. Ты что, струсил, что ли? — спросил Пустомеля, остановившись.

— Нет, что ты... это я так.

— А то, смотри. Может, ты мне не друг? Тогда иди себе домой, я и без тебя справлюсь.

— Нет, что ты, Пустомелечка. Я совсем не боюсь. Подумаешь, Всезнайка! Я просто осторожный. Думаю, какие последствия могут быть.

— Какие еще там последствия? Трубу просверлим, огонечек зажжем, чтобы газ не вышел и не взорвался. Потом договоримся с людишками и оснуем... то есть как его — основаем компанию. Я знаю, как выйти на одного малянца в Солнцеграде. Он там газом занимается. Мы с ним договоримся, Солнцеград поможет нам трубу к ним провести. А цену на газ в два раза ниже сделаем. И Всезнайке со Шприцом ничего не скажем. Когда узнают — уже поздно будет. Не будет у них монополии на газ!

— Это правильно, — согласился Кастрюля.

Они углубились в снежное поле. Пустомеля быстро шел вперед, а повару было тяжело, потому что у него с собой было много всяких вещей. Он плелся сзади и сильно сопел.

— Эх, нужно было лыжи взять, — сказал наконец Кастрюля.

— Да, как-то я не подумал, — согласился Пустомеля. — Ладно, это разве снег — настоящий снег еще только будет.

Товарищи захватили два фонарика, лопату, кирку и лом, чтобы раскалывать лед. Еще они взяли множество сменных свёрл для дрели, а запасливый Кастрюля нес за спиной огромный рюкзак, полный еды. Дойдя то высоких корпусов «Газвсема», друзья повернули на запад.

— Я точно помню, в каком направлении лежит эта труба, — сказал Пустомеля. — Она лежит туда, — показал он рукой. — Значит, нужно вдоль нее пойти, и там будет ее продолжение. Только отойдем подальше, чтобы нас никто не увидел. Мы еще покажем этому Всезнайке-ззнайке!

— Правильно, — согласился повар. — Нечего задаваться. Я тоже к ним в «Газвсем» просился — не взяли. Сказали, я столько ем и столько готовлю, что только зря газ перевозжу, а газ надо экономить, потому что его мало и он скоро может кончиться. А я же *для них* готовлю, *для них* стараюсь! — чуть не заплакал Кастрюля, вспомнив свою обиду.

— Ты зажигалку захватил? — спросил Пустомеля.

— А как же — и зажигалочку, и спичечки. Как только газ пойдет — сразу его подожжем, чтобы не взорвался. А потом потихонечку вернемся в город и найдем людишек, которые захотят в новой компании участвовать — всё, как ты придумал.

— Правильно, — сказал Пустомеля. — Я многих знаю, кого «Газвсем» не взял. Шмунька, например, и Гнобик. И Беренелла тоже хочет. Она мне пожаловалась, что Всезнайка этот — строит из себя демократа, а сам сексист противный, малянок не берет. «Это, говорит, не маляночье дело, с газом возиться».

— Пустомелечка, а кто такой сексист? — поинтересовался Кастрюля.

— Не сексист, а сексист. Это кто не любит малянок.

— А... понятно. Неужели Всезнайка сексист?

— А ты как думал?

Они долго шли молча, проваливаясь в хрустящий снег. Огней Цветограда уже не было видно, но ночь была лунная, безоблачная, и от белого снега, покрывавшего все вокруг, было светло. Время от времени Пустомеля снимал варежку, вытаскивал из кармана телефон и сверялся по навигатору.

— Теперь немного осталось, — сказал он, когда корпуса «Газвсема» лежали уже далеко позади.

— А как компанию-то назовем? — спросил повар.

— Да, действительно, как? — сказал Пустомеля, остановившись. — Надо подумать... А вот как: «Газнаш»!

— Это ты здорово придумал.

Наконец они оказались в нужном месте. Здесь поле пересекал овраг, и Пустомеля был уверен, что труба должна пролегать по его дну.

— Где ей еще быть, кроме как не здесь? — сказал он Кастрюле.

Овраг был неглубокий, но склон у него был крутой. Пустомеля сбежал вниз, а Кастрюля поскользнулся и упал, и докатился до самого дна. Когда он остановился, он был похож на ком, который скатали, чтобы лепить снежную бабу.

— Эй, где тут у тебя что? — позвал Пустомеля.

Он взял еловую ветку, которую откуда-то занесло на дно оврага, и стал колотить ею Кастрюлю, чтобы отряхнуть снег.

— Потихе, пожалуйста, — послышался голос Кастрюли.

Он доносился оттуда, где, как Пустомеля думал, у повара должны были быть ноги.

— Ты что, вверх ногами? — спросил Пустомеля.

— Ох... да! — прохрипел Кастрюля, переворачиваясь и вставая на четвереньки. — Вниз головой в снег воткнулся.

— Отряхивайся сам дальше давай, а мне нужно трубу искать. А то мы тут так до утра провозимся.

— Подожди, Пустомелечка! У нас сил совсем не осталось, нужно подкрепиться.

— Чего там подкрепляться, надо до утра трубу просверлить, а мы ее еще не нашли.

— Так если у нас силы будут, мы ее в два раза быстрее найдем.

— Ну набирайся давай сил, у меня их и так полно. Смотри только не переешь! Помнишь, как ты тогда так объелся, что нам из-за тебя пришлось три дня в лесу ночевать, потому что ты с места не мог сдвинуться?

Пока Кастрюля подкреплялся блинчиками с творогом и пирожками с капустой, запивая их сладким чаем из термоса, Пустомеля ползал по дну оврага, разгребая снег. Расчистив место, в котором, по его расчетам, могла проходить труба, он взбирался повыше на склон оврага и изо всех швырял оттуда лом, как копьё. Пустомеля надеялся, что лом врежется в стальную трубу, и они услышат звон. Лом каждый раз бесшумно увязал в земле, но Пустомеля не унывал — выдира лом, лез наверх и снова швырял. Примерно через час, когда Пустомеля

в очередной раз собирался метнуть свое орудие, лом передним концом угодил в карман его полушубка, и Пустомеля кубарем покатился на дно оврага. В этом месте посередине склона торчал засыпанный снегом пенёк, образовавший нечто вроде естественного трамплина. Шапка слетела с Пустомели, и, подпрыгнув на этом трамплине, он на полной скорости воткнулся головой в снег. В ушах его раздавался звон и в глазах потемнело.

— Эй, Пустомеля, ты жив?! — услышал он откуда-то издали голос Кастрюля.

Спohватившись, что он уже выпил весь чай, а из двух десятков пирожков с капустой для Пустомели осталось всего два, повар пошел разыскивать друга.

— Кажется, жив, — ответил Пустомеля слабым голосом.

Кастрюля подошел ближе и помог ему выбраться из сугроба.

— Тут снег какой-то чугунный, — сказал Пустомеля. — Я как будто в колокол головой въехал. До сих пор звенит.

— Откуда тут чугун? — удивился Кастрюля. — А может, труба? — осенило его.

Он схватил лом и принялся с усердием втыкать его в снег.

«Бум! Бум! Бум!» — раздавалось из-под снега.

Пустомеля все еще сидел в сугробе, и перед глазами у него всё плыло.

— На, ледышечку приложи, — сказал повар, сорвав Пустомеле кусок сосульки с ветки росшего поблизости куста.

Кастрюля принес лопату и стал раскапывать снег. Под ним оказалось что-то очень гладкое, твердое и немного покатое.

— Вот она, трубонька, вот она родименькая, — приговаривал повар, разбрасывая снег.

В два часа ночи всё уже было готово для сверления. И тут Кастрюля придумал.

— Пустомеля! — закричал он.

— Ты что орешь? Хочешь, чтобы нас кто-нибудь услышал?

— Ой, правда, я и забыл. Слушай, Пустомелечка, — зашептал повар. — А зачем сейчас трубу сверлить, если мы и так ее уже нашли? Пойдем, организуем команду, свяжемся с твоим знакомым из Солнцеграда. Найдем людишек. А когда всё будет готово — пусть специалисты и сверлят.

— Ага, а потом окажется, что газа никакого нет. Кто его знает, что это за труба тут? Может, совсем не та, что у Всезнайки? Над нами же тогда весь Цветоград смеяться будет! И вдобавок еще и Солнцеград.

— А, ну да, — помрачнел Кастрюля. — Ты прав.

Ему очень не хотелось сверлить трубу. Он опасался, как бы газ при этом не взорвался и как бы им потом не попало от Всезнайки со Шприцом.

— Эх, пропишет мне Шприц пятьдесят уколов, что тогда делать?

— Не волнуйся, — утешил его Пустомеля. — Ты такой толстенький и мягонький, что эти уколы даже не почувствуешь. Вот я — другое дело. Но, как говорят те, кто играет в карты, риск — благородное дело! За работу, Кастрюля, не тряпись ты так, всё будет о'кей!

Просверлить трубу удалось на удивление быстро. Правда, штук двадцать сверл сломалось. Зато у них была электрическая дрель, да еще и два запасных аккумулятора для нее. Первую дырку-то слесарь Напильник с монтером Молотком сверлили ручной дрелью.

— Огонь давай, — потребовал Пустомеля, когда после двух с половиной часов их посменной работы сверло наконец провалилось в пустоту.

— Ой, Пустомелечка, а если — как рванет? — забоялся Кастрюля, отойдя на всякий случай подальше.

— Да тащи зажигалку скорее, газ через щели выходит, сейчас правда рванет, если не пошевелишься!

Повар опасливо бросил зажигалку Пустомеле, а сам отбежал подальше и залег в снег, обхватив голову руками.

— Трус несчастный, — пробурчал Пустомеля, выдернул из трубы сверло и чиркнул зажигалкой.

Раздался громкий хлопок, и едва Пустомеля отпрыгнул назад, как над трубой загорелся веселый синий огонь газового пламени.

— Иди сюда! — позвал он Кастрюлю.

Повар увидел, что ничего страшного не произошло, и подошел.

— Ой, хорошо! — осмелел он, грея руки над пламенем. — Слушай, Пустомеля, а чего это огонь такой огромный? Когда Напильник с Молотком просверлили свою дырочку, там небольшой огонек был.

— А это потому, что я толстые сверла взял! — похвастался Пустомеля. — Что нам их малосенькая дырочка? Мы себе вон какую здоровенную дырищу продырявили!

— Ну, ты молодец! — похвалил Кастрюля. — Здорово придумал! Теперь, если твой знакомый из Солнцеграда это пламя увидит — уж точно захочет газопровод строить.

— Вот именно! — сказал Пустомеля. — Вон тут сколько газа. Хорошо, что дрель электрическая. А то ручной дрелью с таким толстым сверлом неделю бы пришлось сверлить.

— Ну, ты молодец, всё продумал!

— Ну так...

Они сидели на пне, на котором недавно подлетел, как на трамплине Пустомеля, перед тем как воткнуться головой в трубу. От газового пламени шел такой жар, что заснеженные ветки оттаяли и по трубе застучала капель.

— Тепло! — радовался Кастрюля.

— Посидим немного — и пора идти, — сказал Пустомеля. — Надо домой добраться до того, как кто-нибудь встанет. А то начнутся распросы...

— Ой, Пустомелечка, смотри — там что-то написано!

— Где?

— Да вон же, на трубе!

Пустомеля глянул на трубу и тоже заметил. Снег на трубе растаял, и показались буквы. Здоровенные, раз в пять выше и толще повара Кастрюли:

Г А З

— Ой! — воскликнул Кастрюля. — Тут так и написано: «Газ»!

— Погоди, там дальше еще какие-то буквы есть. Вон, за веткой.

Пустомеля-то просверлил свою дырочку возле буквы Г, а за буквой З на трубе лежала поваленная бурей береза, которая что-то закрывала. Пустомеля вскарабкался на трубу и стал счищать снег за березой.

— «Р», «О», «М», — прочитал Кастрюля. Тут ГАЗ, а там РОМ.

— Под березой тоже что-то должно быть, — сказал Пустомеля, — только ее не сдвинешь, больно толстая.

— Это, наверное, целое слово такое: Газером.

— А может, ГазАром, а может ГазЮром...

— Или ГазЯром.

— Какая разница? Газром — да и только.

— Интересно все-таки, что значит это «Газяром»? — сказал Кастрюля.

— Может, еще какая газовая компания, — предположил Пустомеля. —

Столько их развелось...

— Как же такое может быть? Ведь это та самая труба, которую Напильник с Молотком просверлили!

— Ну ясно, что та же! Этот Газером провел себе трубу — да и качает газ из одного места в другое. А Всезнайка ее просверлил и решил немного попользоваться газом. Теперь и мы тоже.

— Это что же? Выходит, мы чей-то газ крадем?! — ужаснулся повар.

— Что значит, крадем? Газ, он чей?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Ничей он. Газ, он природный. А значит, все им могут пользоваться.

— Но ведь этот Газяром его для себя по трубе пустил?

— Ну и что? Вот ты скажи: воздух, он чей?

— Ну... ясно, что ничей. Общий.

— Ну а воздух — это что такое?

— Как это, что такое? Воздух — это воздух.

— Эх ты, балда, физику не знаешь! Воздух — это газ, ясно тебе?

— Да, кажется, я что-то такое от Всезнайки слышал...

— Ну, а раз воздух общий, а газ — это воздух, значит, и газ общий, и никакого воровства тут нет.

Кастрюля задумался. Потом он сказал:

— Все-таки лучше нам поскорее отсюда убраться. Может, воровства с нашей стороны и нет, а как бы по шее не надавали. Вон какие буквы огромные.

— Ну и что?

— Значит, и те, кто их написал, тоже огромные.

— Да ну тебя! Чего ты все трусишь!

Пустомеля выбрался из оврага и отошел от края на несколько шагов.

— Прикол, — сказал он. — А отсюда его уже и не видно.

— Кого?

— Огонек.

— Это потому что тут густые кусты растут.

— Очень хорошо, что не видно. Днем-то, при свете вообще будет не видно.

— А почему хорошо?

— А чтобы никто чужой не заметил.

— А-а...

Они собрали инструменты и двинулись в обратный путь. Повар Кастрюля был очень рад, что они наконец уходят от этой опасной трубы. Он даже не предложил перекусить. Хотя сильно проголодался, потому что нервничал. Кастрюля вообще, когда нервничал, сразу же проголодавался.

— Хвост, кажется, отморозил, — пожаловался повар, когда они шли назад, по колено увязая в снегу.

— Ты ж в хвостеле.

— Да это мой старый хвостель, весь в дырках. Я в конце прошлой зимы себе новый, меховой купил, да он куда-то делся. Видишь? — Кастрюля на ходу повернулся и показал свой дырявый хвостель, из которого там и сям проглядывал его покрытый инеем хвост.

— Да ерунда, — сказал Пустомеля. — Протрешь его уксусом.

Глава первая ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ТЕЛА

Хвост — очень удобная вещь. Им можно, например, почесать ухо или глаз. Или затылок, если заняты руки. Не говоря уже о спине, где для бесхвостого есть обширная мертвая зона. Которая всегда больше всего и чешется. Хвостом можно, не нагибаясь, поднять с пола упавшую вещь. Короче, для тех, кто понимает... хвост весьма полезен.

И у людишек он есть. Ни один малянец или малянка не сможет себе представить, что где-то на свете живут мыслящие существа, у которых нет хвоста. «Разумная жизнь без хвоста невозможна! — не устает повторять цветогоградский зоолог Амебин. — Без него не изобразишь орудий труда. А труд, как известно, сделал из обезьянок людишек».

У малянок и малянцев сзади на одежде всегда есть короткий или длинный рукав для хвоста, называемый хвостель. Он есть на штанах, юбках, шортах, платьях, джинсах. И даже на купальных трусах — коротенький. Поскольку хвост гораздо тоньше, чем ноги, и очень подвижный, то хвостель делается обычно из другой ткани, чем брюки или юбка, — более тонкой и эластичной. Хвостель иногда пришит, а иногда пристегивается на пуговичках — смотря по моде. А в куртке, плаще, пальто сзади имеется отверстие, через которое хвост в хвостеле высовывается наружу. Это отверстие называется хвостдушина. Людишки терпеть не могут, когда хвост у них не свободен. Это для них все равно, что ходить со связанными руками.

Хвост у людишек тонкий, белый или нежно-розовый и очень подвижный. Длиной сантиметров восемь. Если читателям и читательницам кажется, что это совсем немного, то стоит вспомнить, что людишки — маленькие, ростом всего с банан или небольшую морковку. Так что восьмисантиметрового хвоста им вполне хватает, чтобы с удовольствием почесать спину в любой точке и, не нагибаясь, поднять с пола упавшие ключи, телефон или монетку. Хвостом очень удобно переворачивать страницы в книге, не выпуская ее из рук. Хвост незаменим при работе на компьютере. Он управляет мышкой, позволяя стучать по клавиатуре сразу двумя руками. А если бы вы сказали людишкам, что мышку надо держать правой рукой, то они бы искренне удивились: что же, одной рукой печатать, что ли? Это же очень неудобно, к тому же медленно...

Кто играет на скрипке, знает, как неудобно, когда страница закончилась и нужно переворачивать ноты. А чем их переворачивать-то? В левой руке скрипка, в правой — смычок. Зубами, что ли? У людишек таких глупых проблем не возникает. Хвост позволяет им использовать орудия труда, такие как скрипка, смычок или компьютерная мышка, в полной мере.

Вообще, хвост — очень гибкая и тонкая вещь, он залезет куда хочешь. Например, в бутылку с узким горлышком. Именно поэтому людишки не используют ершиков для мытья бутылок. Они даже не знают, что это такое.

Некоторые малянцы и малянки ковыряют хвостом в носу. Впрочем, это считается дурным тоном. Идя по улице, одни держат хвост в кармане, другие размахивают им, третьи — стучат по заборной решетке, а неряхи, вроде Пустомели, везут его кончиком по земле или хлюпают по лужам. Малянки носят на хвосте кольца, перстни, а в последнее время стало модно протыкать его пирсингом и покрывать татуировками. Зимой, когда холодно, надевают хвостель — длинный тонкий футляр из шерсти, кожи или меха. Некоторые элегантно одетые малянки носят хвостель даже летом — из розового, бордового или кремового тончайшего шелка. Такой хвостель обычно не закрытый, и из него торчит кончик хвоста, чтоб удобно было пользоваться косметикой или тыкать в экран телефона.

Хвост — это прекрасно. Но у каждой хорошей вещи есть и недостатки. Людишки по природе очень любопытны и лезут своими хвостами куда ни попадя. А хвост ведь тонкий. Нередки несчастные случаи. Этому в троллейбусе дверью прищемило, у той между ступенек, когда эскалатор складывался, застрял, кому-то отдавили, кому-то обварили, кого-то шарахнуло двести двадцать вольт, когда мокрым хвостом в розетку полез, — да мало ли! У доктора Шприца в больнице хвостовая травма, по статистике, на первом месте. В хвостовом отделении всегда больше всего больных. Раньше, когда Шприц был еще не главврачом целой больницы, а простым доктором, ему по десять хвостов на день пришивать приходилось. К счастью, хвост — самая быстрозаживающая часть тела. Потому что он такой тонкий и негде возникнуть воспалению. После пришивания заживает в течение нескольких часов. Такие отчаянные драчуны, как Пустомеля, так часто остаются без хвоста, что давно приноровились его себе пришивать сами. Специальный крем-заморозка: помажешь, и боли совсем не чувствуешь, раз-два

иглой с ниткой махнул — и хвост на месте. Пару часов поболит, глядишь — виляет, как новенький.

Глава вторая ЛЮДИШКИ И СНЕГ

Когда Пустомеля с Кастрюлей вернулись домой, было еще только полшестого утра. Пройдя по темным улицам города, приятели не встретили ни одного людишки. Только снег поскрипывал под ногами. В общем доме на Незабудковой улице, где жили Пустомеля, Кастрюля и другие людишки, все еще спали. Они положили инструменты обратно в мастерскую, потом аккуратно обмели валенки веником и засунули в шкаф в прихожей, чтоб никто не догадался, что они по снегу ходили. Друзья старались всё делать как можно тише, но когда Кастрюля снимал полушубок, одна из его варежек на резинке зацепилась за рукав, а потом «выстрелила» прямо в висящую в прихожей лампу, которая ответила слабым звоном.

— Тише ты, слон какой-то! — зашипел Пустомеля.

Но никто, слава богу, не проснулся. Приятели потихоньку поднялись в спальню на второй этаж и нырнули в постели.

— Как же мы устали! — шепотом зевнул повар.

Пустомеля не ответил — он уже спал. Ему снилось, что он сидит в директорском кресле в огромном кабинете газовой компании и к нему на прием приходит Всезнайка. Под мышкой у ученого какие-то чертежи с папками, и Пустомеля машет секретарше, чтоб его пока не пускала, а принесла чай с шоколадными конфетами. Кастрюля тоже скоро уснул. Ему снился грибной суп.

Друзья вернулись домой очень вовремя, потому что под утро пошел снег. Казалось бы, что в этом такого — на то и зима, чтобы снегу идти! Но стоит вспомнить, что людишки-то ростом с банан, то есть выходит, раз в десять ниже, чем люди. И ладно бы, если только в десять раз ниже. Так ведь они еще и в десять раз тоньше и в десять раз уже людей! Те, кто знаком с математикой, сразу поймут, к чему я клоню. Объем каждого людишки получается в десять помножить на десять помножить на десять раз меньше, чем у человека. А те, кто с математикой не дружит, пусть поверят тем, кто дружит: по всем законам науки выходит, что людишка занимает в тысячу раз меньше места, чем человек. А значит, они в тысячу раз легче нас. Если в среднем взрослом человеке килограммов, скажем, семьдесят, то вес малянца или малянки — всего семьдесят грамм!

Теперь представьте себе, какой огромной и тяжелой может показаться людишке каждая снежинка! Им вообще очень опасно оставаться на открытой местности, когда идет снег, потому что он очень быстро может их засыпать — так, что им и не выбраться! Вот почему людишки зимой не любят путешествовать и даже просто далеко от дома отходить.

В былые времена цветочградцы запасались на зиму продовольствием и не выходили на улицу до самой весны, питаясь сушеной рыбой, маринованными

грибами, солеными огурцами и вареньем. А на крыше сверху нарастал сугроб высотой в два, а то и в три их дома! И только время от времени выбирался кто-нибудь из жильцов на чердак, чтобы прочистить вентиляционную трубу, если ее забил снег. Такие вентиляционные трубы устанавливали перед началом зимы. Труба вела от чердака через весь сугроб, которым был завален дом, на поверхность, и по ней в помещение поступал воздух. Но в наше время у людишек есть снегоочистительные машины, которые откапывают после снегопадов здания и расчищают снег на улицах. Так что людишкам теперь незачем зиму взаперти проводить.

Ну так вот, пока в общем доме на Незабудковой улице все спокойно спят в своих кроватях, да и вообще все людишки Цветограда, Травограда и даже Солнцеграда спят, потому что еще только шесть утра и за окнами темно и идет снег... в общем, пока людишки не мешают, я хочу рассказать, собственно, откуда они, эти самые людишки — малянцы и малянки, взялись. Ведь я еще не привел никаких научных данных о происхождении этих маленьких существ и об истории их, так сказать, разумной цивилизации.

Глава третья

ОТКУДА ОНИ ВЗЯЛИСЬ

или

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЮДИШЕК

А людишки взялись вот откуда. Они, как и люди, произошли от обезьян. Предками малянок и малянцев были маленькие обезьянки, размером со спелый банан. Эти маленькие, юркие обезьяны — родственники наших обезьян, от которых произошли мы, Хомо Сапиенсы. Хомо Сапиенс — по-научному человек разумный. Это мы, люди. А людишки по-научному называются Хомо Малянусы. Когда-то давно часть древних обезьян попала на остров, который отделился от большого материка. А на острове было мало еды. Поэтому чем меньше была обезьяна, тем легче ей было приспособиться к островной жизни. Ведь если она маленькая, то и еды ей много не надо. Вот так, со временем, обезьяны на острове помельчали. Эти островные обезьяны стали отдельным видом обезьян под названием Хомо Карликус. Ростом этот Хомо Карликус был со спелый банан.

Нет, ну конечно, обезьяны тогда еще не знали, что их вид называется Хомо Карликус. Это выяснилось потом. Но Хомо Карликус был первой людишкообразной обезьяной. Правда, пока еще совсем дикой. Хомо Карликус лазал по деревьям, бросался оттуда всякой гадостью, царапался и кусался, да еще строил мерзкие рожи, спрятавшись в густой листве. Но от него потом, лет примерно через сто тысяч, произошел Хомо Гномус.

Этот тоже понятия не имел, как его зовут. Но у него был большой мозг. Намного больше, чем у Хомо Карликуса. А раз так, значит, он должен был быть и намного умнее своего мелкомозглого предка. Так оно и было. Хомо Гномус

спустился с дерева, научился ходить на задних лапах, разжигать костер и рисовать на стенах пещер страшных животных. До сих пор — всё как у людей.

Но вдруг у Хомо Гномуса произошла удивительная мутация. Да-да, мутация, какая бывает, например, у рыб. Плавают они себе сто миллионов лет в море, да вдруг откуда ни возьмись вместо плавников у них вырастают лапы, и рыбы выходят на сушу. А это вовсе не «откуда ни возьмись», а от мутации. Вот и у далекого предка людишек — обезьяны Хомо Гномуса — тоже произошла одна мутация, и не простая, а совершенно удивительная.

Мутацию эту открыл ученый Всезнайка, когда наблюдал молекулу ДНК в электронный микроскоп. У каждого живого существа есть такая молекула. В ней записано, как это живое существо устроено. В общем — все его гены. Поэтому она и называется генетическая. Вот Всезнайка взял такую молекулу у самого себя и еще одну молекулу у скелета маленькой людишкообразной обезьяны Хомо Гномуса. Ученые из Солнцеграда, когда рылись глубоко под землей, проделывая раскопки, нашли этот скелет, и так он попал ко Всезнайке. А в нем — нужная Всезнайке молекула.

Глядя в микроскоп, Всезнайка сравнивал обе молекулы — свою и обезьянью — и видел, что они очень друг на друга похожи. Это подтверждало его теорию о том, что Хомо Малянусы (или попросту «людишки») произошли прямо от обезьян. Но потом Всезнайка заметил, что в его собственной молекуле не хватает одного гена. У обезьянки он есть, а у него, ученого Всезнайки, этого гена нету.

Вначале Всезнайка не придавал этому никакого значения. Но потом его словно молнией ударило.

— Великий Дарвин, — прошептал ученый. — Да ведь это же... да ведь это же самое гениальное открытие, совершённое учеными за последние много лет!

Он даже от волнения микроскоп на пол уронил. Да черт с ним, с микроскопом — монтёр Молоток починит или другой купит.

— Главное! — хлопнул себя по лбу Всезнайка. — Главное, что ген! Как же его назвать-то, как же назвать?

Мысль крутилась у ученого в мозгу, и он никак не мог поймать ее за хвост — ускользала.

— Вот! — закричал Всезнайка. — ВЗРО! Назовем его ген ВЗРО. Ведь он же есть у всех животных. У рыб, слонов, млекопитающих! Даже у обезьян и даже у человека! А у людишек нет. Это просто какой-то переворот в науке...

Он смеялся как ребенок.

— Это же просто... это же просто...

Глава четвертая УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГЕН

— Уважаемый Дарвин! — произносил Всезнайка, расхаживая взад и вперед по своей лаборатории, уставленной разными научными приборами. — Уважаемый Дарвин! А знаете ли вы, что ген, который я называю ВЗРО, в наше время есть в любом учебнике по генетике, да! Правда, там он называется не ВЗРО, а так, что язык сломашь: КТ1-2ЕТ. Вы ведь, многоуважаемый Дарвин, со мной согласитесь, что мое название: ВЗРО куда проще!

— О да, я согласен, — отвечал Дарвин низким басом. — В мое время, правда, генетики еще не было...

— Ах да, как же это я забыл, коллега?! — воскликнул Всезнайка. — В ваше время не было никаких генов, но не расстраивайтесь, я вам в два счета про них объясню, так что вы всё поймете. Ведь вы как-никак биолог. Точнее, как это в ваше время называлось? Ах да, натуралист!

Всезнайка любил разговаривать с воображаемыми собеседниками. С ними он обсуждал разные научные проблемы. Воображаемый собеседник всегда под рукой. К нему не надо идти, ему не надо звонить, и он никогда не занят. Да и потом: найдется ли во всем Цветограде такой гений, как, например, Дарвин или Эйнштейн, или Менделеев, кто все так здорово понимает и с кем можно обсудить интересующий тебя научный вопрос?

— Ну, так вот, — продолжал Всезнайка свой разговор с Дарвином. — Для чего же, я вас спрашиваю, нужны гены?

— Пока не знаю, — пожал плечами Дарвин, но Всезнайка не обратил на его ответ никакого внимания.

Он задал свой вопрос только потому что так принято вести научный диспут, и не ожидал на него ответа.

— Для чего же нужны гены? — снова спросил он и сам же ответил: — А вот для чего. По ним живое существо строится, как дом по начерченному архитектором плану. Вот, например, когда лошадь — еще совсем жеребенок, точнее зародыш, и находится в животе у кобылы, то включается ген ВР-323. И у жеребенка, то есть зародыша, на ногах образуются копыта. А у собаки вместо гена ВР-323, имеется ген ВР-324, и поэтому у нее вместо копыт вырастают когти. А у дельфина совсем другой ген, и из-за этого у него ног вообще нет, зато есть плавники. В общем, гены запускаются, как компьютерные программы, и каждый ген для чего-нибудь да нужен. Ах, ну да, вы же не знаете, что такое компьютерные программы...

— Ничего, — отвечал Дарвин низким басом. — Продолжайте, я догадаюсь по смыслу.

— Ну так вот, — продолжал Всезнайка. — Один ген делает так, что у девочки глаза становятся синими, другой — что у слона хобот растет. И у девочки хобот не растет только из-за того, что у нее хоботного гена нету.

— Вот как? — отвечал Дарвин низким басом. — Я и подумать не мог, что это все от генов.

За Дарвина-то, понятное дело, говорил сам Всезнайка. За себя он говорил своим обычным голосом, а за Дарвина — басом. У ученого с такой бородой должен быть непременно бас. А вот за Эйнштейна, с которым они обсуждали физику, Всезнайка, наоборот, всегда разговаривал высоким, писклявым голосом.

— Да-да, — сказал Всезнайка. — Наследственные признаки закодированы не где-нибудь, а в генах. И один из них я назвал ген ВЗРО. И вот, когда людям, — объяснял он Дарвину, — когда людям, исполняется примерно лет девять, ген КТ1-2ЕТ (или, короче, ВЗРО) включает взросление. И они начинают взрослеть. Всё больше и больше. Пока не становятся совсем взрослые. Этот ген, уважаемый коллега, запускается и у крокодилов, и у собак, и у обезьян, и с ними происходит то же самое. Все они взрослеют. Потому что нет такого существа на земле, которое бы навсегда оставалось ребенком или детенышем. Кроме людишек!

Тут Всезнайка споткнулся о валявшийся на полу электронный микроскоп, который сам же недавно уронил.

— Подождите-ка, коллега, — пробормотал ученый, поднимая прибор с пола. Ему повезло: микроскоп не разбился и даже не треснул. — Так вот, — сказал он. — Людишки, уважаемый господин Дарвин, единственные существа, которые не взрослеют. И вот, полюбуйте, — потряс он микроскопом. — Полюбуйте: у людишек на месте гена ВЗРО совершенно другой ген!

— Кто это тут с Дарвинами разговаривает? — послышалось у ученого за спиной, и Всезнайка увидел вошедшего в лабораторию доктора Шприца. — Ты уж коллега, прости, но я не могу спокойно проходить по коридору, слыша, как ты сам с собой болтаешь. Надо бы тебе таблеточку успокоительную...

— Да погоди ты, коллега! — остановил его Всезнайка, ласково потрепав по щеке хвостом. — Если бы ты такое открыл — ты бы не то что сам с собой... ты бы с вот этой своей врачебной трубочкой, которой ты больных слушаешь, заговорил — как ее там?

— Стетоскоп, — подсказал ошеломленный Шприц.

— Вот именно! Ты бы со стетоскопом заговорил. Так что не перебивай, а выслушай, что я тебе скажу. Видишь, у Хомо Малянусов, то есть по-научному, людишек, на месте ВЗРО совсем другой ген?

Шприц обошел кругом микроскопа.

— Не вижу, но я тебе доверяю. Раз ты видишь другой ген — значит, так оно и есть.

— Ну вот! — обрадовался Всезнайка. — Кстати, ты мне своим видом подсказал название для этого другого гена. Назову-ка я его НЕВЗРО.

— Не-чего? — переспросил Шприц.

— НЕВЗРО! У бегемотов ВЗРО, у муравьедов ВЗРО, у кольчатых червей — тоже ВЗРО, а у людишек вместо этого НЕВЗРО.

— Ну и что? — сказал доктор.

— А то, что у всех других животных этот ген включает взросление! И они взрослеют. И становятся взрослыми. И только мы, людишки, то есть Хомо Малайанусы лишены гена взросления. Поэтому мы никогда не взрослеем!

— Боже, коллега, но ведь это и так каждому известно, что людишки не взрослеют. На то они и людишки!

— Да, нет, при чем тут, — отмахнулся Всезнайка. — Ясно, что не взрослеют, но ведь я открыл, почему! *Мутация*, вот в чем дело! На каком-то этапе произошла мутация...

И не обращая больше на доктора внимания, он быстро оделся и выбежал из дома, оставив Шприца наедине с воображаемым Дарвином. Он направился в цветogradский музей Скелетов, в котором хранилось множество скелетов обезьян и вообще всяких других животных. Ученый хотел проверить свою теорию и найти, у какого предка людишек появился новый ген. Ведь если у нас в генетической молекуле ДНК есть какой-нибудь ген, он не мог там взяться с бухты-барахты. Он обязательно достался нам от одного из наших предков!

В музее Всезнайка стал добывать ДНК из скелетов людишкообразных обезьян и искать в ней ген НЕВЗРО. Но проделав громадную работу, ученый так ничего и не нашел. И у макака, и у павианов, и у шимпанзе, и у людишкообразных обезьян — Хомо Карликуса и Хомо Гномуса, — у всех у них был ген ВЗРО, а никакого НЕВЗРО в помине не было.

— В общем-то так и должно быть, — рассуждал ученый. — Но у кого-то ведь этот ген должен был впервые появиться. У людишек должен был быть какой-то предок, какая-то людишкообразная обезьяна, у которой возник ген невзросленья.

Всезнайка перерыл все обезьяньи скелеты в главном хранилище музея и потом еще в запасном отсеке. На это ушел целый месяц, но все было тщетно.

— Как же так? — ломал голову ученый. — Но тогда откуда... откуда этот ген мог взяться у людишек? Ведь не могли же нам его, в самом деле, подсунуть какие-нибудь пришельцы-инопланетяне или Господь Бог?

Тут было над чем задуматься. А другой ученый, по имени Черепок, который жил на улице Чистотелов, еще все говорил Всезнайке:

— Послушай, Всезнайка. От моего понимания ускользает один момент. В нашем музее Скелетов есть все промежуточные скелеты. Ну вот, например, рыбы в какой-то момент вылезли на сушу. Так у нас есть скелет кистеперой рыбы — она наполовину рыба, а наполовину уже, можно сказать, крокодил. Или: летающие динозавроподобные ящеры превратились в птиц. Так у нас есть промежуточный скелет аэроптенкса — этот наполовину ящер, наполовину птенец. Но вот где, скажи на милость, промежуточный скелет между обезьяной и людишкой? Скелетов ископаемых обезьян у нас полно! А ни одного скелета людишки и в помине нет.

— Где это ты видел, чтобы у живого людишки можно было скелет забрать? — отвечал Черепку доктор Шприц. — Хочешь изучать наши скелеты — бери какого-нибудь малянца или малянку, которым нечего делать, тащи их в рентгеновский кабинет, там и изучай.

Профессор Черепок, Всезнайка, доктор Шприц и генетик Гена как раз тогда обедали в кафе музея Скелетов. Дизайн этого кафе как нельзя лучше соответствовал обстановке музея. Столы тут были сделаны из панциря черепахи, ножки и спинки стульев — из покрытых лаком крысиных ребер, а сиденья — из тазовых костей полевой мыши. Под потолком, в качестве украшения, висела огромная гирлянда из позвонков пещерного удава.

Этот музей возник во многом благодаря ученому Черепку, который был палеонтологом — то есть исследовал ископаемые находки. Выкапывание из-под земли скелетов и черепов было его страстью. Поэтому ученого так и прозвали: Черепок.

— Так вот, я и говорю, — говорил Шприц. — Скелеты людишек можно исследовать только в рентгеновском кабинете, потому что как же можно получить людишечий скелет, если они — то есть людишки — никогда не умирают? А на рентгене весь скелет видно. В мелких подробностях. Смотри — и изучай. Это тебе не то, что косточки из ямы выковыривать.

Черепок немного подумал и почесал хвостом свою абсолютно лысую голову.

— Да нет, я не об этом, — сказал он. — Я о том, что куда, понимаешь ли, могли запропасться ископаемые останки, так сказать, переходных форм? Ведь должен же был кто-то быть посередине между Хомо Гномусом и людишкой? А у нас костей Хомо Гномуса хоть отбавляй, людишек в Цветограде тоже полно, а посередине никого нету!

Вот в этот-то самый момент молния и ударила во Всезнайкину голову. То есть, конечно, не в буквальном, а в переносном смысле. Всезнайка совершил второе, после гена НЕВЗРО, великое открытие.

— Я всё понял! — закричал он, немного подумав. — Я понял всё. Всё-всё-всё!

— Что всё-всё-всё? — спросил Черепок, поглядев на висевшую под потолком люстру из лучевых костей опоссума.

— погоди минутку, коллега, — попросил Всезнайка. — Я должен как раз еще кое-что маленькое обдумать — и вот тогда будет уже точно всё. Пожалуйста, не разговаривай.

— Ну, хорошо, — пожал плечами Черепок и отхлебнул порядочный глоток кофе из черепа полевой мышкы-малютки.

Глава четвертая с половиной МУЗЕЙ СКЕЛЕТОВ

Многие жители Цветограда далеко стороной обходят это здание на бульваре Черных тюльпанов. И уж совсем мало кто отваживается посетить его страшные залы, в которых скелетами просто кишмя кишит. Все они стоят — кто на четырех ногах, кто на двух, а кто и к потолку подвешен, — и скалят свои ужасные, искалеченные рты. Но ученым людишкам, таким как Черепок, Всезнайка и генетик Гена, — скелеты не страшны. Когда проводишь среди скелетов целые дни, а иногда и ночи напролет — так к ним привыкаешь, что они становятся тебе как родные. Даже жаль иногда, что скелеты не разговаривают! А то сидишь среди них в музее ночью один, измеряешь им рулеткой косточки, взвешиваешь на весах черепа, ставишь на каждом свой номер и заносишь в компьютер — и так порой станет скучно!

Всезнайка, бывало, со скелетами разговаривал, чем пугал доктора Шприца, который приходил изучать скелеты для своих, медицинских целей. Докторам ведь нужно знать про скелеты абсолютно всё, потому что иначе как поймешь, какая у людишки, к примеру, сломалась кость? Одного рентгена тут явно не достаточно. На нем кости, конечно, видно, но пощупать их, повертеть со всех сторон ведь нельзя!

— Так что же ты, все-таки, Всезнайка, открыл? — повторил свой вопрос профессор Черепок, допив кофе и поставив чашку в виде перевернутого мышиноного черепа на стол. — А ты, вообще, уверен, что что-то открыл? А то так часто бывает — открыл у себя в голове. А как другим начнешь рассказывать — так и выходит вовсе, что ничего не открыл. А только себя на смех выставил перед научным сообществом.

— Да нет, — сказал Всезнайка. — Я не на смех. Я точно открыл.

— Ну, тогда говори, послушаем. А может, и посмеемся — кто знает?

И Всезнайка рассказал им про то, как недавно открыл ген ВЗРО и про мутацию, которая из него сделала НЕВЗРО. Доктор Шприц об этом уже кое-что от Всезнайки слышал.

— Понимаете, коллеги, — объяснял Всезнайка. — Я исследовал генетическую молекулу ДНК многих животных. А также самого близкого нашего родственника Хомо Гномуса. У всех у них есть ген ВЗРО, от которого они взрослеют.

— Ну и что, милейший? — сказал палеонтолог. — Это ничего не доказывает.

— А то, что я заодно как следует рассмотрел в гены людишек в электронный микроскоп. И на месте гена ВЗРО в ней имеется...

Тут Всезнайка немного задумался.

— Дырка? — подсказал Шприц.

— Нет, — засмеялся Всезнайка. — В генетической молекуле не может быть дырок. На этом месте у нас, людишек, находится совершенно другой ген. Я его назвал НЕВЗРО. Потому что этот ген не дает нам взрослеть. Мы никогда не взрослеем.

Всезнайка замолчал и оглядел Черепка с доктором Шприцом, а также генетика Гену. Шприц в задумчивости крутил в руках вилку, сделанную из вилочковой кости воробья. Генетик Гена раскачивался на стуле, и его ножки из крысиных ребер ужасно скрипели.

— Ты прав, коллега, — проговорил наконец доктор Шприц. — Мы не взрослеем. Только что же из этого следует? Где недостающие скелеты?

— Вот именно, да! Где скелеты? — поддакнул профессор-палеонтолог.

— Следите за моей мыслью, — усмехнулся Всезнайка. — В какой-то момент обезьянок Хомо Гномусов поразил генетический вирус. Это такой вирус, который нападает на молекулу ДНК и портит в ней какой-нибудь ген. И у обезьянок Хомо Гномусов произошла мутация. У них испортился ген взросленья. Улавливаете?

— Кажется, пока да, — отозвался генетик.

— Но все те Хомо Гномусы, которые не заразились вирусом и у которых эта мутация *не произошла*, продолжали взрослеть. Потом состарились и давным-давно умерли. Пятьдесят тысяч лет назад. Уловили?

Ученые молча кивнули.

— Так вот. А все те, у кого мутация *произошла*, перестали взрослеть, а значит, перестали стариться, а значит, и умирать. Тогда, давно, пятьдесят тысяч лет назад, они перестали умирать. Это тоже ясно?

— Угу, — пробурчал Черепок.

— Ну а раз «угу», — продолжал Всезнайка, — то поэтому-то их скелетов и нельзя найти, раз они до сих пор не умерли. Скелеты-то находят только тех, кто уже умер. А у тех, кто живет — смотри на рентгене. Ясно?

Шприц, Гена и Черепок молчали. Шприц сосал костяную вилку, Гена, скрипел стулом, а Черепок почесывал хвостом свою лысую голову. Все думали. Наконец Шприц сказал:

— Ну, и где же тогда эти, что не умерли? Куда они делись?

— Никуда, — ответил ученый. — Они тут. Среди нас.

— Как это? — не понял доктор.

— А вот так. Вот они! — поочередно ткнул Всезнайка пальцем в себя, потом в доктора, в палеонтолога и наконец в генетика. От этого тычка качавшийся на стуле Гена опасно накренился и, чтобы сохранить равновесие, отчаянно замахал руками, делая ими круги, словно пловец, плывущий стилем баттерфляй.

— Простите, — смутился Всезнайка, глядя, как отчаянно гребет руками генетик.

А Шприц, со свойственной врачам быстрой реакцией, обвил хвостом Генину шею и вернул генетика в нормальное положение. Черепок пошел и купил себе еще чашку кофе.

— Принеси мне пирожное! — попросил доктор.

Черепок стал пить кофе, Шприц ел пирожное. Гена снова заскрипел стулом.

— Вернемся к нашему обсуждению, — сказал Всезнайка.

— Вернемся, — согласился доктор.

— Вы хотите сказать... — в задумчивости произнес Черепок. — Вы хотите сказать...

— Что мы — это и есть они, — докончил за него Всезнайка.

В эту секунду крысиное ребро треснуло, и генетик грохнулся на пол, набив на затылке шишку.

— Затылочной травмы нет, — сказал доктор, ощупывая Генину голову. — Черепно-мозговая кость цела. То есть, тьфу — что я говорю — черепно-мозговой травмы нет, затылочная кость цела. Ясно и без рентгена.

Черепок ничего не заметил. Он в волнении вскочил и забегал по залу. Споткнувшись о ступеньку из берцовой кости черепахи, он опрокинул огромный скелет карликового бегемота, который, в свою очередь, упал на скелет сумчатой крысы. Черепа обоих животных покатались по полу — неровные, словно мячи для регби. Но палеонтолог не обратил на это никакого внимания.

Глава пятая ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

— Принесите нам, пожалуйста, четыре кружки безалкогольного пива, — махнул Всезнайка официантке, принимавшей в это время заказ у другого столика.

Издали она походила на скелет. Черное платье с нарисованными белыми ребрами спереди, позвоночником сзади и тазовыми костями в положенном месте. На черных чулках белой нитью вышиты кости голени и бедра. Такая тут была форма.

— Налей четыре пива! — крикнула официантка бармену.

Всезнайка и его компания были тут не одни. У окна сидела кудрявая малянка по имени Бяка. Ее так прозвали за вредный характер. Она любила делать гадости и использовала музей Скелетов как место для своих «развлечений». Напуганным посетителям, приходившим сюда для повышения уровня культуры, легко было сделать какую-нибудь «бяку». Например, засунуть в капюшон кошмарную челюсть карликовой белозубки.

— Я сюда...

больше...

никогда...

Это повторяла малянка, сидевшая через столик от ученых. Она тяжело дышала. Звали ее Помела. С ней был ее приятель по имени Бобрик, в фирменной футболке музея, которую он успел приобрести в магазине сувениров. Эта футболка походила на пиратский флаг — черная, с черепом и костями. Сам он,

казалось, был в прекрасном настроении, но его спутница сидела с вытаращенными глазами и трясущимися губами.

— Ппо... пойдём, — повторяла она.

— Как, пойдём? Надо же заказ сделать, — отвечал Бобрик, с довольным видом рассматривая свою пиратскую футболку.

— Я больше не могу здесь находиться. Мне не хватает воздуха.

Бобрик обернулся.

— Эй! Вы не могли бы открыть окно? Здесь какой-то спертый воздух!

— У нас кондиционер работает, — ответила официантка. — Окна открывать нельзя, это мешает работе кондиционера.

— Но почему же тогда так жарко? — возмутилась Помела. — Неужели нельзя поставить новые кондиционеры?

— Наши кондиционеры абсолютно новые, — обиделась официантка. — Просто они работают на тепло.

Малянка завертела головой.

— Не понимаю, зачем на тепло, когда такая жара...

— Позавчера выпал снег, и дирекция музея отдала распоряжение переключить кондиционеры на тепло, — ответила официантка. — Кто же знал, что снег растает и опять наступит бабье лето? Да вы не волнуйтесь! Завтра как раз придет техник и перепрограммирует компьютер, управляющий кондиционерами. Приходите к нам завтра еще! Вы, наверно, за один раз не успели всё осмотреть.

На это Помела так закатила глаза, что у официантки отпали всякие сомнения насчет ее завтрашнего прихода.

— Принесите нам, пожалуйста, меню, — попросил Бобрик.

— Одну минуточку, — ответила официантка и пошла относить пиво ученым.

Увидев на столе безалкогольное пиво, профессор-палеонтолог подскочил и залпом осушил сразу две кружки. Всезнайка отпил немного из третьей и подмигнул Черепку.

— Надеюсь, коллега, у вас в голове немного прояснилось, и вы поняли...

— Нет, подождите! — перебил Черепок, подскочив ко Всезнайке и хватая его за воротник своими сильными, привыкшими к ископаемым костям руками.

Всезнайка невольно тоже поднялся со стула.

— Это что же, коллега, получается? — запыхтел Черепок. — Это значит, я, профессор палеонтологии Черепок, и есть... и есть тот самый Хомо Гномус, живший пятьдесят тысяч лет назад? С шерстью на спине и вот таким скошенным черепом?

С этими словами ученый раскрыл портфель и вытащил оттуда череп ископаемого предка, с которым он никогда не расставался. Помела, сидевшая вполоборота к столику ученых, увидев череп, закрыла лицо руками.

— А как же грудная шерсть? — допытывался палеонтолог. — А как же, позвольте спросить, руки, которые у него достают до колен? Вот, пожалуйста! У

меня есть его локтевой сустав! — И профессор выложил сустав на стол. — И что вы скажете насчет объема мозга? Ведь он в три раза меньше, чем у нас?

— Мутации, — небрежно бросил Всезнайка. — Вытрите с подбородка пену, коллега.

В это время к ним подошла Бяка.

— Не найдется прикурить? — спросила она.

На ней было розовое платье из ткани, напоминавшей рыбью чешую. Всезнайке всегда нравилась эта ткань, только он забыл, как она называется.

— Видите ли, уважаемая, — отвечал доктор Шприц. — Мы не курим и вам не советуем. Курение...

Всезнайка улыбнулся и протянул Бяке зажигалку.

— Спасибо, коллега! — улыбнулась она в ответ.

Затянувшись сигаретой, Бяка пустила в лицо Шприцу густую струю табачного дыма, от которого бедный врач сильно закашлялся.

— Ничего, если я здесь присяду? — и, не дожидаясь ответа, она уселась на свободный крысиный стул.

— Мм, — промычал доктор, все еще кашляя. — Вообще-то мы тут обсуждаем...

— Слышала ваш разговор. Мы что, правда произошли от этих? — и Бяка изобразила на своем симпатичном личике кошмарную гримасу.

— Да не только произошли! — воскликнул Черепок, который так и не вытер пивную пену с подбородка. — Всезнайка утверждает, что мы — это они и есть! Что я когда-то был вот таким! — с этими словами Черепок так стукнул кулаком по ископаемому черепу, что тот едва не треснул, а локтевой сустав чуть не улетел на пол. Генетик Гена поймал его в последнее мгновение.

— Да вы поймите! — стал объяснять Всезнайка. — Если бы не потеря гена взросления, людишки были бы как люди. Рождались, выросли, женились или выходили замуж, рожали детей, потом старели и умирали. Все мы читали книги про людей и знаем, как они живут. Только представьте себе, что не появился у нас ген НЕВЗРО, — мы бы были *такие же*, как они! А ведь многие из них даже не доживают до старости, потому что идут друг на друга войной целыми племенами и безжалостно истребляют себе подобных. Но уникальная мутация изменила весь ход нашей истории...

— Как это истребляют? — повернулась к ним малянка Помела с трясущимися губами.

— Истребляют — значит убивают, — пояснил Всезнайка.

— Как, совсем? Насмерть?

— А вы как думали? Люди на это способны. У людей убивать друг друга — обычное дело. Они для этого даже специальные сложные приспособления изобрели. Специальные машины для ЭТОГО. Наподобие ружья нашего охотника Патрона, с которым он охотился на белок. Только его ружье с их убийственными машинами сравниться не может. Не знаю, читали ли вы об этом. У людей есть пулеметы, атомные бомбы, ракеты.

— А что такое пуле... пуле — как вы сказали? — поинтересовалась Бяка.

— Пулемет. Вот охотник Патрон стреляет, например, по зайцу, чтобы добыть его нам на пропитание. А пулеметом люди стреляют по другим людям. И не по одной пуле, а сразу по тысяче!

— Как это по тысяче? — спросил Бобрик в пиратской футболке.

— А очень просто! Пулемет выстреливает одну пулю за другой со страшной скоростью, так что в секунду вылетает десять пуль. В минуту, стало быть, десять помножить на шестьдесят — шестьсот, а в две минуты — тысяча двести.

— Тысяча двести пуль... — задумчиво пробормотал генетик.

— И даже больше.

Некоторое время все молчали. Было слышно, как шипит содовая вода, которой бармен наполнял стаканы.

— И что же эти пули? — сказала наконец Бяка. — Зачем они нужны?

— Они нужны, чтобы пробивать в человеке дырку.

— Как?! — поразилась Помела. — И что же тогда с ним будет?

— Он умрет.

— Как, совсем?

— Окончательно. А его дырявый скелет попадет в музей нашего дорогого друга, профессора Черепка.

И Всезнайка похлопал профессора по плечу.

— Ой, пойдем отсюда! — взмолилась Помела. Она схватила своего приятеля за руку и порывалась встать. — Я больше не могу.

— Погоди ты! Интересно же.

— Чего интересно?! Как в людишках дырки делают? Ой, господи, я сейчас, кажется, упаду со стула в обморок!

И она сделала попытку упасть со стула, но Бобрик вовремя удержал ее.

— Вам плохо? — спросил доктор Шприц. — Не требуется ли вам медицинская помощь?

— Ох, требуется, еще как требуется! У меня скоро инфаркт будет! Вначале эти ужасные скелеты... вон там, в залах. И он всё тащит и тащит меня по этим залам, — показала она на своего приятеля. — Я ему говорю: пожалуйста, пойдем отсюда. Ведь невозможно! Скелеты всё крупнее и крупнее и всё страшнее и страшнее. А какие у них зубы!

— Зубы соответствуют размерам тела, — пояснил Черепок. — Ведь чем крупнее хищник — тем крупнее ему нужна жертва, а чем крупнее жертва — тем крупнее должны быть зубы, чтобы прокусить ее тело и добыть из него мясо, содержащее питательные вещества...

— О-о! — простонала малянка.

В это время Всезнайка нечаянно повернул голову и увидел в окне красавицу по имени Бабаяга, которая гуляла по бульвару Черных тюльпанов. Эта Бабаяга свела с ума многих малянцев. Она была иностранка, приехала в Цветоград из южной страны Мерюкрандии. Каждый малянец, увидев Бабаягу, на время становился поэтом. Всезнайка, например, столкнувшись с ней на улице, написал такие стихи:

Все мы из клеток и молекул.
Но почему же вот она
Такая дивная при этом,
Что я по ней схожу с ума?

Насколько она была красива, настолько же и стеснительна. Чтобы не привлекать внимания своей поразительной красотой, Бабаяга, перед тем как выйти на улицу, мазала лицо черным сапожным кремом, спутывала волосы и надевала на себя грязные, рваные лохмотья с пришитой под ними, с правого бока, подушкой, из-за которой не было видно, какая она стройная.

Но сегодня был особенный день, потому что зацвели гиацинты, и у иностранки был настоящий праздник. Нюхать цветы было ее любимым занятием, которому она посвящала почти все свободное время. В честь праздника Бабаяга сегодня отправилась гулять чистая, с аккуратно расчесанными густыми рыжими волосами, доходившими ей до колен, в красивом белом платье, зеленой кофточке и в тон ей зеленых туфлях на каблуках. С наслаждением вдыхая запах гиацинтов, прекрасная иностранка прошла мимо окон музея. Она небрежно помахивала хвостом в прозрачном шелковом хвостеле. Взгляд ее задумчивых зеленых глаз скользнул по ногам скульптурных гигантов, поддерживавших балкон.

«Великий Ньютон, до чего же она прекрасна!» — мелькнуло в голове Всезнайки. Все бывшие в ней мысли мгновенно смешались, словно кто-то уронил колоду карт. «Для чего нужна красота? — задумался ученый. — Что это вообще такое? Кто-то, понимаешь ли, проходит мимо окна, а у тебя в голове короткое замыкание! Это просто какое-то воздействие на психику...»

Глава шестая НЕМНОГО О ЛЮДЯХ

Что-то тяжелое брякнулось об пол. Всезнайка повернулся на звук. Помела лежала в обмороке.

— Что это с ней? — испуганно спросил ученый.

Шприц поднес к носу малянки склянку с нашатырным спиртом. Помела поморщилась и открыла глаза.

— Не обращайтесь на меня внимания, — простонала она. — Просто старайтесь поменьше говорить всяких гадостей. Я такая чувствительная...

Ее друг Бобрик усадил бедняжку обратно на стул, а официантка в скелетном платье сбегала на кухню и принесла воды со льдом.

— Пейте, милая! — ласково протянула она малянке стакан.

Всезнайка тряхнул головой, словно выходя из какого-то оцепенения.

— Вы знаете, я долго изучал человековедение, — сказал он, чтобы как-то разрядить обстановку. Бабаяги за окном больше не было, и ход мыслей в голове ученого постепенно нормализовался. — Нда... человековедение изучал я...

— А что такое человековедение? — спросил бармен.

Заинтересовавшись их разговором, он оставил стойку и присел у соседнего столика. Все немного успокоились, особенно Помела, которой явно стало легче. Постукивая по краю стакана зубами, она пила холодную воду и разгрызала плавающие в ней льдинки. Видимо, ей стало плохо от жары — кондиционеры продолжали работать «на тепло».

— Человековедение — это наука о поведении существ-великанов, — объяснил Всезнайка. — Людей. Все вы, конечно же, читали о них в книгах. И наверняка читали книги, написанные самими людьми. — Ученый почесал хвостом ухо. — Гигантские люди тоже произошли от обезьян, — сказал он. — Только от гигантских. Мы скромно называем себя людишками, по сравнению с этими громадами, которые в десять раз выше нас ростом. А они свой биологический вид гордо именуют Хомо Сапиенсом, что в переводе с их языка означает «человек разумный». Только разумны ли они?

— Неужели нет? — с сомнением спросил Бобрик. — Я слышал...

— Какие же они разумные, когда стреляют друг в друга из пулемета? — усмехнулся генетик. — Это, простите, даже обезьяна неспособна сделать. И *ещу* ясно, что когда стреляешь друг в друга, то можно убить такого же, как ты сам!

— А если немного пораскинуть мозгами, то догадаешься, что и тебя самого могут убить! — заметил доктор. — Ведь Всезнайка же сказал: «Стреляют *друг в друга*». Значит, *этот* стреляет в того, а *тот* — обратно в этого, причем, именно в своего друга! В результате оба друга могут запросто умереть.

— Какая непроходимая тупость! — вздохнула Бяка.

— Ну зачем же так? — сказал Шприц. — Ведь среди них попадают Галилеи, Коперники.

— Вот именно, — поддакнул Черепок. — Аристотели. Леонардо Да Винчи. Эти, как их...

— Шекспиры, — подсказал бармен. — Моцарты.

— Вот именно.

— Чарли Чаплины...

— Шерлоки Холмсы!

— Мэри Поппинсы!

— Винни-Пухи!

— Карлсоны!

— Бармалеи, — пискнула Помела.

— Да, это так. Среди людей попадают выдающиеся личности.

— Но в массе они ужасны, — заметил Бобрик.

— Что поделать. У них очень большая масса, — вздохнул бармен.

— И некоторым из этой массы порой хочется взять, да кого-нибудь убить.

Помела хрустела льдинками. Каждый раз, когда она слышала слово «убить», малянка вздрагивала.

— Все же, зачем они убивают друг друга? — вздрогнув, спросила она.

Всезнайка немного помолчал и ответил:

— Я долго пытался найти ответ на этот вопрос в книгах людей. И пришел к заключению, что они это делают ради удовольствия.

— Ради удовольствия?? — поразилась все.

— Нам этого не понять, потому что у нас никто никогда никого не убивал, — сказал Всезнайка.

Тут все заговорили хором:

— Ужас!

— Кошмар!

— Как можно убивать таких же как ты?

— Да вы успокойтесь! — сказал Всезнайка. — У них убивать запрещено.

Тех, кто это делает, строго наказывают.

— Лишают сладкого на целую неделю? — прошептала Помела.

— Да нет, у них наказания похуже. Тех, кто убивает, самих потом убивают. Или, по крайней мере, навсегда сажают в клетку, чтоб никого больше не убил.

Если бы кто-нибудь в этот момент посмотрел на Помелу, то понял бы, что она сейчас снова грохнется в обморок. Малянка побелела как полотно. Но все были заняты обсуждением нравов людей.

— Убивать у них строжайше запрещено, — продолжал Всезнайка. — Но людям этого все-таки очень хочется. И для того, чтобы хоть как-то утешиться, они снимают сами для себя фильмы про убийства и смотрят их. От этого их звериные инстинкты немного удовлетворяются, и им на время становится легче.

— А что это такое — звериные инстинкты? — поинтересовался Бобрик.

— Ну... это то, от чего никак избавиться нельзя. Внутри каждого человека сидит как бы древний зверь. И человек с ним все время борется, чтобы этот зверь не вылез наружу. А если он вырвется наружу, то начнет все вокруг крушить. И убить может.

— Но я все-таки не поняла, зачем они это делают, — сказала Бяка. — Почему им нравится смотреть кино, как убивают? Они, что, больные?

— Я раньше тоже так думал, — сказал Всезнайка. — А потом я понял, в чем дело.

— В чем же? — стуча зубами, пискнула Помела.

— А в том, что они просто-напросто большие. И из-за этого им приходится быть такими жестокими. Но нельзя их в этом обвинять. Вы только представьте себе, какие они огромные! Целая гора на ножках с маленькой головкой.

— Это вы что-то странное говорите, коллега, — запротестовал профессор Черепок. — У нас в музее имеется немало их скелетов, и, смею вас заверить, у них голова не маленькая. Раз в пять больше нашей! А раз так, значит, объем мозга у них больше нашего в пять в третьей степени, то есть в сто двадцать пять раз.

— Ну, объем мозга ничего не значит, — сказал Всезнайка. — Вон раньше компьютеры были огромные, а обрабатывали они медленно. А сейчас компьютеры маленькие, но обрабатывают в миллиард раз быстрее.

И ученый сделал большой глоток безалкогольного пива.

— Ну, и при чем тут, что они огромные? — сказал Шприц, выразив на своем лице недоумение.

— Как это при чем? — не понял ученый, пытаясь разгрызть одного из принесенных официанткой мальков воблы. Малек был твердый, как автомобильная шина.

— Но ты же сказал: «Люди жестокие, но я их не обвиняю, потому что они огромные». Хорошенькое дело! Раз огромный, значит, можно быть жестоким направо и налево?

В это время что-то соскользнуло со стула и ударилось о пол. Это была снова обморочная Помела. Шприц потянулся за нашатырным спиртом. А Всезнайка как раз почувствовал, что у него вылетела из зуба пломба, и чертыхнулся с досады.

— Ты чего? — спросил врач.

— Да ничего...

Пломба потерялась где-то во рту, перемешавшись с воблой, и противно хрустела на зубах.

— А вот ты представь... — бормотал Всезнайка, стараясь не проглотить злосчастную пломбу, — представь... сколько нужно еды чтобы... тьфу ты, проглотил все-таки!

— Что проглотил?

— А не важно! Чтобы... чтобы такая громада наелась! Сколько еды ей, чтоб наелась? — закончил, наконец, свою мысль Всезнайка. — И даже — тьфу! — не до отвала, а хотя бы впроголодь, — добавил он, кусая малька.

Разозлившись, что придется идти к зубному, Всезнайка злобно жевал твердую рыбину.

— Из подошвы они у вас сделаны, что ли? — пробурчал он.

— Ну вот еще, — обиделась официантка. — Частный рыболов поставляет. Мормышкин.

Оторвав наконец зубами огромный кусок засоленного малька и набив им полный рот, Всезнайка махнул рукой и продолжил прерванную мысль довольно грубо:

— Так вот, я и говорю: не напасешься на него еды, на этого бегемота!

— Да уж, — согласился генетик Гена. — С питанием бегемотов проблема.

— Какие еще бегемоты? — сказал Шприц, отодвигая свой стул. — Ты чего воблой плюешься — все брюки мне оплевал?

— Да это я образно! — объяснил Всезнайка. — Великан, бегемот, гора, — всё это крупные предметы. Накормить их очень тяжело.

— Да уж. Такую гору попробуй накормить, — словно эхо отозвался Бобрин.

— Ну и что? — сказал доктор. — Чего ты пристал со своими горами?

— А то, что им постоянно приходится думать о своем пропитании, вот их маленькая голова и занята только этим!

— Честно говоря, я вообще не представляю, откуда они столько пищи берут, — сказала официантка. Она присела на краешек стула, облокотившись локтями на стол, и белый скелет на ее платье весь нежно изогнулся. — Мы, например, спилим гриб да пять ягодин земляники нарвем — и нам этого на три дня хватит. А такой гигант может в один присест пятнадцать грибов слопать и полкило земляники умять — и то ему мало будет!

— Неужели целое полкило? — прошептала уже очнувшаяся Помела, посасывая ледышку. — Мне столько за месяц не съесть.

— А вы как думали? — сказал бармен. — Да еще и закусить целым помидором. Такая громадина вынуждена день и ночь думать только о том, как ей набить свой толстый живот — иначе она просто умрет!

— Вот ей и приходится порой взять — да и сожрать своего соседа, — подвел итог Всезнайка. — Когда совсем уж проголодается.

— Так они что... людоеды? — ужаснулась Помела.

Льдинка выпала у нее изо рта в стакан, и малянка задрожала мелкой дрожью.

— Природа заложила в них людоедские инстинкты дикого хищника, да, — ответил ученый. — Иначе они бы не выжили. А вымерли бы, как динозавры. Они не виноваты, это все эволюция...

— Ну... — вмешался генетик Гена. — Теперь-то, когда наука у них тоже развилась и еды производят кучу, они больше не людоедствуют....

— Это так! — согласился Всезнайка. — Но куда им, скажите на милость, девать свои людоедские инстинкты? От инстинктов так просто не избавишься!

— Куда же они эти свои инстинкты девают? — спросил Бобрик.

А Черепок успел сбегать к стойке и самому себе налить стакан безалкогольного пива, потому что бармен сидел теперь, подперев рукой подбородок, за соседним столиком и жадно ловил каждое слово этого разговора о гигантах-людоедах.

— Куда же они их девают-то, инстинкты свои?

— Я же говорю, они снимают сами для себя фильмы, где все убивают друг друга, чтоб хоть как-то утешиться, — объяснил Всезнайка. — Я эти фильмы сам не смотрел, но читал в одной книге, которую написал тот, кто их смотрел.

Все немного помолчали, раздумывая над тем, что могут показывать в фильмах людей.

— И что же в этих фильмах? — сказал наконец Шприц.

— В эти фильмы они вложили всю свою дикую сущность, — сказал ученый. — Там они друг в друга и стреляют, и убивают, и взрывают, и ножиками режут, и на автомобилях давят, и пожарами жгут! Сам-то я эти фильмы не видел. Но тот, кто видел, пишет, что в них Хомо сапиенсы, то есть люди разумные, ведут себя хуже самых диких обезьян, каких только можно себе представить.

— Но как же тогда... как же эти дикие обезьяны смогли достичь почти такого же уровня цивилизации, как мы? — удивился бармен-студент.

— Дело тут в том, что они запретили все свои звериные инстинкты, — пояснил Всезнайка. — Они изгнали их из своей жизни и переместили в кино.

Посмотрев такой фильм, можно узнать, что будет с людьми, если их звериные инстинкты вдруг вырвутся наружу.

— И что же будет? — робко спросила Помела.

— Что будет? Убийства, стрельба! Пожары, бомбы, взрывы, стекла бьются, мебель вылетает из окон!

Выпитое безалкогольное пиво ударило ученому в голову. Всезнайка разгорячился, он размахивал руками и уже почти кричал.

— Пожары, взрывы, самолеты летят: вэу! вэу! и стреляют из пулеметов огромными пулями: ду-ду-ду ду-ду-ду-ду! дома рушатся: взрех-х!! Мор-рдобой! Людишки разлетаются на кусочки — хвесь! дым коромыслом: пш-ша-бах! — Всезнайка пробежал к стойке с бутылками и стукнул по ней кулаком, изображая взрыв: «Трах-с!» — так что несколько пустых бокалов попадало на пол. — Они смотрят на своих огромных экранах войну, где всё взрывается, горит и кх-рушится, и получают от этого удовольствие! — кричал ученый. — Только когда смотрят кино они бывают счастливы!

Кажется, Всезнайка решил продемонстрировать собравшимся дикие повадки людей. Он бегал по залу, опрокидывая скелеты карликовых муравьедов и сумчатых баранов. Он задел кулаком огромный позвоночник пещерного удава, и тот закачался, застучал позвонками и застонал, словно раненый в небе самолет.

— Им бы хотелось *самим* взрывать, сжигать и рушить! — кричал ученый. — Они мечтают сжигать, стрелять и взрывать — да нельзя, запрещено законом! Вот и смотрят на это в кино, чтоб хоть как-то утешиться.

Наконец Всезнайка снова очутился у своего столика.

— Да вы знаете, что они придумали бомбу, которая одна может уничтожить целый город! Это такая бомба, такая бомбища, э-эх! Она б-б-бругась! — тут он так широко махнул рукой, что нечаянно скинул со стола несколько стаканов с пивом, и они разбились, а пиво растеклось по полу.

— Вот, что будет! — сказал доктор Шприц, указывая на пол. — Весь пол в пиве. Принесите, милейший, веник и совок, — попросил он бармена.

— И тряпку с ведром, — крикнула вдогонку официантка.

Помела лежала в обмороке.

— Эдак у меня весь нашатырь выдохнется, — проворчал Шприц, поднося склянку к ее носу.

— Ой, я не могу! — простонала малянка, приходя в себя. — Зачем вы сказали про людишек, которые... которые... — всхлипывала она. — Раз... разлетает... ю-ю-тс...

Стуча зубами о край бокала, бедняжка горько плакала.

— Ну-ну-ну, — смутился Всезнайка. — Не будем. Не будем больше говорить о зверствах людей, если кому-то это доставляет неудобство. А лучше вернемся к моему открытию. И пойдем всю его важность.

— И гениальность, — прошептал подкрававшийся к их столику бармен, который притворился, будто идет за веником, но тут же вернулся обратно.

А Всезнайка был скромный, он сделал вид, что не расслышал и продолжал:

— Из того, что я вам только что объяснил, сам собой напрашивается вывод...

Глава седьмая ЧТО СТАЛО С ВОЛОСАМИ

В музее скелетов разгорелись жаркие дебаты по поводу Всезнайкиного открытия. Читатели уже, конечно, догадались, к чему клонил ученый. Если древние людишки Хомо Гномусы не выросли, то они не могли ни жениться, ни выйти за муж, а значит, у них не рождалось никаких детей. Ведь какие могут быть дети у тех, кому самим-то десять лет от роду! Но время шло...

Хомо Гномусам перевалило уже за пятьдесят лет, потом за сто и за двести, а по виду и по своему характеру все они оставались самыми что ни на есть десятилетними девчонками и мальчишками. Играли в салки и прятки, прыгали через скакалки — да-да, скакалки изобрели уже в те времена! — играли в дочки-матери, казаки-разбойники и кошки-мышки, — в общем, были самыми настоящими детьми. И поскольку Хомо Гномусы больше не старели, они, понятно, не умирали. Войны тоже все прекратились. Воюют-то всегда взрослые, а взрослых никого не осталось. Это ведь происходило на острове. Все взрослые либо от старости умерли, либо перебили друг друга.

— И вот мы всё живем и живем, — подвел итог своим рассуждениям Всезнайка.

Профессор Черепок посмотрел на Бяку, сидевшую возле него. Мелкие коричневые кудряшки, которыми была покрыта ее голова, очень шли к ее фиолетовым глазам. Надо сказать, что этот цвет глаз редко встречается у людишек.

— Вы что же, хотите сказать, что и эта... мм... очаровательная малянка...

— О, спасибо! — прошептала Бяка.

В эту минуту ей пришла в голову мысль, что некоторые людишки такие хорошие, что им ни за что нельзя делать «бьяки».

— Что эта очаровательная малянка... была когда-то обезьяной? — закончил свою мысль Черепок.

— Была, — ответил Всезнайка.

Бяка пристально посмотрела на него.

— И что у нее была шерсть на шее и на ногах? — не унимался палеонтолог.

— Была.

— Куда же она делась?

— Опала, — вздохнул ученый.

— Это представляется маловероятным...

Официантка ползала на четвереньках, собирая в ведро осколки бокалов и вытирая разлившееся пиво. Из-за ее скелетного платья могло показаться, что по полу ползает скелет.

— Понимаете, уважаемый коллега, — сказал Всезнайка, отпив глоточек безалкогольного пива. Пиво в стакане уже нагрелось, и ученый поморщился. Он не любил, когда безалкогольное пиво было теплое. — Понимаете, коллега. Тот факт, что у людишек нет на теле волос... — Всезнайка снова поморщился, отпив еще глоток. — Что у них не растет ни усов, ни бороды... как раз и подтверждает мою теорию. Растительность появляется на лице только во взрослом возрасте. Которого людишки никогда не достигают. Потому что у них не имеется гена взросления.

— В этом что-то есть, — согласился доктор. — Многие явления, наблюдаемые во взрослом возрасте, начисто отсутствуют у людишек. К примеру, облысение. Те, кто не достигает взрослого возраста... они не могут отрастить бороду. Но они не могут также и облысеть!

Тут взгляд доктора упал на сидящего напротив палеонтолога, и он осекся. Остальные проследили взгляд Шприца.

— Интересно, — сказал Черепок. — Почему это я тогда полысел? Ведь, как ты говоришь, волосы начинают выпадать от старости, а мы, людишки, никогда не стареем?

— А они... — промямлил Шприц, которому стало стыдно. Забыв о том, что профессор абсолютно лысый, доктор, кажется, обидел его. — А они... не только от старости.

— От чего же еще?

— Не пойми меня превратно, коллега, — покашлял доктор в кулак. — Облысение очень редко, но все же бывает и в детстве. Яркий тому пример — стригущий лишай. К сожалению, он начисто лишает пациента волос.

— Но я что-то не помню, чтобы я им когда-нибудь болел...

Профессор задумался.

— Ну зачем же сразу лишай? — улыбнулся Всезнайка. — Мало ли от чего можно полысеть?

— Верно! — обрадовался Шприц, которому было неудобно, что он затронул эту тему в присутствии палеонтолога. — Некоторые, например, лысеют от ума.

Всезнайка неодобрительно кашлянул.

— Я тоже слышал эту теорию, — сказал он, поставив свой стакан с безалкогольным пивом на стол. — Но она кажется мне слегка притянутой за уши. Я ведь не полысел. Так что от ума — это вряд ли возможно.

Некоторое время все молчали. Видно было, что разговор зашел в тупик.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — предложил генетик Гена.

— Правильно! — обрадовался Шприц. — Облысение — это какая-то туманная область. Но вот, например, насчет седения можно сказать однозначно. Людишки не седеют.

— Это точно! — неожиданно воскликнул бармен, который до сих пор, вместо того, чтобы готовить напитки, стоял возле их столика.

Но на него никто не обратил внимания.

— И все же, коллега, и все же! — не отставал Черепок, обращаясь ко Всезнайке. — Ты нам так и не объяснил, каким же все-таки образом эта очаровательная малянка приятной наружности, — показал он на Бяку, — из глупой и волосатой обезьяны превратилась в... в...

— Это трудно себе представить, — отвечал Всезнайка. — Но если вы только подумаете, сколько тысяч лет прошло с тех пор! Людишки непрерывно меняются. Но они меняются очень медленно, так что это незаметно.

— Я бы заметила, — возразила Помела. — Я каждый день смотрю в зеркало на свое отражение, и мне ни разу не показалось, чтобы оно хоть чем-то напоминало обезьяну.

— А вы присмотритесь хорошенько, — посоветовал Черепок. — Неопытному людишке это не сразу бросается в глаза. Но если обратить внимание на форму черепа...

— Ой, не надо! — вскричала Помела. — Пожалуйста, уважаемый, прошу вас. Не произносите больше этого слова, у меня от него голова кружится.

Всезнайка встал и подошел к столику, за которым сидели Помела и ее друг.

— Я вам сейчас объясню, — сказал он, присаживаясь рядом. — Вот вы видели когда-нибудь, как распускается цветок?

Помела и Бобрик отрицательно покачали головами.

— А я исследовал этот процесс. Вечером мы смотрим на цветок — и он закрыт. А утром смотрим — он уже раскрыт. Но мы не можем проследить, как он открывается. Это происходит слишком медленно, а наш глаз не улавливает медленные изменения. Но я установил возле цветка автоматический фотоаппарат, который его фотографировал каждые десять минут. И когда я потом собрал все эти фотографии и сделал из них кино, получилось, как будто цветок распускается на наших глазах.

— О да, я читал про этот опыт, — подтвердил Черепок. — Но пробовали ли вы фотографировать самого себя каждые десять минут?

— Людишек надо фотографировать не каждые десять минут, а каждые десять лет. Тогда за десять тысяч лет наберется как раз тысяча фотографий. И если сделать из них фильм, то мы увидим, как людишка превращается в обезьяну.

— Как-как вы сказали? — переспросил бармен, жадно ловивший каждое слово ученого.

Он вообще-то учился в университете, а барменом только подрабатывал себе на карманные расходы.

— То есть простите, — поправился Всезнайка, — я имел в виду, что мы увидим, как обезьяна превращается в людишку.

— Но мне всегда казалось, коллега... — возразил Черепок. — Мне всегда казалось, что обезьяна уже давно превратилась в людишку.

— О да, конечно да! — согласился Всезнайка. — Я говорю, что если бы мы установили фотоаппарат десять тысяч лет назад и все эти десять тысяч лет фотографировали обезьяну...

— Но десять тысяч лет назад не было фотоаппаратов, — заметил доктор.

— Так можно полететь туда на машине времени и установить! — предложил бармен. — Вот у нас в университете...

Тут Всезнайка почему-то рассердился. Впрочем, совсем не почему-то, а по известной причине. Он терпеть не мог, когда нарушали законы физики и говорили про машину времени или вечный двигатель, которые в принципе невозможно построить.

— Машина времени, — сказал Всезнайка, — так же невозможна, как и вечный двигатель, и пора бы образованным людишкам это знать! Время, милый мой, нельзя повернуть вспять, это вам не Кабачковая река. Что *было* — вернуть нельзя, потому что из того, что *было*, сделано то, что было *потом*, а из того, что было потом, сделано то, что было еще позже, а из этого сделано то, что есть сейчас. Невозможно двигаться против последовательности событий, ясно вам? — и ученый грозно посмотрел на бармена. — Вы в каком университете учитесь?

— В Баклажанном, — пролепетал бармен.

— Вот и видно, что в Баклажанном! Если бы вы учились в Кабачковом, вы бы это давно знали. И чему их только в этом Баклажанном университете учат?

Баклажанный университет был в Солнцеграде, и Всезнайка не любил его. Он считал, что преподаватели этого университета, может быть, науку и не плохо знают, но не понимают ее сути. А Кабачковый университет, на Кабачковой реке в Цветограде — это совсем другое дело, потому что Всезнайка в нем сам преподавал.

— Принесите нам лучше еще пива, — попросил красного, как помидор, бармена профессор Черепок.

Бармен был рад побегать за пивом — так ему стало стыдно, что опростоволосился перед научным сообществом.

Глава восьмая

КУДА ДЕВАЕТСЯ ПАМЯТЬ

— Всезнайка, — спросил доктор Шприц, — если я, как ты говоришь, был когда-то людишкообразной обезьяной, то почему я этого не помню? Что-то тут не так.

— Всё так. Наш мозг не бесконечен. Память у него ограничена. Так же, как память компьютера — ясно? Нельзя же записывать и записывать в него разные файлы до бесконечности! Диск переполнится, и придется начать старое удалять. Вот наш мозг и удаляет старую память, а новую записывает на ее место.

— Правильно! — согласился молчавший до сих пор генетик Гена. — Я вот, например, помню, как окончил генетический факультет полгода назад. А до этого я работал в зоопарке. Я там сумчатых кабанов изучал. А еще раньше я работал в солнцеградском зоопарке. Это я уже не так хорошо помню. Там я кормил животных — кабанов всяких, не только сумчатых. А до солнцеградского зоопарка я уже плохо помню. Я тогда на ферме работал и, кажется, кормил там

свиней. Я им корм лопатой засыпал. А что до фермы было — вообще не помню. Помню только — словно в каком-то сне — что иду с ружьем по тропинке...

— А дорогу перебегает дикий кабан? — подсказал Шприц.

— Точно! — воскликнул Гена. — А вы откуда знаете?

— Да так... — пробормотал доктор. — В голову пришло.

Людишки задумались. Каждый пытался вспомнить свое прошлое. Стало тихо, и только из соседнего зала птиц доносилось слабое потрескивание. Это щелкали клювами скелеты ископаемых пеликанов, покачиваясь на сквозняке.

Доктор Шприц вертел в руках бокал, тонкая ножка которого была сделана из плечевой кости фламинго.

— Выходит, у каждого из нас, — сказал он наконец, — за плечами десятки, а то и сотни прожитых жизней, о которых мы не имеем никакого понятия.

— Почему, некоторые имеют, — возразил Всезнайка. — Я, например, уже восемьсот лет веду дневник.

Нижняя челюсть профессора палеонтологии так и отвисла. «Не люблю я вправлять эти вывихи, — подумал про себя доктор Шприц, глядя на челюсть Черепка. — Не успеешь глазом моргнуть, как вот такой больной с вывихнутой челюстью откусит тебе палец».

— Неужели восемьсот лет? — сказал пораженный Черепок, закрыв наконец рот.

— Так ведь восемьсот лет назад и бумаги небось еще не было, — вставил генетик.

— Верно, не было! — согласился Всезнайка. — С того времени у меня сохранились таблички из обожженной глины. Я писал заостренной палочкой на глине, а потом ее обжигал. А первый пергаментный свиток в моем дневнике появился четыреста шестьдесят лет назад. Многие части моего дневника потеряны — я их нигде не могу найти. Ни в городской библиотеке, ни в архивах мэрии. А самой старой бумажной тетради, в которой я писал, двести четырнадцать лет.

— Двести четырнадцать лет? — прошептала Бяка, как завороженная. — Столько лет подряд писать и писать! Вот что значит интеллигентный людишка.

— Не знаю, был ли я таким двести лет назад, — смущенно улыбнулся Всезнайка. — Я тогда был путешественником. Много лет я потратил на то, чтобы добраться до моря, и в конце концов мечта моя осуществилась. Я совершал пешие переходы, а там, где это было возможно, ехал на черных крысах.

— И вы помните всё, что вам встречалось по пути?

— Совершенно ничего не помню. Моя память с тех пор много раз перезаписывалась, и все старое давно стерлось. Но по возвращении в Цветоград (который, кстати, тогда назывался Цветобургом) я написал о своем путешествии книгу. Когда я перечитываю ее, мне кажется, будто ее написал не я, а кто-то совершенно другой. Стил не мой. Слишком много каких-то описаний природы, на которые я бы ни за что не стал тратить чернила и бумагу. Какие-то закаты, рассветы — черт знает что!

Профессор Черепок молча воззрился на Всезнайку, потом залпом выпил стакан безалкогольного пива.

— Не путаешь ли ты себя с Иваном Разведчиком, написавшим знаменитую книгу «Путешествие к морю»? — спросил палеонтолог. — Он там как раз рассказывает о том, как добирался до моря верхом на черных крысах.

— Нет, не путаю, — засмеялся Всезнайка. — Это я и есть.

— Как же это может быть? — засомневался Шприц. — У нас дома есть эта книга, а в ней, на первой странице, портрет автора. Насколько мне помнится, он совсем не похож на тебя. Да у этого Ивана Разведчика форма носа абсолютно другая, он смуглый, а ты светлый, волосы у него кудрявые и черные, а у тебя — прямые и пегие. Ты, голубчик, либо над нами сейчас смеешься, либо болезненно заблуждаешься.

— Хоть он и лицом на меня не похож и книжки пишет совсем не так, как я, но это как раз и подтверждает мою теорию о том, что людишки со временем меняются. У них происходят мутации.

— Поняла! — радостно воскликнула Помела. — Поняла, почему вот этот людишка не помнит, что он болел этим... стри... стригучим лишаём! Это было давно, а память, — тут Помела важно постучала себе по лбу, — а память — она стирается! Вот он и забыл, что облысел.

Глава девятая ГОД ЗА ДЕСЯТЬ

— Кстати, — сказал Всезнайка, посасывая малька воблы. — А вы знаете, что у этих исполинов — людей — даже время течет совсем не так, как у нас?

— Хмм... как же оно течет? — поинтересовался Черепок.

— Время, оно относительно. Это, кстати, открыл ученый-великан. Звали его Эйнштейн. Так вот: у людей одна секунда, как у нас десять. А значит, их время течет в десять раз быстрее, чем наше.

— Но почему же, коллега?

— А я вам сейчас докажу.

Всезнайка встал из-за стола и взял кружку безалкогольного пива.

— Вот представьте себе, — сказал он. — Представьте, что мы сейчас находимся в великанской комнате. В комнате людей. Комната — как футбольное поле. Этот вот стол размером с трехэтажный дом, а я — ростом с подъемный кран. А кружка пива — здоровенная бочка. И вот я, великан с подъемный кран, медленно, медленно тяну стрелу своего подъемного крана, а точнее мою великанскую руку. Беру этой своей огромной ручищей, как ковшом... беру со стола вот эту бочку пива и медленно, медленно подношу ее к своему великанскому рту. Затем открываю этот колоссальный рот — видели, какие у меня там зубы? каждый длиной со столовый нож...

Людишки притихли. Бобрик перестал жевать. Помела широко раскрытыми глазами смотрела на Всезнайку.

— Открываю я рот, — продолжал Всезнайка. — И всасываю в него, словно мощным насосом, глоточек пива. Глоточек — что твоя кастрюля. Делаю еще один глоток, потом еще. Пиво потоком хлещет в мой необъятный рот. Отпиваю половину вот этой самой бочки. Потом медленно закрываю свой исполинский рот, в который запросто поместится вот, например, наш уважаемый доктор...

— Почему сразу я?

— Да это я так, для примера, не перебивай... ну так вот. Медленно закрываю рот, точно ковш экскаватора. Затем медленно тяну стрелу подъемного крана назад к столу и ставлю здоровенную бочку на крышу дома. То есть что я говорю, стола. Представили?

— О-ох! — простонала Помела. — Я, кажется, представила. Мурашки по телу бегут.

— Только не падайте, ради бога, в обморок, — попросил Шприц. — Ей богу, весь нашатырь вышел.

— Какую ужасную картину вы нарисовали! — поежилась Бяка.

— Я рад, что мне удалось поразить ваше воображение, — сказал довольный Всезнайка. — А теперь ответьте: сколько времени ушло у великана на это его исполинское движение? Взять со стола бочку пива, поднести ко рту, выпить половину и назад поставить?

— Хм... думаю, секунд пять, не меньше, — сказал Бобрик. — Пока подъемный кран свою стрелу *туда* повернет, пока *обратно*, пока ковш раззявит, пока захлопнет...

— А насосу тоже время нужно, чтобы полбочки пива всосать, — сказал бармен. — Это вам не фунт изюма.

— Вот именно! — воскликнул Всезнайка. — То есть у людей уходит целых пять секунд на то, чтобы взять кружку пива со стола, отпить и поставить обратно!

— Ну и что? — сказал Черепок. — Какой из этого вывод?

— Подожди. Теперь скажи мне: а сколько у нас занимает взять вот эту самую кружку, отпить и назад поставить?

— Ну, я не знаю... полсекунды где-то.

— Вот видите! — обрадовался Всезнайка. — На то, что у нас занимает полсекунды, людям требуется целых пять секунд. То есть в десять раз больше. А это значит, что для них время течет в десять раз быстрее. Теперь вам ясно?

Людишки раскидывали мозгами. Бобрик взял со стола кружку пива. Очень медленно. Он подражал людям-великанам. Совсем медленно поднес ко рту, словно он подъемный кран, а это не кружка, а бочка. Медленно-медленно всосал один глоток. Помела наблюдала за ним.

— Кажется, мне понятно, — сказала Бяка. — Эти гиганты в десять раз медленнее нас.

— Правильно! — сказал Всезнайка, довольный, что его поняли. — Они в десять раз медленнее нас, а это и значит, что время у них бежит в десять раз быстрее. Вот мы съедаем тарелку супа... если есть не спеша и закусывать

горбушкой. Примерно за одну минуту. А людям на это понадобится десять минут! Мы зубы шесть секунд чистим, а они — шестьдесят. Целую минуту!

— Я бы с ума сошел столько свои зубы драить, — сказал генетик Гена.

— А они не сходят. Потому что мозги у них такие же медленные, как они сами. Пока в этом мозгу электрический сигнал от одного края до другого дойдет... у них же голова с автобус!

Черепок отхлебнул еще пиво. Ему теперь казалось, что он это делает очень медленно, словно он вдруг стал великаном.

— Слушай Всезнайка, — сказал он. — Выходит, они и в школе должны учиться не год, как мы, а десять.

— Так и есть! — обрадовался Всезнайка. — Молодец, профессор, верное умозаключение! Мы за год проходим двенадцать классов — каждый класс по месяцу. А они в одном классе сидят целый год!

— Неужели год? — сказала Бяка. — Как-то не верится.

— Да такая башня пока в класс войдет... пока на стул усядется, пока книжку откроет...

— Все понятно, — заключил бармен. — Эти люди... вначале сидят десять лет в школе. Потом пять лет в институте. Потом сорок лет на работе. Потом двадцать лет на пенсии...

— Ну да! — сказал Бобрик. — А потом снова в школу на целых десять лет, снова на пять в институт, сорок на работу...

— А вот и нет, — перебил Всезнайка.

— Как же нет? — пожал плечами Шприц. — По твоей же теории так и должно быть.

— Так, да не так, — усмехнулся Всезнайка. — Вы человековедение не изучали, а я изучал. И могу вам с полной уверенностью заявить. Люди после пенсии не идут в школу.

Людишки призадумались.

— Это как же? — сказал, наконец, генетик. — Пенсия — оно, конечно, хорошо. Вот я на своей прошлой пенсии здорово отдохнул. Попутешествовал как следует, написал мемуары...

— А я *так* наигрался в компьютерные игры, — сказал Бобрик. — Аж надоело.

— А я, — сказала официантка, — сшила себе штук сто платьев, наверно. А сколько раз на танцы ходила, не сосчитаю. Так здорово перед школой отдохнула, что даже устала.

— Ну да, — сказал генетик. — Но за эту пенсию ведь совершенно забываешь все, чему тебя в школе учили!

— Я закон Ньютона забыла, — вставила Помела.

— А я даже таблицу умножения забыл. Чтобы после пенсии работать, нужно снова в школу идти.

— Ну да, — согласился Бобрик. — А потом в институт. Или хотя бы в техникум. Приобретать там новую профессию.

— Что же тогда эти великаны делают после пенсии? — спросил Шприц.
— А, Всезнайка? Разве они не забывают все, чему их учили в школе? Ведь они на пенсии сидят целых двадцать лет!

Глава десятая КОНЕЦ СВЕТА

За научными разговорами не заметили, как стемнело. А надо сказать, что некоторые малянцы и малянки боятся темноты. Теперь-то мы знаем, что людишки произошли от детей. Собственно говоря, это просто невыросшие дети. А детям, как известно, (не всем, но многим) бывает страшно, когда темно.

— Почему не зажигают верхний свет? — тихо спросила Бяка, пожившись, будто от холода.

Официантка в скелетном платье, которое, оказалось, что светится в темноте, пошла и принесла большой подсвечник с восемью свечами.

— А мы лампочки не включаем, — пояснила она, — а пользуемся свечками. Для уюта.

И, установив подсвечник посередине стола, принялась зажигать свечи. Но от их неровного, колеблющегося света стало только страшнее. По стенам поползли длинные зловещие тени, а висящий под потолком позвоночник удава задвигался, словно живой.

Внезапно возле самого Помелиного уха раздалось:

— Подайте, Христа ради!

Это было сказано таким голосом, что малянка подскочила на стуле от неожиданности. Она и раньше замечала, что ее плеча касается что-то холодное, но была увлечена разговором и не успела посмотреть, что это такое. Теперь Помела в ужасе обнаружила возле своей щеки чье-то незнакомое страшное лицо. И тот, кому оно принадлежало, схватил Помелину руку своей холодной крепкой рукой!

Всезнайка тоже вздрогнул и посмотрел на незваную гостью, которая повторила, обращаясь к Помеле:

— Подай, Христа ради! — и протянула свою темную ладонь с костлявыми пальцами прямо к Помелиному лицу, так что малянка отшатнулась.
— У тебя такие красивые глаза, — сказала гостья своим трясущимся голосом.

Все оторопели, а генетик Гена пробормотал:

— Кто ее сюда пустил?

Ни официантка, ни бармен, ни другие не видели, как эта нищенка, которую звали Кликуша, проникла в кафе и подобралась к столику, за которым они обсуждали научные вопросы.

— Милостыню подай, красивая, — повторила Кликуша, — а я тебя за это не сглажу. Глаза-то у тебя вон какие большие, легко сглазить к чёрту.

Ее голос скрипел, словно старая дверь, висящая на одной петле. Помела в ужасе застыла и не могла пошевелиться от страха. Ее друг Бобрик с интересом

разглядывал пришедшую. Всезнайка брезгливо морщился, а доктор Шприц раздумывал, не сходить ли ему за чемоданчиком с лекарствами, который он оставил в рентгеновском кабинете. «Не помешало бы ей вколоть двойную дозу успокоительного», — думал доктор, глядя на Кликушу из-под сбившейся ему на лоб шапочки с красным крестом.

— Ну что, красивая, денег дашь? — не унималась нищенка. — Какое у тебя белое лицо!

И она провела хвостом, который, по-видимому, давно не мыла, по Помелиному подбородку, оставив на нем черный след.

— Ах! — воскликнула малянка и принялась свободной рукой рыться в сумочке. — Всё отдам, что есть, только оставьте меня в покое!

— Покоя захотелось! — злорадно проскрипела Кликуша.

Как, наверное, некоторые догадались, Кликушу так звали потому, что она вечно что-нибудь накаркает или накличет. Один раз увидела, как шофер Быстролётник в парке с качелей прыгает, и говорит ему:

— Ты сломаешь палец.

— Почему это? — удивился Быстролётник, а Кликуша бормочет:

— Я это перед собой, как наяву, вижу.

И точно: на следующий день Быстролётник сломал палец ноги, прищемив его дверью автомобиля.

Но Кликушины пророчества не всегда сбывались. Как-то она предсказала Пустомеле, что тот сегодня свалится с велосипеда, а он накинудся на нее и оттаскал за волосы. Правда, другие людишки вступились за малянку, и в итоге разыгралась большая драка. Но с велосипеда Пустомеля так и не упал. После драки он с трудом стоял на ногах, и пришлось вызвать машину, чтобы отвезти его домой. А на велосипеде Пустомеля так и не поехал.

У Кликуши были черные волосы и черные-пречерные глаза. Вместе с длинным, загнутым книзу носом они делали ее похожей на ворону. Она и одевалась всегда во все черное и какое-то полурваное, точно из нее перья торчат. А хвост у нее всегда волочился по земле, словно грязная черная веревка. Голос у Кликуши был хриплый, как будто она все время была простужена. Но все-таки она не всегда бывала нищенкой, это с ней случалось лишь изредка.

Кликуша частенько задумывалась о чем-то своем и тогда не замечала ничего вокруг. Стоит она иной раз, сгорбившись, на улице, у стены дома. И вдруг какая-то мысль — словно выскочившее из-за черных туч солнце — озарит ее мрачное лицо. В этот момент Кликуша хватает первого попавшегося прохожего за рукав и, внимательно глядя ему в глаза, моментально что-нибудь предсказывает.

— Тебя ждет дома мешок конфет! — говорит она.

И правда — только он приходил домой, там оказывались конфеты, которые принес в подарок какой-нибудь сосед. Цветоградцы заметили, что кто смотрел на Кликушу весело, добрым взглядом — она тому предсказывала что-нибудь вроде зефира в шоколаде или коробки конфет, а кто в досаде отмахивался от нее — получал испачканную птицей голову или еще что-нибудь в этом роде.

По слухам, птица действовала безотказно, а птицы для людишек — сами понимаете, какие огромные.

Несмотря на эти чудачества, большую часть времени Кликуша была почти нормальная. У нее даже были подруги и друзья, которые утверждали, что с Кликушей всегда весело и интересно, потому что она вечно что-нибудь порасскажет да какой-нибудь ужасной историей поугаует. Она как-то *так* умела рассказывать страшные истории, что всем казалось, будто они видят это всё своими собственными глазами, словно живое. Еще Кликуша умела играть на гитаре и петь хриплым голосом дикие песни.

Но иногда на нее находило, она переставала мыться, напяливала на себя лохмотья, ночевала где попало и бродила по улицам, попрошайничая у прохожих. А если не хотели давать или даже у кого-то просто не оказывалось с собой денег, Кликуша свирепела и проклинала беднягу страшными проклятиями, предсказывая ему разные бедствия. Но, по счастью, когда бывала нищенкой, у нее пропадал дар предвидения, и ни одно из этих прорицаний ни разу не сбылось. Но все равно ее боялись, а у посетителей ресторанов, куда она заходила кланчить еду, пропадал аппетит. Еще бы — у кого в глотку кусок ползет, когда эта нищенка встанет за его стулом и сомкнет свои холодные пальцы у него на горле? Но официанты не могли не пустить Кликушу, потому что она проклинала любого оказавшегося на ее пути, и никто не хотел связываться. Кто его знает — а вдруг она и правда колдунья и проклятье сбудется?

— Всё! Стлажу! — прохрипела Кликуша, глядя, как Помела беспомощно разводит руками — у бедняжки в сумочке не оказалось с собой наличных денег.

— Может, можно по кредитной карточке? — пролепетала бедная малянка.

Лицо у нищенки перекошилось, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, а пальцы рук скрючились, словно их свела судорога.

— У тебя пропадут *все* твои кредитные карточки! — зашипела она. — С них снимут *все* деньги!

— Да как вам не стыдно! — попытался вскочить профессор Черепок, но Кликуша резко повернулась, уперлась обеими руками ему в череп и посадила профессора на место:

— Сиди, лысый! Это я тебя облысила!

Палеонтолог выпучил глаза.

— Кк... к-как? — выдавил из себя он.

— А так! Моим проклятьем ты полысел. А не дашь денег — я на тебя паршу напушу!

Кликушин шершавый хвост плотно обвился вокруг профессорской шеи, а ее твердые, словно вороньи клювы, ногти скребли лысину профессора, будто хотели выскрести из нее перхоть. Хотя известно, что у лысых не бывает перхоти. Черепку стало так жутко, что он сидел и не мог пошевелиться.

— Весь запаршивеешь! — приговаривала она, точно колдовала. — И на вас паршу напушу, а может, и порчу, если милостыню не дадите! — ткнула она

костлявыми мизинцами во Всезнайку со Шприцом. — Милостыню давай, Христа ради! А то я голодная-холодная мне есть-одеть нечего!

Но Всезнайка не терял присутствия духа — не так-то просто было его испугать.

— Вот еще! — возмутился он. — В нашем городе давно нищих нет, и никакая милостыня вам не нужна. Сейчас же прекратите безобразничать и идите в бесплатный магазин для бедных — вам там выдадут еду и одежду, сколько необходимо.

— Не хочу в бесплатный! — капризно завывала Кликуша. — Там еда невкусная, а одежда — безобразная. А я хочу одеваться красиво и есть вкусно. А если милостыню не дашь — я тебя сглажу. Ничего, что у тебя очки, сглазить и через очки можно.

— Какие еще очки! — рассердился Всезнайка, пытаясь отхлебнуть из пустого стакана.

Несмотря на то, что у него до этого было хорошее настроение, ученый теперь уже совсем рассердился, а может, даже и разозлился.

— Никакого сглаза не существует! — воскликнул он. — Это всё сказки. Сейчас время науки и никто в ваш сглаз не верит!

— А ну как сглажу тебя, и вылетит у тебя вся твоя наука из головы вон! Так что не сможешь вспомнить даже самую простую шизифизику!

Всезнайка вздрогнул, потому что в этот момент ему пришел на память его кошмарный сон. В этом сне ученого из Всезнайки переименовали в Незнайку. И тогда у него начисто стерлись из головы все научные знания — он даже позабыл теорему Пифагора и скорость света!

— Вижу, что дрожишь от страха! — скрипела Кликуша. — Милостыню гони! Христа ради!

А официантка хотела защитить Всезнайку и, набравшись храбрости, тихо сказала:

— Никто вам не поверит, что сглаз существует, а вы просто не умеете себя вести.

На это Кликуша скрипнула зубами так, что у нее глаза совсем выпучились из орбит. Волосы на голове нищенки наэлектризовались — как иначе объяснить, что они встали дыбом и в них защелкали электрические искры, словно семечки.

— А вот заболеешь страшной болезнью — и умрешь! — прокаркала она. — Тогда поймешь, что сглаз еще как есть! На тебе скелет виден, — и не успела та отстраниться, как нищенка схватила официантку за ребра скелета, нарисованные на ее форменном платье.

— Ах! — воскликнула та.

— А сглажу, — каркала Кликуша, — так ты *сама* таким скелетом станешь. Смертельные болезни — они стра-а-ашные! — произнося это, Кликуша делала руками ужасные скрюченные движения, закатывала глаза — и белки в них были не белые, а желтые, словно лимоны. — Растаешь, как свечка!

— Страшные болезни давно побеждены! — топнул ногой доктор Шприц, которого эта наглая нищенка вывела из себя, но он просто никак не мог найти слов, чтобы ей ответить. — Людишки вообще не умирают, ясно вам?

— У каждого своя судьба! — прорычала Кликуша. — Думает, что всё хорошо да никогда не умрет, и вдруг бац... — тут она сладко усмехнулась, как будто эта мысль доставила ей удовольствие. — Кирпич на голову!

— Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится! — заверил Всезнайка. — Наши строители всегда соблюдают технику безопасности и кирпичи на край крыши не кладут. Да к тому же, если в каком-нибудь доме идет ремонт, его огораживают, и пешеходы пользуются противоположным тротуаром. Так что кирпич здесь никому ни в коем случае не угрожает.

— Уходите отсюда! — затопал на нее Шприц. — Ничего не понимаю, почему я до сих пор не сделал ей укол и не надел смирительную рубашку!

— Она вас, наверно, загипнотизировала, — подсказал бармен.

— Ах вот вы как?! — взвизгнула нищенка, заломив руки. — Надевать на меня рубашки? Смирить голодную-холодную уколами!

Она и до этого гримасничала, но тут стала корчить такие ужасные рожи, что профессору Черепку показалось, будто у нее под кожей лица скрываются лошадиные скулы, а под подбородком — дополнительная челюсть. Бяка с Помелой от страха закрыли лица руками.

— Ну ладно ж-же! — шипела предсказательница. — Я вам вс-сем... такого напредс-скажу. Каж-ждому... Нет, з-зачем каждому? Всем сраз-з-зу! Вы еще не знаете, что всех вас ж-ждет!

— А что нас ждет? — поинтересовался Бобрик. Его это все даже забавляло.

Кликуша неожиданно замолчала и уставилась в угол зала, в точку, куда сходились три линии: два горизонтальных угла между стенами и потолком и один вертикальный угол между двумя стенами. При этом она подняла кверху руки и в каждую взяла по густой пряди своих нечесанных и невымытых, черных, как воронье крыло, волос. Прорицательница смотрела в эту точку и качалась из стороны в сторону, скрипя суставами — черная и тощая, словно сухое дерево в бурную ночь. Качаясь, она делала руками круговые движения, и пряди ее длинных волос извивались, точно кобры. Хвост вертелся, как вентилятор. При этом нищая шевелила губами, так что можно было подумать, будто она что-то читает, и шептала неразборчиво, с каким-то особенно гадким присвистом, похожим на шипение змеи. От ее машущей руками и вертящей хвостом фигуры шел холодный ветер. Несколько свечей погасло, на других пламя низко пригнулось, словно от страха.

Даже Всезнайке стало не по себе. Он сидел и смотрел на эту танцующую сумасшедшую, и сколько он так просидел, Всезнайка не помнил. На мгновение ему показалось, что она ведьма. И ученому даже не пришло в голову, что, собственно, можно было бы давно встать и уйти — чего он тут сидит и смотрит

на весь этот бред? Но ни о чем таком он не подумал. Всезнайка сидел и смотрел, так же, как и остальные.

Вдруг ведьма резко повернулась к ним, ударила по столу хвостом, точно кнутом, высоко подпрыгнула, поджав под себя ноги, и каркнула, как настоящая ворона:

— К-конец света!

От неожиданности людишки вскрикнули, малянки схватились за головы. Позвоночник удава задрожал под потолком, словно отрывающийся от земли самолет.

— Пер-рвого январ-ря! Тр-ридцать пер-рвого вы все еще будете жить и радоваться жизни, а пер-рвого всех вас накроет. Света конец...

Дунув на свечи со зверской силой, она разом потушила их все. И в полумраке выскочила из зала — так быстро, будто тень промелькнула.

— Вот черт! — прошептал Шприц, и в этот момент со страшным грохотом рухнул скелет карликового бегемота.

Глава одиннадцатая ЗАБОЛЕЛИ

На следующий день после своей вылазки к газовой трубе Пустомеля и повар Кастрюля оба заболели с высокой температурой.

— Вот черт! — рассердился доктор Шприц. — Не успел снег выпасть, как уже двое больных. Вызывай участкового! — сказал он растерявшемуся Растяпе. — Мне на работу надо, меня серьезные больные ждут, а с этими мне разбираться некогда.

Шприц был главврачом Цветоградской больницы. Он вместе с Растяпой, Пустомелей, поваром Кастрюлей, слесарем Напильником, музыкантом Роялем и другими малянками жил в общем двухэтажном доме на Незабудковой улице. Цветоградцы этот дом называли коммуной. Здесь все было общее. Спали в общей спальней, где стояло пятнадцать кроватей, ели в общей столовой. Вместе всё обсуждали, вместе играли в разные игры. Если кому-то грустно, другие всегда утешат и развеселят.

Малянки вместе вели хозяйство, что было очень удобно. Повар готовил на всех, слесарь чинил, музыкант развлекал музыкой, врач лечил, а Пустомеля — болтал попусту, но даже такой член общества бывает полезен, потому что, как говорит ученый Всезнайка, раз в сто лет из пустой болтовни может родиться гениальная мысль. Всезнайка тоже когда-то жил в этом доме, но потом, став мэром Цветограда, он переехал. На самом деле эта коммуна была единственная в городе. Остальные цветоградцы жили в нормальных отдельных домах или квартирах.

— Слава богу, что у него нет времени, — прохрипел Пустомеля, когда Шприц ушел.

Повар Кастрюля тоже так думал.

— Сами вылечимся, — сказал Пустомеля и послал Растяпу за жаропонижающими таблетками.

— Нельзя нам было так долго в снегу валяться, — слабым голосом произнес Кастрюля.

— Ерунда, — отозвался Пустомеля.

— Что-то тошнит и голова кружится, — пожаловался повар. — А вдруг у нас воспаление легких?

— Плевать!

— Хвост саднит...

— Да ерунда!

Пустомеля, у которого кровать была соседняя с Кастрюлиной, придвинулся к самому уху товарища и прошептал:

— Зато мы скоро будем хозяевами крупнейшей газовой компании «Газнаш»! Всезнайка сгрызет свои очки от досады.

Повар осторожно спросил:

— А он не может на нас как-нибудь наехать?

— Кто, Всезнайка? Да кто он такой, чтобы на нас наезжать! Да я ему...

— Не скажи, — тут Кастрюля опасливо огляделся по сторонам. — Он ведь теперь мэр. И первый ученый города. Да еще и газком. То есть газкомандующий всего Цветограда.

— А ты чего оглядываешься? — прохрипел Пустомеля и тоже на всякий случай оглянулся.

Но в комнате, кроме них, никого не было. Все давно ушли на улицу. Погода сегодня стояла чудесная. С утра сильно потеплело, выпавший ночью снег растаял, и людишки играли на улице. Вдоль тротуаров бежали ручьи, малянцы пускали в них спички и спорили, чья быстрее доплывет до канализационного водостока.

— Больно теперь Всезнайка важный стал, — вздохнул повар. — К нему теперь и не подступишься. Строгий какой-то. Того и гляди за что-нибудь накажет.

— Я ему накажу, — просипел Пустомеля, у которого от разговоров почти совсем пропал голос. — Да он совсем обнаглел! Надо же, всю жизнь жили вместе в этом доме, сколько себя помню, а теперь ему, видите ли, отдельная резиденция понадобилась. Дескать, такой занятой, все его отвлекают, а ему надо городом руководить. Будто без него город прожить не сможет. Раньше как-то жили — не тужили. А этот совсем зазнался. Я его вчера на улице видел, как он в машине с шофером ехал. На светофоре остановились — он стекло опустил, я ему: «Привет», а он меня даже не заметил. Смотрит себе сквозь меня куда-то, словно я — пар. Памятников себе по всему городу понаставил, нос так задрал — того и гляди обломится. Его теперь не Всезнайка, а Зазнайка звать надо. Предлагаю обсудить это на домовом собрании!

— Да он хороший, — пытался защитить Всезнайку повар. — Но у него и правда много работы, а если он будет отвлекаться, то не сможет ее выполнять.

— Кому его работа нужна? Ну хорошо, хочешь — живи отдельно, но ты, вообще, видел, какой он себе особняк на бульваре Эдельвейсов заполучил? Три

этажа, колонны, балконы, гербы всякие и завитушки на окнах... На крыше — четверка коней! Ну вот скажи: зачем мэру кони на крыше, а?! — тут Пустомеля неудачно кашлянул и совсем потерял голос.

А повар как будто что-то вспомнил.

— Слушай, — сказал он. — А ведь ты прав. С тех пор как он поселился в этом особняке, он какой-то странный стал. Я и забыл, у меня совсем из головы вылетело. Я теперь вспомнил. Я его тоже на улице встретил, два дня назад. А у него какие-то глюки.

— Какие еще глюки? — прошептал Пустомеля.

Вслух говорить он не мог.

— Я его встретил. Он из своей машины выходил. Вышел из машины и как-то странно смотрит. Под ноги пешеходам. Словно что-то там на тротуаре разглядывает.

— Ну и что?

— Я ему говорю: «Привет, Всезнайка!»

— А он: «Уйди, собака. У меня для тебя косточки нет». И вошел в какой-то подъезд. С собакой меня перепутал. Глюки у него. Совсем заработался.

— Да какие глюки? — вскипел Пустомеля. — Нос он задрал! Так зазнался, что мы для него — собаки. Жаль меня там не было, я бы ему такую собаку показал...

Глава двенадцатая КОМУ НУЖНЫ ЦАРИ?

Пустомеля был прав, когда говорил, что мэр отдалился от друзей. Но он вовсе не «задрал нос» и не стал зазнашкой, как утверждал Пустомеля. У него действительно было работы невпроворот. А особняк на бульваре Эдельвейсов Всезнайка не «заполучил», а его выделили под резиденцию на общем собрании мэрии. Здание стояло заброшенным много лет, и жители бульвара Эдельвейсов не помнили, когда в нем вообще кто-то жил. Память-то у людишек коротенькая. Что было в далеком прошлом, никто не помнит. Должно быть, жильцы покинули этот особняк еще в прошлом веке.

По решению мэрии строительная компания произвела в доме солнцеремонт. Так в Цветограде называют ремонт, когда внутри старых зданий всё ломают и переделывают по последнему слову техники. Сносят печи и проводят паровое отопление, а заодно и водопровод с электричеством, и канализацию. Но отделку комнат в резиденции мэра произвели как бы под старину. Стены обклеили пластиковыми обоями, которые по виду не отличишь от старинных, шелковых. Зато под этими обоями провели тысячи проводов — так что в любом месте можно подключить компьютер и вообще все что угодно. В старые свечные люстры вкрутили диодные лампочки, а на стены, в тяжелых золотых рамах, вместо картин повесили плоские телевизионные экраны, которые показывали те же самые старинные картины, что висели тут много лет назад.

Преимущество таких экранов очевидно: картины можно менять, а когда захочешь — смотреть по ним телевизор или играть в компьютерные игры. В картинах, изображавших охоту, дизайнеры очень искусно заменили лица охотников на лицо мэра. На одной картине мэр в сапогах со шпорами целится из ружья в огромного медведя, а на другой — бесстрашно сражается с диким кабаном. Но когда Всезнайка это увидел, он рассердился и велел вернуть настоящих охотников на место.

По окончании солнцеремонта Всезнайка поселился в своей новой резиденции со всеми удобствами. Первый этаж занимали приемная мэра, зал ожидания и научные лаборатории. На втором — был кабинет, оранжерея, где ученый любил уединяться, чтобы подумать, аквариумный и компьютерный залы, а также спальня. «Теперь другое дело! — радовался Всезнайка. — Полно времени для работы, никто не отвлекает. И наукой можно заняться, и городом руководить».

Надо сказать, что несмотря на то, что Всезнайке теперь никто не мешал, на науку у него оставалось мало времени. Все уходило на управление городом. Только многие людишки еще не поняли, насколько важно, чтобы городом правильно управляли, и это огорчало Всезнайку. На прошлой неделе он как раз обедал у своих прежних, можно сказать, друзей и соседей, на Незабудковой улице. Что и говорить — соскучился. Доктор Шприц, художник Мальберт, музыкант Рояль, Натурик с Конкретиком и другие — были очень рады Всезнайке.

— Эх, как мы по тебе соскучились! — говорили они.

Всезнайку усадили в кухне за стол, художник тут же установил мольберт и стал писать портрет мэра, а музыкант Рояль сыграл ему на своей новой ударной установке торжественную перкуссию. А повар Кастрюля приготовил такой обед, что просто превзошел себя.

— Лучше, чем в столовой мэрии, — похвалил Всезнайка. — Хочешь, я тебя устрою к нам на работу? Будешь кормить городскую элиту.

— Спасибо, Всезнайка, но у меня и так дел хватает. Ты ведь сам подписал разрешение на открытие еще трех филиалов моего ресторана. Работы невпроворот!

Это Кастрюля преувеличил. На самом деле он в другие филиалы своего ресторана никогда не заглядывал, а продолжал себе готовить блюда в главном отделении «Патиссона». Так его ресторан назывался. Кастрюля хоть и разбогател и друзья уговорили его открыть филиалы в разных концах города, но повару не хотелось ничего в своей жизни менять. Он любил готовить и не хотел руководить ресторанами.

А Всезнайка был так рад, что навестил дом на Незабудковой улице! Тут все было такое родное! Все-таки он здесь прожил столько лет... Правда, входя в дом, Всезнайка заметил, что он как-то постарел (я имею в виду дом, а не сам Всезнайка, потому что людишки не стареют). Крыльцо съехало набок, дверные косяки покосились. Обои в коридоре грязные, потолок на кухне закоптился, а окна не совсем прозрачные — такое впечатление, что их давно не мыли.

— Что это у вас окна грязные, — сказал мэр, — давно, что ли, их не мыли?

— А как ты от нас съехал, мы их конкретно перестали мыть, — ответил Конкретик. — Это ты у нас любил чистоту, а нам и так хорошо.

— А ты за других не говори, — остановил его Рояль. — Мы чистоту любим. Просто как-то до окон руки не доходят.

— Мне грязные окна очень мешают, — пожаловался художник Мальберт. — Света недостаточно, и из-за этого я могу ошибиться, когда смешиваю краски.

— Так ты возьми и помой в натуре! — предложил ему Натурик.

Мальберт на это ничего не ответил, а Растяпа сказал:

— Мы к тебе, Всезнайка, так привыкли, что без тебя какая-то скука.

— И некому заставить делать уборку, — вставил монтер Молоток.

— Ага, изнываем прям от скуки, — зевнул Пустомеля. — Никто тебя не поучает, никто не читает мораль, никто не скажет: «Перестань есть руками» или: «Не вытирай хвост об занавеску». Прямо как-то неинтересно!

— Всезнайка, гляди, как я жонглировать научился! — дернул мэра за рукав малянец Филя, друг Натурика и Конкретика.

Филя вынул из холодильника пачку яиц колибри и, прежде чем его успели остановить, принялся жонглировать яйцами, да так ловко, что Всезнайка положил ложку и заплодировал.

— Bravo! — сказал мэр. — Когда это ты успел так научиться?

Филя и правда стал в этом деле профессионалом. Он был упорным малянцем и жонглировал целыми днями с утра до вечера. Теперь Филя был счастлив показать мэру свое искусство. Яйца летали по всей кухне, то к окну, то к плите, а Филины руки везде поспедали и хватали их в последнюю секунду, когда казалось, что яйцо вот-вот размажется по стене. Тут Всезнайка заметил на стенах многочисленные желтые пятна.

— Так это ты здесь тренируешься? — догадался мэр.

— Ага! — радостно подтвердил малянец и, на ходу распахнув холодильник, выхватил из него помидор-черри и две горошины и присоединил все это к летающим яйцам. — Ну как?

— Профессионально! — похвалил Всезнайка. — Можно поступать в цирк.

— А я еще и вот так могу! — воскликнул Филя, радостный, что похвалили. Продолжая жонглировать пятью яйцами, помидором и горошинами, он выхватил из раковины чеснокодавку, две вилки и нож, и тоже пустил в дело. — Ну как?! — закричал он торжествуя.

Малянцы отошли подальше, в сторону двери, и только Всезнайка продолжал сидеть за столом, держа ложку с супом перед губами.

— А может, хватит? — робко спросил Растяпа, но Филя ловко подцепил хвостом валяющуюся на полу скалку и пустил в кружащий по кухне водоворот вещей.

Скалка его и подвела. Непонятно каким образом она задела за люстру и, отразившись от нее, ударила мэра прямо по голове. Всезнайка потерял сознание и упал на пол, а Филя так растерялся, что у него прямо руки опустились. Он был, можно сказать, на вершине славы, и тут скалка подвела! Никем не контролируемые яйца разлетелись в стороны и размазались по без того уже грязным кухонным обоям, а нож воткнулся в дверной косяк в миллиметре от уха доктора Шприца.

— Идиот! — закричал Шприц на Филю, а Угрюм проворчал:

— Вечно так. Мало ему яиц — хватъ помидор. Мало помидора — давай ножик. Мало ножа — бери скалку. В прошлый раз огнетушителем стекло выбил и петуха во дворе ушиб.

А надо сказать, что в тот момент, когда Филя подцеплял скалку хвостом, он в глубине души чувствовал, что не стоит этого делать. Но очень уж ему хотелось удивить самого мэра Цветограда!

— Что это было? — спросил удивленный мэр, когда его привели в чувство и опять усадили за стол, а повар Кастрюля добавил в остывший суп горячих фрикаделек.

— А это было то, что в доме нету порядка, — мрачно ответил Угрюм. — Каждый делает, что хочет, и ни на кого управы нет. Если б ты, Всезнайка, к нам вернулся, все было бы хорошо, а так — нет. Этот Филя — ладно еще, он с нами не живет и раз в неделю только приходит. А вот от Пустомели вообще житья нет. И другие тоже. Распоясались. Говорю этому Кастрюле: «Сколько можно суп пересаливать?» — а он хоть бы что! Растяпа вечно всё путает, чистит свои грязные зубы чужими зубными щетками! Шприц ходит какой-то... рассеянный. Один раз дал мне от плохого настроения слабительное, а другой раз от запора — крепительное. Тоже мне доктор — так и убить можно! А Молоток-монтёр люстру чинил, чинил — да выдрал дрелью кусок потолка и говорит: «Потом дочиню». Так и живем без люстры. Вот, гляди: Рояль в кухне ударную установку поставил. Всё какую-то прокуссию разучивает. Есть невозможно! От его литавров еда изо рта обратно выскакивает — а ему всё по барабану. Мальберт тоже не лучше: взбрело ему в голову наш салон фресками расписать. Говорит: «Ко мне Муза пришла». Разбросал повсюду палитры и тюбики с краской, а она потом возьми и уйди!

— Кто? — поинтересовался ученый, надкусывая фрикадельку.

— Кто, кто? — проворчал Угрюм. — Муза! И теперь обои со стен содраны, а фрески так и не нарисованы, только две какие-то ноги голые торчат неизвестно откуда и хвост. А на полу — палитры, вечно в краску тапком вляпываешься. Живем в хлеву.

— Это не хлев, а творческий бардак, — возразил Мальберт. — Я фрески закончу, не беспокойся. Просто писать картину, когда у тебя нет вдохновения — глупо.

— Никтошка от рук отбился, — бубнил Угрюм. — Раньше в полночь домой возвращался после своих прогулок. А теперь — в три часа ночи. Приходит и стучит, и стучит под дверью.

— У него разве ключа нет? — рассеянно спросил Всезнайка, наслаждаясь супом. «Да, — думал мэр. — Этого супа мне теперь очень не хватает». У него все еще болела голова, на которой от удара скалкой выскочила огромная шишка.

— А чего ключ? — бурчал Угрюм. — Этот Пустомеля — больной на голову — вечно дверь на засов запрет, да еще и шваброй припрет, чтоб снаружи не открыть было. Он, видите ли, какую-то там Хихимору боится.

— Не Хихимору, а Шишимору, — поправил Мальберт.

— Какую еще Шишимору? — попытался улыбнуться Всезнайка, трогая шишку на голове, которая довольно сильно болела.

— Да мало ли во что эти дураки верят, — фыркнул Угрюм.

— А Угрюм вообще невыносимый стал, — сообщил Пустомеля. — Бурчит себе под нос с утра до ночи. По-моему, уж лучше ударная установка или дырка в потолке. Этот Угрюм кому хочешь *в голове* дырку сделает!

— А ты не возникай, — ткнул его в бок Угрюм. — Если бы Всезнайка с нами до сих пор жил, разве бы он тебе позволил гонять мяч по квартире и забивать голы в окна?

— Как это, в окна? — удивился мэр.

— А так! Этот его друг, как его... Шпунька или Гайка...

— Сам ты гайка!

— Они открывают окно, и он стоит как «на воротах», а Пустомеля с разбега лупит по мячу. Если мяч в окно улетел — значит, гол, а если Шпунька его отбил — значит, либо какая-нибудь настольная лампа вдребезги, либо кастрюля с супом на полу, либо...

— Как тебе не стыдно, Пустомеля! — погрозил пальцем Всезнайка. — Вижу, ты совсем распоясался! А ты чего, — повернулся он к Шприцу, — не вколешь ему какой-нибудь укол?

— Да ты что! — возразил доктор. — Разве так можно! Уколы — они для медицинских целей, а не для воспитательных. Ведь в них лекарство, а его нельзя принимать просто так, если не болеешь. Лекарства отравляют организм. А воспитывать мне их некогда, у меня больных куча. И вообще, у нас демократия, и телесные наказания отменены.

— Может, вернешься, в натуре? — спросил Натурик Всезнайку. — Видишь, без тебя никак!

— У меня теперь другие заботы, — сказал мэр, доев суп.

— Ну, теперь второе! — подоспел Кастрюля, забирая тарелку.

— Я теперь руковожу целым городом, — объяснил Всезнайка. — Это раньше мы жили, как дикари, которыми никто не управляет. А теперь мы стали цивилизованным обществом. И им нужно руководить.

Всезнайка был рад рассказать друзьям о своих проблемах. Ему казалось, что в Цветограде мало кто понимает важность работы мэра.

— Мэру в нашем городе не хватает власти, — сказал Всезнайка малянцам.

— Это как? — не понял Мальберт.

— А так! Каждый в нашем городе делает, что хочет, и людишки еще не привыкли, что на все нужно получать разрешение от властей и нельзя делать что попало. Например, если хочешь открыть селечный магазин — подай просьбу в мэрию. А если решил построить площадку для игр — опять же подай просьбу в мэрию.

— Это конкретно зачем? — не понял Конкретик.

— Конкретно затем, что может быть, ты своим магазином кому-нибудь помешаешь. Например, запах селетки станет будить людишек по ночам. А от игровой площадки — шум, а рядом, может быть, библиотека или студия звукозаписи, где людишкам тишина нужна. Мэр всё про свой город знает, и он подскажет, где лучше магазин открыть, а где ресторан, и как его назвать, и где товары закупать, и кого на работу принять, и так далее.

— Ну, с одной стороны, это может быть и верно, — начал Мальберт, но Всезнайка его перебил:

— Это со всех сторон верно. В городе должна быть централизованная власть, и так же, как телом людишки управляет один центр, находящийся у него в голове, так же и городом должен управлять один людишка: городской голова или, по-другому, мэр. А если каждый будет делать, что ему в голову взбретет, то это будет не город, а мусорная свалка.

— Это что же, — сказал Шприц. — У нас, как и у этих кошмарных великанов-людей, будут короли, цари и президенты?

— Ну почему сразу «как у людей»? — возразил Всезнайка. — Мы ведь не такие агрессивные, как они. Мы — разумные, и власть у нас будет разумная, то есть добрая и справедливая.

— А он что, царь теперь, что ли, будет? — сказал Пустомеля, ткнув пальцем в Всезнайку. Но на Пустомелю все зашикали, чтоб не обижал мэра. Все-таки, мэр — уважаемый член общества.

— А что царь, что царь? — сказал Всезнайка. — Вон даже в сказках говорится: «Правил народом мудрый царь Иван такой-то или Гвидон такой-то.

— Или Берендей, — подсказал Рояль.

— А то еще был царь Горох, — вспомнил Кастрюля. — Он давно жил. Говорят, при нем хорошо было...

— Ну да. Царь — он мудрый, он и посоветует всем, если что. Он своему народу помогает, он все дела решает, он управляет...

— А нами управлять не надо! — перебил Пустомеля. — Мы и без твоего управления проживем.

— Ага, проживешь ты, — буркнул Угрюм.

Все заволновались:

— Нет, какие цари, в натуре?

— Конкретно, не надо никаких царей!

— Нам и так хорошо!

— А вдруг он на нас всех наедет?

— От царей войны бывают, и там всех убивают!

— А я одного царя видел, — тихонько сказал Никтошка. — Только под водой и во сне.

Но его уже никто не услышал. Все уже кричали и били хвостами по столу, а некоторые стали хватать друг друга за руки и даже за шиворот. Грозила разразиться настоящая драка, и Филя, как всегда в таких случаях, схватил из ящика несколько вилок и ножей и изо всех сил принялся ими жонглировать, так что столовые принадлежности летали перед носом у ссорящихся людишек, приводя их в бешенство.

— Ты чего его трогаешь?! — закричал Напильник, обвивая хвостом руки Рояля. — Он же мэр!!

— Ну и что, что мэр! — пропел в ответ Рояль оперным голосом. — Если мэр хочет стать царем, то это — самодержавие, и нужно устраивать р-революцию!

— Какая революция?! — воскликнул Шприц. — Вы что, с ума сошли? Это у великанов-людей революция, а мы — цивилизованные людишки!

— Он хочет узурпировать власть! — стукнул Шприца в плечо Мальберт. — Мы должны ему помешать!

— Чего вы орете?! — пытался перекричать их Молоток. — Ну и что, если мэр будет называться царь, какая разница?

— Долой царя! — заорал Натурик. — В натуре!!!

Тут Пустомеля влез на стол, схватил половник и пустую кастрюлю из-под супа и стал так громко стучать ими друг об друга, что у всех заложило уши, кроме Рояля, который их вовремя заткнул. Рояль, будучи музыкантом, очень берег свои музыкальные уши.

— Стойте! — крикнул Пустомеля, перестав бить в кастрюлю. — Я все понял!

Начавшаяся было драка приостановилась. Конкретик все еще держал Угрюма за шиворот, но пока не дергал, хотя и не отпускал. А Мальберт хоть и вцепился в ухо Молотка, но тянуть перестал, а только держал за мочку.

— Ну? — сказал Конкретик Пустомеле. — Говори конкретно: мне его бить или не бить?

— Не тяни, Пустомеля! — попросил Молоток. — Драка на мази!

— Что ты понял? — спросил Шприц.

— Вот! — отвечал Пустомеля, стоя на столе. И стукнул слесаря половником по рукам, которыми тот вцепился в Пустомелины ботинки.

— Ай!!

— Мэр-то наш, — сказал Пустомеля. — Всезнайка-зазнайка. Не в себе! Его ж только что скалкой по башке стукануло. Вот он и понес околесицу про царя! Это ему всё померещилось. Какому же нормальному людишке придет в голову царем стать? У него же, наверное, сотрясение мозгов! Надо его в кровать уложить и укол в попу сделать, чтобы поспал как следует. Тогда все цари у него из головы вылетят. А вы на больного людишку накиннулись.

— А ведь Пустомеля прав, — стукнул себя по лбу Шприц. — Как же это я сразу не догадался, что его надо лечить? — Он подошел ко Всезнайке и взял его

за руку. — Пойдем. Я тебе отдельный бокс выделю, там тебе никто не будет мешать. Как в резиденции.

— Да я — всё нормально, — пытался возразить мэр, но Шприц не дал ему слова сказать:

— Молчи, при сотрясении мозга нельзя разговаривать. Тебя сейчас начнет тошнить, а может и вырвать.

При этих словах маляницы отошли от Всезнайки подальше, но мэр сказал:

— Нет, здесь я оставаться не могу. Отвезите меня домой, в резиденцию.

— Хорошо, — согласился Шприц. — Быстролётник! — позвал он шофера. — Заводи машину!

Шприц с Быстролётником отвезли ученого в резиденцию и там уложили в кровать. Шприц померил ему температуру, забинтовал голову и укрыл двумя одеялами. Доктору показалось, что в огромной спальне мэра недостаточно натоплено. Когда спустились во двор, было уже темно.

— Чем это так мерзко пахнет? — спросил Быстролётник.

— Я тоже заметил, еще когда из машины выходили, — отозвался Шприц. — Это какое-то лекарство, но никак не возьму в толк какое. Валерьяна — не валериана, шалфей — не шалфей.

— Может, тут какие-нибудь цветы растут? — предположил шофер. — Ядовитые.

— Да нет... лекарство кто-то разлил. Нес, наверно, из аптеки — и разбил об асфальт.

Из-за крыши соседнего дома всходила огромная луна. На мгновение доктору показалось, что с ней что-то не так, но не успел он понять, что, как Быстролетник вцепился ему в рукав.

— Что... что это?! — показал шофер в сторону особняка.

Шприц посмотрел.

— Да это же просто куст.

— Он идет сюда! — заорал Быстролетник. — Скорее! — Он кинулся к машине, но зачем-то стал открывать багажник. — Скорее в капот!

— Ты чего? — поразился доктор. — Белены, что ли, объелся?

В лунном свете глаза Быстролетника показались ему огромные, как автомобильные фары.

— Там... — бормотал шофер. — Сюда...

Доктор присмотрелся.

— Это обыкновенный куст. Никуда он не идет. Тень просто двигается. От ветра. — Он оттащил Быстролётника от багажника, открыл дверцу машины и усадил шофера на место пассажира. — Я поведу.

Шприц закрыл за Быстролётником дверцу. Порыв ветра принес с собой еще больше неприятного запаха. Запах был очень знакомый. Но Шприц, хоть убей, не мог вспомнить, как называется это лекарственное растение. Зверобой? Облепиха? От резкого запаха у него закружилась голова. Пошатываясь, доктор обошел машину. Он взялся за ручку двери, но тут почему-то возникло желание посмотреть вверх. Шприц поднял голову, и волосы на ней мгновенно встали

дыбом, сбросив его медицинскую шапочку с красным крестом. Небо над головой доктора словно кто-то разделил на две половины. Ровной прямой линией. Справа оно было бледное, почти белое, а слева — совершенно черное. Но это бы еще ладно. Там, наверху, на черной половине неба, неподвижно висела белая ведьма верхом на метле. А на белой половине — лицом к этой ведьме висела вторая, точно такая же. Только абсолютно черная. И крутила хвостом.

В общем-то, ведьмы были не страшные. Но волосы у врача стояли дыбом. Он в ужасе показывал пальцем на ведьм, словно хотел сказать кому-то: вот, смотрите! Но Быстролетик сидел в машине и не видел, а больше никого не было. Шприц попытался крикнуть, но горло не послушалось его. Он не помнил, как очутился в машине, как завелся мотор и они выехали на улицу. Придя в себя, Шприц заметил, что мчится с бешеной скоростью по пустой автостраде. Миновав тоннель, доктор взглянул через лобовое стекло на небо. Оно было совершенно обыкновенное, всё в темно-серых, подсвеченных городскими огнями облаках. Быстролётник на соседнем сидении клевал носом. Приближался указатель: «Выход 15. Незабудковая улица». Доктор машинально съехал с шоссе, и скоро они уже были дома.

А Всезнайка про странные зловключения доктора и шофера ничего не знал. Он крепко спал, укрытый двумя одеялами.

Глава тринадцатая

УМНИК

Цветоград в чем-то похож на города людей. Такие как, скажем, Москва или Рим, или Лондон. Но во многом отличается. Ведь людишки, которые его построили, — очень маленькие существа. Ростом примерно с банан или небольшую морковку. Дома у них соответствующие. Двухэтажный дом людишек уместился бы у нас под обеденным столом. Розовый куст для них, как для нас высоченный тополь. А деревья, такие как березы, клены, липы, — вообще у них в городе не растут. Дерево для людишек высотой с огромный тридцатиэтажный небоскреб. Своими корнями оно разрушит все подземные коммуникации, поднимет тротуар, уничтожит метро. Нет, деревья не для их городов. Единственное исключение — гигантский клен на площади Дружбы. Он в Цветограде, как Эйфелева башня в Париже. Его видно с самых дальних окраин.

Несмотря на отсутствие деревьев, зелени в Цветограде хоть отбавляй. В городских парках растут травянистые растения. Жарким летом папоротники и лопухи дают прекрасную тень. Хвощи — как нам елки. Щавель, молочай, иван-да-марья, петрушка, укроп, лук-порей... Но главное в Цветограде — это, конечно же, цветы. Они здесь повсюду. По задумке основателя города, на каждой улице должен расти свой вид цветов. На улице Одуванчиков — одуванчики, на бульваре Гладиолусов — гладиолусы, в переулке Петуний — петунии. Цветоград основал малянец по имени Умник, и произошло это сто восемьдесят лет назад. Для людишек сто восемьдесят лет — как тысяча восемьсот для людей, потому что

время для этих маленьких существ течет в десять раз медленнее. Так что Цветоград — очень древний город.

До того как появился Цветоград, людишки жили в многочисленных деревнях. Было тогда людишек не больше, чем сейчас. Ведь они не размножаются. Но и не умирают. В каждой деревне жило двадцать, а может быть, пятьдесят малянок и малянцев, не больше. Деревни были раскинуты по всей Лесании (так называется страна людишек). Добираться из одной в другую очень трудно. Людишки такие маленькие. Обыкновенная трава для них — как заросли высоченного бамбука. А в лесу — каждое дерево, что гигантская, упирающаяся в небо гора.

Ездили они не на лошадях, как люди, а на специально выведенных ездовых крысах. Но все это было очень давно. Это раньше крысы были у каждого уважающего себя крестьянина или горожанина. Теперь их никто не держит, разве в городском парке, чтобы катать отдыхающих по выходным. Основатель Цветограда, малянец по имени Умник, был командиром деревни, которая называлась Цветочная. В других деревнях не было командиров, но в Цветочной был. Людишки сами его в командиры выбрали. Он был очень умный и всем объяснял, как нужно репку сажать: на специальной подземной сетке с привязанными веревками. Чтобы потом эту репку, когда вырастет, всей деревней из земли удобно было тащить. Или как соблюдать технику безопасности, чтобы снесенное курицей яйцо не упало тебе на голову и не убило. Возле несущихся кур ставили высокое ограждение, чтобы никто не приближался. Курица-то для людишек, примерно, как для нас жираф. А яйцо ее — с арбуз. Представляете, вы проходите под жирафом, а он вам на голову здоровенный арбуз сносит?

Этот Умник во всем любил порядок. Пшеницу, рожь, овес, — каждый вид злаков нужно сажать на своем поле. Что очень правильно. А то путаница произойдет. Людишки очень любят цветы. Каждый сажал их, где попало. Все из-за этого ругались. Потому что проросли какие-то одуванчики там, где ты васильки посеял. Хозяин васильков тогда приходил ночью с топором. Вырубал одуванчики и сжигал их в печке. Если, конечно, посадивший одуванчики не успевал еще раньше сделать то же самое с васильками.

Умник всех помирил. Он назвал проходы между домами улицами — каждую в честь определенного вида цветов. Вот так и возник город Цветоград. А потом и жители других деревень в Цветоград переселились. Но все это было давным-давно, целых сто восемьдесят лет назад, а для людишек это, что для нас тысяча восемьсот. Никто из цветоградцев не помнит того давнего времени. Всех и зовут теперь по-другому. Командир Умник — теперь мэр Всезнайка.

Глава четырнадцатая

ТОМ ПЕРВЫЙ

Было далеко за полночь. Всезнайка сидел за длинным столом в Большом колонном зале заседаний и подписывал бумаги. Большой колонный зал заседаний был огромный и очень красивый. Его построил еще в позапрошлом веке знаменитый архитектор Балделли. Этот замечательный зал был памятником архитектуры Цветограда и охранялся законом. Под потолком висела прекрасная золотая люстра с тысячей хрустальных подвесок. Надо сказать, что золото, хрусталь и другие драгоценные материалы нередко используются людишками в архитектуре домов и отделке помещений. Люстра в Большом колонном зале заседаний для людишек-то была огромной, но нам бы показалась не больше карманного фонарика. И золота с хрусталем на нее ушло совсем чуть-чуть. Но какая она при этом была роскошная! В целом, Большой колонный зал заседаний был очень старинный и ужасно красивый. Архитектор Балделли постарался. Потолок — сводчатый и очень резной. Окна — красивые и широкие, рамы все в узорах. Колонны — из прекрасного зеленого мрамора со слезой. То есть такого мрамора, глядя на который, чувствительному людишке хочется плакать. Но Всезнайка был так занят, что не замечал красоты прекрасных колонн. Глаза у него, правда, тоже слезились, но не от чувств, а из-за того, что он очень долго разбирал бумаги.

Большинство бумаг Всезнайка просто подписывал. Всякие разрешения на постройку какого-нибудь торгового центра или площадки для игр, или станции метро. Но многие бумаги были неправильно составлены, и Всезнайке приходилось всё перечеркивать и исправлять, а иногда переписывать заново. Теперь в Цветограде уже полностью перешли на трогательную бумагу, которую изобрели солнцеградские инженеры. Всезнайка тыкал пальцами в нарисованную на бумаге клавиатуру и таким образом набирал текст, который потом сразу посылался по электронной почте куда надо. Но клавиатура почему-то все время лезла под руки и напознала на то, что он уже напечатал. Ученый отодвигал клавиатуру пальцем, но она тогда вдруг начинала уползать и ползла, не останавливаясь, к краю бумаги. Там она безо всякого стеснения перескакивала на другие бумаги, на разложенные папки, на раскрытую книгу, на чашку с холодным кофе, и если ученый не успевал ее остановить — норовила съехать по ножке стола на пол. «Черт подрал! — злился ученый — И зачем я подписал указ, чтоб мэрия перешла на эту трогательную бумагу? Так неудобно!»

А тут еще в спину что-то кололо. Видимо, он опять сел на тот самый стул со сломанной спинкой, который еще вчера просил починить. Но где там! Разве кому-нибудь есть дело до того, что мэру приходится часами просиживать на сломанном стуле, у которого прорвалась обшивка и какая-то железяка колет в

спину? Можно было бы пересесть на другой стул, но даже на это у ученого не было времени. Ему очень хотелось поскорее покончить с бумагами, чтобы хоть на пару часов успеть к микроскопу. Там у Всезнайки уже лежала приготовленная молекула ДНК одного из этих гигантов-людей. Всезнайка хотел проверить одну свою догадку. Недавно ему пришло в голову, что люди, может быть, не виноваты в том, что они такие воинственные и агрессивные. А это всё их гены.

Вдруг снаружи послышалась какая-то торжественная музыка. Всезнайка оторвался от своих бумаг и прислушался. Неожиданно двери Большого колонного зала заседаний распахнулись, и Всезнайка увидел огромную толпу народа.

— Это еще что? — пробормотал удивленный мэр.

Вначале в раскрытые двери выставились длинные медные трубы и громко продудели что-то ужасно праздничное. Затем в Большой колонный зал заседаний вошло множество нарядно одетых людишек — малянцев и малянок. Но сказать, что они были нарядно одеты — значит ничего не сказать. Боже, что это на них? У мэра глаза на лоб полезли, а очки съехали на кончик носа от удивления. Малянцы были в зеленых и синих мундирах с золотыми погонами, малянки — в огромных платьях. Мэру показалось, что каждая из них надела на себя какую-то многоярусную люстру. Прически на головах у малянок возвышались словно башни. За малянками в платьях-люстрах и малянцами в мундирах вошла целая колонна музыкантов в цветных шелковых костюмах, на которых были нарисованы ноты. Впереди шли скрипачи, за ними — трубачи, потом арфисты, а самым последним в зале появился пианист. Он сидел за роялем, который ехал на платформе. За музыкантами показались белые колпаки поваров и розовые — поварих. Они несли огромное множество разных кушаний: кто на блюде, кто в кастрюле, а кто просто в руках. До Всезнайки донесся такой восхитительный аромат, что у него чуть не потекли слюнки.

— Вот это да! — прошептал мэр. — Решили мне сюрприз сделать. Какие же они все-таки, наши цветоградцы, хорошие и как любят своего мэра!

— Та-там! — торжественно продудели трубы.

— Тим-пти-ти-тим, — пропели скрипки.

— Брю-лю-лю, — проиграла арфа.

Затараторили барабаны. Одни словно спрашивали, а другие будто отвечали:

— Тарамта дам?

— Тарамти дам!

— Тарамти дам?

— Тарамта дам!

Малянки в мундирах выстроились вдоль правого и левого ряда колонн, а малянцы, громко шурша юбками, встали за малянками и покачивали над ними своими прическами. То есть на самом деле все было наоборот: в мундирах — малянцы, а в прическах — малянки, а это у Всезнайки в голове почему-то произошла путаница. Наверно, из-за того, что была уже глубокая ночь и он сильно устал.

— Да здравствует великий царь Том Первый! — хором запели они все вместе так, что Всезнайка чуть сразу не оглох. — Слава царю-императору Тому Первому! Ура! Ура! Ур-ра-ра! У-лю-лю!!!

Это был замечательный хор, прямо как в опере, только у Всезнайки мелькнула мысль, что уж больно громко, а потом он еще подумал: «А что это вообще всё такое?»

— Ту-ту-ту-ту! — гудела какая-то огромная медная труба, намотавшаяся на худенького малянца, словно удав-анаконда.

— Трям-прямя! — играло пианино.

— Хвесь! — шелестели тарелки.

— Великий император Том Первый!

«А я-то думал, это в честь меня такой праздник, ведь, все же, я — мэр, а оказывается тут какой-то Том Первый...»

Опять что-то больно кольнуло в спину.

— Да где же этот Том Первый?! — не выдержал наконец Всезнайка, привстав со стула, и тут он вдруг увидел, что у него на брюках нашиты с боков золотые полосы.

И наконец до него дошло, что царь-император Том Первый — это он сам и есть и это ему кричат и поют все эти малянки-малянцы, и это для него играют трубы, и это ему принесли поесть кучу разных вкусных блюд!

— Так это они все ко мне пришли! — чуть было не хлопнул себя по лбу ученый, но вовремя спохватился. Он вдруг заметил, что держит в руках какую-то золотую и очень тяжелую палку. У него глаза еще выше на лоб полезли. — Что это? — прошептал он, оглядев себя. — Откуда у меня золотые погоны со звездами и вот эти ордена?

Оказывается, на его черно-бархатном пиджаке в оранжевую полоску, какого у Всезнайки отродясь не было, справа приколоты три ордена, а слева — целых шесть медалей! Все они были золотые и серебряные и блестели какими-то неизвестными драгоценными камнями. А тут еще что-то сползло мэру на лоб, и Всезнайка в испуге снял со своей головы зеленую шляпу-треуголку с золотыми кистями и тремя крупными рубиновыми звездами. Звезды светились, как лазеры, и ученому пришлось зажмурить глаза, чтобы не ослепнуть.

— Ура Тому Первому! — кричала толпа.

«Значит, это я — Том Первый», — думал Всезнайка. Но тут же сам себе сказал: «Это всё глюки! Этого ничего не может быть».

Но он открыл глаза, а малянки в пышных юбках всё еще бросали ему цветочные бутоны, которых на Всезнайкином длинном столе высилась уже целая гора. Малянки прелестными голосами кричали ему «Ура!» и «Долгие лета Тому Первому!», и малянцы в мундирах кричали «Долгие лета президенту!»

«Ну вот, теперь еще и президенту, — подумал Всезнайка. — Говорил же тебе Шприц, что работа по ночам может привести к галлюцинациям, а ты ему не верил!»

— Том Первый! Том Первый! — кричали они и вдруг все как один начали низко кланяться.

При этом у поваров попадали на пол колпаки, а у малянок, которых мэ́р про себя не мог называть иначе как «дамами» — у дам попадали на пол их высокие прически. Но дамы быстро подхватывали свои прически с пола и надевали обратно на голову. И вдруг все эти дамы в прическах и юбках стали по очереди подбегать, и со словами «слава президенту» перегибаться через стол и целовать Всезнайку. Запахло такими нежными духами, что у ученого закружилась голова.

«А что? — успел подумать он. — Может, я что-то пропустил, и меня действительно выбрали президентом? Ведь не может же быть, чтобы я сошел с ума!»

И тут внезапно все смолкло, и ученый проснулся, очутившись в полной темноте. «Да ясно, что это был сон! — пробурчал Всезнайка и почему-то разозлился. — Ни поработать спокойно, ни поспать. Как же. Царь-император Том Первый! Глупость какая, надо же присниться такому!»

Глава пятнадцатая

ЭТИ СТРАШНЫЕ ВЕЛИКАНЫ

Всезнайка открыл глаза. В комнате было темно. Он еще не совсем привык к тому, что живет один в таком огромном доме. Ведь совсем недавно ученый делил спальню еще с четырнадцатью людишками. Было даже как-то немного страшно. И тут часы в приемной на первом этаже стали громко бить, и Всезнайка вздрогнул от испуга и ударился головой о тумбочку: бум! «Да это всего лишь часы», — попытался успокоить себя ученый. Он стал считать удары. Когда они закончились, Всезнайка по привычке умножил их на математическое число «пи», и получилось тринадцать «пи».

«Как тринадцать пи?! — воскликнул ученый. — Такого не может быть!»

Тринадцать — это несчастливое число. Может показаться странным, что хотя Всезнайка был ученым, он при этом был еще и очень суеверным малянцем. Только об этом ни одна живая душа не знала. Ученый, который всегда всем доказывал, что нет ни Бога, ни Черта, ни Бабы-Яги, — никого, на самом деле, когда оставался один, становился суеверным. Например, Всезнайка боялся черных кошек, и если одна из них перебежала ему дорогу, всегда шел в обход. А если вокруг были другие людишки, которые могли заподозрить Всезнайку в суевении, ученый всегда находил предлог, чтобы вдруг остановиться посреди улицы и подождать, пока кто-нибудь другой не пройдет первым. В крайнем случае, шел, стиснув зубы, вперед и при этом держался за пуговицу от рубашки. Пуговица, как известно, спасает от черных кошек. Кошки-то для людишек огромные, как для нас тигры. Но в Цветограде они все ручные.

А еще у Всезнайки было то, что доктор Шприц называл «симметричная глупость». Если, например, ученый случайно задевал правой рукой куст щавеля, растущий во дворе, ему тут же надо было задеть этот кустик левой рукой — иначе бог весть что ужасное случится. Но ведь невозможно левой рукой потрогать

кустик точно так же, как правой! Всегда выйдет, что либо чуточку больше потрогал, либо чуточку меньше. И поэтому, если Всезнайка чувствовал, что левой рукой он потрогал кустик сильнее, он тут же снова слегка касался его правой — чтобы уравновесить. А когда виделся ему в окне кусочек неба, на котором с правой стороны облако, он тут же поворачивал голову — показать облако еще и левому глазу, опять же, чтоб симметрично было. И если поперек улицы растянулся дождевой червяк, ученому непременно нужно было перескочить его в самой середине. А если перескочил чуточку правее, чем середина, то нужно было потом перескочить через червяка обратно, но уже чуточку левее, а потом уж постараться перешагнуть его в самом центре. Если же и во второй раз не удалось — приходилось повторять еще и еще. Некоторым цветоградцам казалось странным, что ученый занимается тем, что прыгает на улице через червяков. «Сложно двигать вперед науку, — говорили они. — Простым людишкам этого не понять!» Они-то не знали про Всезнайкино симметричное суеверие.

Один Шприц знал. «Надо тебе распопсин поколоть, — говорил доктор Всезнайке, пощупав у него пульс и постучав медицинским молоточком по коленкам. — Слишком ты какой-то закоснелый в своих научных взглядах». Распопсин и правда помогал — после этих уколов Всезнайка на время забывал о симметрии. Но этого ненадолго хватало.

Услышав, что часы пробили тринадцать, Всезнайка страшно перепугался. Во-первых, потому, что тринадцать — несчастливое число. Во-вторых, потому что часы вообще больше двенадцати раз никогда не бьют! На самом деле ученый ошибся, когда считал удары: он добавил к ним свой удар головой о тумбочку. Но Всезнайка этого не понял. Он лежал в кровати и боялся пошевелиться. Занавески на окна еще не успели повесить. А окна спальни выходили в заросший сад, где не было ни скамеек, ни тропинок, а росли высоченные репейники, ядовитые борщевики и колючие чертополохи. Всё это должны были уничтожить во время солнцеремонта, но решили отложить до весны. В саду шуршал дождь. Ветер гнул мокрые борщевики, и они прижимались к стеклу своими круглыми соцветиями, похожими на бледные лица гигантских великанов. Для маленьких людишек зонтики борщевика — огромные, размером с крышу дома. Эти громадные крыши то приближались, то снова отодвигались в мокрую темноту сада.

В спальне было холодно. В стене, под подоконником — дыра, которая вела на улицу. Рабочие проделали ее, когда прокладывали интернет-кабель, а заделать забыли. Всезнайке дыру загораживала батарея, поэтому он о ней ничего не знал. Через эту дыру в комнату проходил холодный воздух. Всезнайка боялся пошевелиться, чтобы поплотнее закутаться в одеяло. Сейчас бы уснуть, но было страшно закрыть глаза. Вдруг, пока он не видит, лицо какого-нибудь великана прильнет к стеклу и заглянет в комнату? Всезнайка лежал и смотрел, как приближаются и снова удаляются борщевики, а им на смену приходят громадные чертополохи, оплетенные крапивой. Людишкам чертополох — что нам тополь. Иногда они дотягивались своими колючками до окна и царапали стекло. В спину что-то кололо, но ученый боялся пошевелиться. Всезнайка не знал, сколько он так

пролежал, наблюдая за великанами-борщевиками — может, десять минут, а может, сорок.

В оконное стекло ударил порыв ветра. Сквозь дыру в стене проник холод и еще какой-то тяжелый, неприятный запах. Всезнайка поморщился и вдруг увидел, как один из великанов притиснулся носом к стеклу. Всезнайка узнал лицо сумасшедшей Кликуши с выпученными глазами и всклокоченными волосами. «КОНЕЦ СВЕТА!» — каркнуло оно так, словно в середину комнаты ударила грозная молния. Но никакой молнии на самом деле не было. Всезнайка ведь точно знал, что нищенка крикнула у него в голове, но чувство было такое, будто этот крик отразился от стен спальни и стены кричат на него со всех сторон: «КОНЕЦ СВЕТА! КОНЕЦ СВЕТА!»

Всезнайке вдруг показалось, что он может сойти с ума. Он зажал уши пальцами, но это не помогло. «КОНЕЦ СВЕТА, КОНЕЦ СВЕТА!» — шелестел потолок. Те же слова слышались из-под кровати. Ученый почувствовал, что нужно что-то срочно сделать. Подсунул руку под себя и выхватил из-под спины то, что в нее все время кололо — толстенную книгу. Сел на кровати, зажег настольную лампу. «КОНЕЦ СВЕТА!» — в последний раз пискнула стена справа, и все затихло. Всезнайка провел рукой по лицу. Лоб у него был мокрый. Поскорее взял с тумбочки очки и надел их. «Фу ты! — сказал он сам себе. — Кажется, я пока не сумасшедший. Значит, все это померещилось. Со сна».

Больше спать не хотелось. Но нищенка не выходила у него из головы.

— Конец света, конец све-ета! — передразнил ученый. — Какой еще конец света? Никаких концов света не бывает!

А вдруг бывает? Он встал с кровати и стал ходить по комнате, держа под мышкой толстую книгу — ту самую, что колола в спину. Видимо, он ее перед сном читал и потом заснул, а когда вертелся в кровати, напоз спиной на острый угол обложки.

— Ну хорошо, предположим, будет конец света, — сказал сам себе ученый. — Но каким образом он наступит? Что или кто его вызовет? Конец света — это не простое дело. Ведь для того, чтобы его осуществить, нужно разрушить все вокруг, уничтожить! Стереть с лица земли целые города. Например, Солнцеград. А кто это может сделать и, главное, зачем?

И тут ему пришли в голову те самые великаны-люди, о которых он сам же и рассказывал недавно коллегам в музее Скелетов. Но вот что интересно. Тогда, днем, он этих великанов совсем не боялся. Но теперь, после того, как расписал Черепку и остальным, какие это опасные существа... Теперь, ночью, Всезнайка и сам их испугался. И чем дольше думал о них, тем боялся все сильнее и сильнее.

— Такая громадина, ростом с пятиэтажный дом! — бормотал он, надевая халат. — Нога — фонарный столб, рука — ковш экскаватора! Если такой сядет на крышу дома, он запросто может ее проломить, да и вообще весь дом проломить. И ладно бы только садился... Они ведь стреляют друг в друга пулеметами, швыряются бомбами и пускают в свои собственные самолеты ракетами, которые могут сбить их на высоте одиннадцать километров! Да еще и

снимают все эти взрывы и стрельбу на видео и показывают по телевизору и в кино! — Он покосился на окно. — Хотя бы шторы повесили что ли...

Сам-то Всезнайка не видел ни одного фильма людей, где бы всё это показывали. Но один профессор из Помидорного университета видел, и он рассказал Всезнайке. Этот профессор занимался человековедением, или по-другому, великановедением. Поэтому профессора так и звали: Великаш.

— Самое их ужасное изобретение, — говорил Великаш, — ядерная бомба.

— А это что такое? — спросил Всезнайка, который тогда о ядерной бомбе не имел никакого понятия.

— Как? Вы не знаете, что такое ядерная реакция?!

— Нет, ядерную реакцию, конечно, знаю. Ведь не так давно ученым и инженерам вашего города, Солнцеграда, удалось построить ядерную электростанцию...

— Правильно! — сказал профессор. — Нам это удалось. В ядерной электростанции происходит управляемая реакция. Ядерная энергия выделяется постепенно и используется по мере надобности. А ядерная бомба — неуправляемая. В ней энергия, которой хватило бы на то, чтобы освещать город целый год, выделяется вся сразу! Вы можете представить себе, сколько это света? Это как будто в небе зажглось еще одно солнце! Оно в считанные секунды сожжет весь город и превратит его в ядерную золу!

И вот теперь эти слова «ядерная зола» не давали Всезнайке покоя. «Как же так? — шептал он. — Как же так? Наш милый Цветоградики превратится в ядерную золу? А как же все цветы?»

Профессор Великаш тогда любезно подарил Всезнайке свою книгу, которая состояла из двух томов и называлась «Введение в человековедение». Всезнайка поставил оба тома на полку и забыл о них. А вчера, после того как Шприц с Быстролётником уехали, ученый включил свет, взял с полки первый том и хотел почитать, да так и заснул с книгой. Это и был тот самый Том Первый, который колот мэра в спину и который приснился ему в виде царя-императора. Всезнайка положил книгу на колени и раскрыл ее.

«Человек — самое опасное существо на планете Земля», — прочел он.

Кроме этой надписи — огромными красными буквами — на первой странице больше ничего не было. Держа книгу обеими руками, Всезнайка перевернул страницу хвостом. Тут начиналось предисловие:

«Мы не случайно начали книгу с этого очень важного предостережения, — говорилось в предисловии. — Каждый ученый, приступающий к изучению Человека, должен помнить прежде всего о технике безопасности. Нам хорошо знакомы крупные животные, способные нанести вред людишкам. Лиса может нас съесть, если будем неосторожно вести себя в лесу. Ворона может нас заклевать, коршун — унести в свое гнездо, кабан — растоптать, медведь — раздавить. Существует множество насекомых, опасных для людишек, таких как пчела, муха, стрекоза, муравей, таракан и проч. Мы также слышали о крупных тропических животных — удавах, львах и тиграх, а слон — если бы от только мог прийти к

нам из Африки — способен разрушить целый квартал или микрорайон нашего города. Мы уже не говорим о гигантских динозаврах, которые давно вымерли, а если б не вымерли — могли бы вытаптывать наши города».

Всезнайка читал вслух и довольно громко — от этого ему было не так страшно. Звук собственного голоса успокаивал его.

«Но ни одна из этих громадных тварей, — читал он, — не идет ни в какое сравнение с Человеком, и не зря все животные поголовно боятся его. И ладно бы Человек воевал только со зверями — это можно понять. Но больше всего сил люди тратят на войну с такими же людьми, как они сами! Они сбиваются в огромные стаи, которые называются армии, и эти армии набрасываются друг на друга. Любое свое изобретение люди в первую очередь испытывают на войне. Вся их наука направлена на то, чтобы придумывать все более и более смертоносное оружие. Обратите внимание на высказывания человеческих ученых:

ВОЙНА — НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЮДЕЙ.

КАЖДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ДОЛЖНО ПОУЧАСТВОВАТЬ В ВОЙНЕ.

НАРОД, НЕ ЖЕЛАЮЩИЙ КОРМИТЬ СВОЮ АРМИЮ, БУДЕТ КОРМИТЬ ЧУЖУЮ.

ВОЙНА — ЭТО МИР! МИР — ЭТО ВОЙНА!

ХОЧЕШЬ МИРА — ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ!

ВО ВСЕЛЕННОЙ БЕСЧЁТНОЕ МНОЖЕСТВО МИРОВ, А Я ЕЩЕ НИ ОДНОГО НЕ ЗАВОЕВАЛ!

У Всезнайки волосы встали дыбом от этого чтения. «Так вот, — говорилось далее. — Если слон, доставленный из Африки, способен вытоптать микрорайон нашего города, то человек может уничтожать не только города людишек, но и свои собственные города — которые по площади больше наших в сто раз! А недавнее изобретение великанов — термоядерная бомба — вообще может стирать с лица земли целые материки и континенты».

Глава шестнадцатая ЯДЕРНАЯ УГРОЗА

«Термоядерная бомба может стирать с лица земли целые материки», — прочел Всезнайка в томе первом «Введения в человековедение». Глаза ученого округлились от ужаса. А что если эта бомба сотрет как раз тот материк, на котором находится страна людишек, Лесания?! Так вот, значит, откуда придет Конец света. От ядерной бомбы! И ему вдруг снова показалось, что из-под кровати, откуда-то из пыльной глубины прохрипел гадкий голосок нищенки: «Конец света!» Всезнайка передвинулся на середину кровати, подальше от края, и опасливо покосился на окно. Из-за света настольной лампы оно сделалось совсем черным, и великанов-борщевиков, качающихся в саду, не стало видно. Но это почему-то было еще страшнее. Всезнайка перелистнул страницу. Здесь начиналась «Часть первая. Повадки людей». А под этим заголовком кто-то

подписал синей ручкой: «Если вы сильно испугались термоядерную бомбу, то откройте Том второй на странице шестьсот шестьдесят шесть».

С минуту Всезнайка размышлял: сильно он испугался или не сильно. Тут на улице снова подул ветер, и по оконному стеклу зашуршало огромное соцветие борщевика. «Сильно», — решил Всезнайка, и ему показалось, что он даже дрожит от страха. Встав на кровати, ученый дотянулся до полки и взял второй том. «Шестьсот шестьдесят шесть, шестьсот шестьдесят шесть», — повторял он, чтобы не забыть. Второй том, как и первый, был громадный и страшно тяжелый. С трудом удерживая равновесие на пружинистом матрасе, Всезнайка едва не уронил книгу. Шестьсот шестьдесят шесть. Наконец он снова уселся на кровать, натянул повыше одеяло и начал искать нужную страницу. Шестьсот шестьдесят шесть. Листать «Ведение в человековедение» было неудобно. Книга огромная, а страницы тонюсенькие — того и гляди прорвутся. Шестьсот шестьдесят шесть. Ученый листал книгу, машинально прочитывая заголовки. «Борьба за власть». «Инквизиция». «Концлагерь». «Мировая война». «Фашисты». «Нагасаки и Хиросима». Наконец он добрался до шестьсот шестьдесят шестой страницы. Здесь, вложенная в книгу, лежала небольшая черная брошюрка с ядерным взрывом на обложке. Брошюрка называлась: «Как подготовить город к ядерной атаке. Пособие для мэров». «Так ведь мэр — это же я!» — хлопнул себя по лбу ученый свободной рукой. Он хотел уже начать читать брошюру для мэров, но тут в стену дома ударил сильный порыв ветра. Сквозь дыру под подоконником в комнату проник холод и мерзкий запах снаружи. Всезнайку затошнило.

— Вот черт! — прошептал ученый.

Ему вдруг показалось, что стена справа от окна изогнулась, словно в кривой улыбке, и гадким голосом проговорила:

— А конец света?

От резкого запаха у Всезнайки так закружилась голова, что он едва не потерял сознание. Но тут зазвонил мобильный. Номер был незнакомый.

— Алё, коллега? — послышался голос. Ученому показалось, что он его уже где-то слышал. — Мы должны срочно увидеться.

— Да что случилось? — прохрипел Всезнайка. — Ведь три часа ночи!

Голос немного помолчал.

— Дело касается людей. Больше я вам ничего сказать не могу, потому что это народная тайна.

— Лю... людей? — заикаясь переспросил Всезнайка. — Вв-велик-канов людей?

— Да. Берите дронтолет и срочно ко мне.

— Но куда же к вам? Извините, — пролепетал он. — Я не узнал ваш голос.

— Профессор Великаш. Введите «Помидорный университет, главное здание». Когда приземлитесь на крыше — позвоните, я вас встречу.

И отключился. Голова все еще кружилась. Пошатываясь, Всезнайка оделся, взял ключи от дронтолета и вышел на улицу. Ночь была холодная. Нажав кнопку на пульте, ученый открыл ангар и поскорее вскочил в дронтолет. Ввел в

навигатор «солнцеград помидорный университет главное здание». Дронтолет выкатился из гаража. Управлять им было не нужно, он был автоматический. Эти летающие машины недавно появились в Цветограде, и мало кто пока мог их себе позволить. Но скоро они должны были полностью заменить наземный транспорт, как это случилось в Солнцеграде. По углам дронтолета заработали четыре винта. Всезнайка услышал знакомое «дронтолет начинает полет», и аппарат взмыл в небо. Сквозь стеклянный пол мигали удаляющиеся огни Цветограда. Всезнайка откинулся на сидении.

Глава семнадцатая

ТЕОРЕМА О ЛЖЕЗЛОВЛАСТИИ

Профессор Великаш оказался низеньким и худеньким малянцем, сероглазым и абсолютно лысым. Он проворно выпрыгнул из какой-то незаметной двери навстречу мэру Цветограда. Поднятый дронтолетом вихрь едва не сдул Великаша с крыши, так что Всезнайке пришлось схватить знаменитого человека за шиворот.

Они пожали друг другу руки, и профессор молча повел Всезнайку в здание. В лифте Великаш вынул из кармана ключик. Им он открыл потайную панель, на которой, в дополнение к имеющимся семнадцати этажам, были еще минус первый, минус второй и так далее.

В секретном кабинете на минус тридцать четвертом этаже стоял полумрак. Кабинет был почти совершенно пустой, не считая пары кресел, кофейного автомата, двух компьютерных мониторов и огромного — в рост людишки — светящегося глобуса на полу.

— Чай, кофе? — спросил Великаш.

— Если можно, простую воду.

— Конечно.

Профессор налил Всезнайке воду в пластиковый стаканчик. Он предложил мэру кресло, а сам остался стоять. При этом из-за его маленького роста голова профессора находилась как раз на одном уровне с Всезнайкиной.

— Вы внимательно прочли мою книгу, — сказал Великаш тоном не терпящим возражений. — Теперь вы хорошо разбираетесь в истории людей, а также в их поведенках.

— Конечно, — заверил Всезнайка и немного покраснел.

К счастью, в полумраке этого не было заметно. На самом-то деле он только пролистал первый том.

— Когда я писал эту книгу, — продолжал профессор, — ядерное оружие было только у самых крупных стран. Я имею в виду страны великанов-людей.

Великаш жестом пригласил Всезнайку к глобусу. Мэру вдруг показалось, что глобус живой. На самом деле это был тачглобус — шарообразный экран, который высвечивал карту мира. Великаш провел рукой по сенсорной

поверхности, и глобус ожил. Он закрутился. На самом деле он не вращался, двигалась только карта, нарисованная на нем.

— Вот они, — показал Великаш на огромные страны, владевшие ядерным оружием. — Вот эта, самая большая. Еще эта, которая поменьше, к югу от нее. И эта, — повернул он глобус, — с другой стороны океана. Это всё ядерные страны или, как их называют люди, державы.

— А почему они их так называют? — спросил Всезнайка, просто чтобы показать, что он внимательно слушает.

— А вы не догадываетесь? Ядерная держава — это потому что она *держит* ядерное оружие. А другим не дает. Люди, как вам известно из моей книги, чрезвычайно жадные существа. Ни одна держава не согласится подарить или даже продать ядерную бомбу. Секрет ее создания они хранят в тайне. Приходится другим странам, которые не державы, изобретать самим. Улавливаете?

Всезнайка кивнул.

— Ну вот. Раньше ядерное оружие было только у самых крупных. Но теперь и более мелкие государства захотели его иметь. А где взять?

Всезнайка пожал плечами.

— Чтобы изобрести ядерную бомбу, каждой мелкой стране нужно провести испытания. То есть взорвать эту самую ядерную бомбу. С первого раза ничего не выходит. Раз взорвали, два взорвали, три взорвали — глядишь и научились, как ее правильно делать. Но вы же понимаете, что ядерная бомба — это вам не новогодняя хлопушка. Она целый город разнесет — и не такой, как ваш Цветоград, а огромный город людей. Да еще и заразит местность губительной радиацией. На десять километров вокруг.

— Неужели на десять километров?

— А вы как думали? Поэтому-то ядерную бомбу испытывают в пустыне. Или, в крайнем случае, в океане. Подальше от людского жилья. Улавливаете?

— Да.

— Но как быть маленьким странам, у которых нет ни пустынь, ни океана? А ведь наша Лесания находится как раз на территории вот такой маленькой страны людей, которые и не догадываются о нашем существовании. Как вы понимаете, это я только так называю их страну маленькой. На самом деле эта «маленькая» страна в десять тысяч раз больше Лесании по площади.

Великаш повернул и раздвинул пальцами поверхность тачглобуса, сильно увеличив зум, чтобы можно было разглядеть Лесанию. Бок глобуса зазеленел. Это и неудивительно, ведь Лесанию окружают огромные непроходимые леса.

— У мелких стран, — сказал Великаш, — у которых нет пустынь и выхода к морю, незаселенное место — это либо высокие горы, либо непроходимые леса. Там они и испытывают свои бомбы, убивая зверей и деревья. Многие люди — надо отдать им должное — не согласны. Но кто их слушает? Государствами великанов управляют обычно самые хитрые, лживые, злые и безжалостные.

— А почему? — робко поинтересовался Всезнайка.

Профессор пристально посмотрел на него.

— Кажется, вы невнимательно читали главу «Борьба за власть», — сказал он, — и пропустили теорему Великаша о лжезловластии людей. Лже-зло-власти. Пропустили? Признайтесь!

Всезнайка виновато кивнул.

— Ну, ничего. Я вам вкратце объясню. Вы, как мой коллега, ученый, легко поймете. Теорема о лжезловластии людей утверждает, что людьми всегда управляют самые лживые и самые злые. Добрый и честный правитель — это неустойчивое равновесие. Как мячик, стоящий на вершине горы. А лживый и злой глава государства — это равновесие устойчивое. Как у мячика в ямке. Это чистая математика, коллега. Вам, конечно, интересно доказательство теоремы?

— Конечно, интересно! — воскликнул Всезнайка. — Мне давно хотелось применить математику к политике. Но только это не моя область, я больше разбираюсь в физике и биологии...

— Ну, а сейчас я вам докажу, что и политика подчиняется математическим законам! — торжественно возвестил Великаш. — Буду доказывать от противного. То есть предположу не то, что хочу доказать, а наоборот. Предположим, что у власти находится добрый и честный правитель. Теперь следите за моей мыслью. Люди, как подтверждено многочисленными наблюдениями ученых, все жаждут власти. И добрые, и злые. И честные, и обманщики. Это в них заложено генетически, в отличие от нас. Потому что мы, людишки, произошли от детей, а детям, как известно, власть совсем не нужна. Вы согласны?

— Конечно! — сказал Всезнайка. — Я еще не встречал людишку, который бы променял на власть мешок конфет или компьютерную игру.

— Правильно, — одобрил Великаш. — Но у людей все не так. Им нужна власть друг на другом. А если у власти добрый и честный правитель-великан, то всегда найдется менее добрый и менее честный, который захочет прийти на его место. Ведь *все* люди стремятся к власти, значит, такой обязательно найдется. Верно?

— Согласен, — кивнул Всезнайка.

— Пойдем дальше, — продолжал Великаш, опершись на глобус. — Добрый и честный ограничен в выборе средств. Он может действовать только добром и не может обманывать. А менее добрый и менее честный может где-то обмануть своих избирателей, а где-то прибегнуть к насилию. Таким образом, менее добрый и менее честный всегда сместит более доброго и более честного и сам займет его место. А если у власти находится лживый и злой, то всегда найдется еще более лживый и еще более злой, который отнимет у него власть. Эта часть доказательства вам понятна?

— Вполне.

— Тогда следите за моей мыслью.

Великаш подошел к висевшему на стене экрану и, водя по нему своим длинным хвостом, нарисовал на график.

— Обозначим лживость правителя буквой Л, — сказал он, показывая на графике, — и пусть она изменяется в пределах от ЗО (застенчивый обманщик) — который хоть иногда и обманывает, но стесняется это делать, до БВ (бессовестный врун) — который нагло врет всегда и всем и никогда при этом не краснеет. Как я вам только что доказал, если у власти находится менее лживый великан, на смену ему обязательно придет более лживый. Потому что он сможет обмануть больше избирателей, которые за него проголосуют. Таким образом, даже если изначально людьми правил президент, который почти не врет, его сменил тот, который врет больше, и так далее, пока не дойдет до «бессовестного вруна». До сих пор понятно?

— Очень даже понятно, — кивнул головой Всезнайка, — и мне очень нравится ваше доказательство.

— А чем оно вам нравится? — поинтересовался польщенный Великаш.

— Оно мне нравится своей стройностью.

— Очень рад! — обрадовался Великаш. — Но вернемся к нашей теореме. Мы доказали первую часть: что каждый последующий правитель будет все лживее и лживее. Перейдем ко второй части и докажем для злодейства, которое мы обозначим буквой З. Если изначально у власти находился президент НЗ (не злой), то на смену ему придет БЗ (более злой), следующие будет ЕБЗ (еще более злой) и так далее, пока не дойдет до С (свирепый), Б (беспощадный), Т (тиран) и, наконец, И (изувер).

— А что такое изувер? — поинтересовался Всезнайка.

— Вы не знаете? Не буду портить вам настроение. И аппетит, — прибавил профессор.

Он повел носом и сказал:

— Вам не кажется, что здесь какой-то странный запах? Как будто пахнет каким-то лекарством?

Всезнайка тоже принялся.

— Кажется, — ответил он. — Вообще, я давно заметил, но не хотел вам говорить из вежливости. Мне кажется, это пахнет валерьянкой.

— А мне кажется, что тут смесь из нескольких лекарств. Наверное, это моя секретарша. Очень нервная особа. Постоянно пьет то валерьянку, то ромашку, то зверобой.

И Великаш поморщился. А Всезнайка, чтобы быть вежливым, поморщился даже сильнее, чем профессор. Великаш взял пульт и включил кондиционер, чтобы помещение немного проветрилось.

— Так намного лучше, — удовлетворенно произнес Великаш.

Но Всезнайка почувствовал, что ветер, дующий из кондиционера, просто пропитан этим гадким, резким запахом. От этого запаха Всезнайку даже затошнило и немного закружилась голова. Но он не хотел расстраивать профессора, поэтому вслух ничего не сказал. А Великаш вспомнил про свою теорему и глаза его заблестели.

— Теперь-то вы понимаете, почему людьми всегда правят самые низкие, самые безжалостные вруны. Это как мячик, который скатывается все дальше вниз, пока не достигнет самого низа, то есть дна глубокой ямы.

— Но все же, профессор, — сказал Всезнайка. — Ведь среди великанов встречаются такие великие люди, как Чехов, Сократ, Вивальди! Наполеон! Сальвадор Дали!

— Да, это так, — согласился Великаш. — Отдельные личности. Но в массе, в массе... И потом, ученые и поэты не правят людишками. К власти приходят жестокие и ужасные.

— Но какими же методами пользуются великаны, чтобы прийти к власти? — спросил Всезнайка и тут же пожалел о своем вопросе.

— Чувствуется, вы совсем не читали мою книгу, — сердито буркнул профессор. — Ну, хорошо. Я вам и это расскажу. Методы прихода к власти можно разделить на две группы: обман и тирания. Хитрые и лживые правители более склонны к обману, злые и безжалостные — к тирании. Приведу вам пример.

— Обмана или тирании?

— Того и другого. Наиболее успешные правители людей — те, которые сочетают оба этих качества. Так вот. Один великан обещал своим избирателям, что если они его выберут, все люди в этой стране будут прекрасно жить. Работать надо будет совсем чуть-чуть. Причем тот, кто к работе неспособный, вообще не будет работать, а у кого способностей больше, тот будет работать немного больше. В магазинах будет полно продуктов и товаров, а денег совсем не будет. Каждый сможет прийти в магазин и взять там все, что его душе угодно, и сколько угодно. Хоть двадцать грамм конфет, хоть сто порций мороженого, гору пирожных и шоколада, а еще тридцать радиоуправляемых машинок, сорок дронов, пятьдесят смартфонов, шестьдесят новейших компьютерных приставок для игр, и так далее, и так далее, — и всё бесплатно.

— Но это же глупость! — возмутился Всезнайка. — Как в такое можно поверить?

— Глупость не глупость, а поверили! Выбрали этого обманщика, а он, к тому же, оказался еще и безжалостным тираном. Продолжая врать глупым великанам, обещая в будущем бесплатные магазины с горами игрушек и конфет, он заставлял их тяжело работать. «Чем больше будете работать, тем скорее придет прекрасное время, когда в магазинах будет полно товаров, а деньги будут не нужны», — говорил он во время своих выступлений по телевизору. Вот они и пахали с раннего утра до поздней ночи, да еще и по выходным, и это у них называлось «субботник» и «воскресник».

— Неужели по выходным работали?

— А вы как думали? А того, кто опаздывал на работу всего на пятнадцать минут...

— Того что?

Великаш замялся.

— Не буду вас расстраивать, — сказал он. — Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

— Давайте, — согласился Всезнайка.

Ему и самому не хотелось знать, что делали ужасные великаны с опоздавшими на работу.

Глава семнадцатая с половиной НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ

— К чему это я вам все рассказывал? — спросил Великаш.

— Действительно, к чему? — в свою очередь спросил Всезнайка.

— Не знаю, — ответил Великаш. — Что-то последнее время память испортилась. Слишком много приходится работать, не хватает времени на сон.

— А я вспомнил, — сказал Всезнайка. — Вы говорили, что маленькие страны испытывают бомбы в лесах. Некоторые люди с этим не согласны, но правители их не слушают. А потом вы стали доказывать, что правители у великанов всегда злые и жестокие.

— Правильно! — обрадовался Великаш. — Так вот. Мы уже давно следим за великанами всеми доступными науке методами. Десятки наших инженеров и ученых наблюдают за людьми и собирают о них информацию. Это делается, конечно же, для безопасности всей Лесании. Мы прослушиваем их радиопередачи, просматриваемых все телевизионные программы, а главное — их Интернет. Вас может удивить, как мы всё это успеваем, ведь людей гораздо больше, чем людишек. К счастью, как вы узнали из моей книги, у этих громадин время течет в десять раз быстрее, чем у нас. И нам, для того чтобы можно было слушать их передачи и смотреть фильмы, приходится запускать их на десятикратной скорости! Поэтому мы и успеваем. Кроме этого, наши компьютерные технологии и наша электроника намного более продвинуты, чем у них.

— А я знаю почему, — перебил Всезнайка. — Я сам это понял, коллега.

— Почему же?

— Мы намного меньше, и нам легче было изучать молекулы и весь микроскопический мир. Поэтому у нас такая продвинутая электроника.

— Хм... пожалуй, вы правы. Я об этом не думал. Но вернемся к нашей теме. — Великаш подошел к глобусу. — Как вы знаете, Лесания окружена непроходимыми лесами, которые, в свою очередь, окружены непроходимыми горами. И даже великаны не могут их пройти и перейти. Их самолеты не летают над нашей страной. Маршруты самолетов всегда пролетают там, где можно, в случае чего, совершить экстренную посадку. Великаны летают вот здесь, — показал он на тачглобусе. — Видите, вдоль этих плоских равнин, где у них расположены города и аэродромы. А вот это место, — он подвинул к Всезнайке окруженную горами и лесами Лесанию, — вот это место они облетают стороной.

— Значит, они о нас ничего не знают? — сказал Всезнайка.

— Они думают, что мы не существуем, — сказал профессор. — И вот, буквально вчера, один из наших секретных агентов-хакеров перехватил email их президента.

— Президента великанов?

— Да. Вот этот email, — сказал Великаш и дотронулся до висящего на стене монитора.

Монитор ожил и засветился. На экране Всезнайка увидел окно почтового ящика.

— Можете подойти ближе, — сказал Великаш. — Только подождите... Вы не должны знать, кто нам его переслал.

Великаш подвинул окно емейла так, что не стало видно отправителя. Тему письма профессор тоже закрыл. Пока он передвигал окно, Всезнайка успел заметить: «Совершенно секретно. Народная тайна».

— Можете прочитать, — сказал профессор, и Всезнайка прочел:

«Уважаемый министр! По сведениям нашей разведки, соседнее и очень враждебное государство тоже разрабатывает ядерную бомбу. Поэтому мы должны опередить и ошеломить врага. Даю вам все необходимые полномочия и приказываю провести испытание нашей ядерной бомбы в ночь на первое января, то есть в то время, когда враг будет праздновать Новый год. Тридцать первого он будет жить и радоваться, а первого — его накроет ужасное известие о том, что у нас уже есть ядерная бомба, и что он опоздал! По предложению министра экологии, взрыв следует провести во внутренне-лесной области Эпитанской долины, в наименее заселенном животными квадрате, с координатами его центра...» Далее шли координаты: широта и долгота, в которых Всезнайка, хорошо знавший географию, сразу же узнал широту и долготу своего города.

— Как же так?! — воскликнул он. — Ведь это же в точности географические координаты Цветограда!

— Вот именно, коллега, — отозвался профессор.

— Но позвольте... тут же написано: «в наименее заселенном животными квадрате». А как же наша Лесания? Ведь она же в этом квадрате! И еще как заселена живот... то есть людьмишками!

— Я очень хорошо понимаю ваше возмущение, — откликнулся профессор. — Но поймите! Мы для великанов слишком маленькие. Они нас не замечают. Мы для них все равно что крысы или, в крайнем случае, белки. Многие великаны — против того, чтобы испытывать бомбы в лесах, потому что погибает множество зайцев, лис и даже медведей. Но правительство на это не обращает внимание. «Ядерная бомба важнее, — говорит оно. — Подумаешь, какие-то медведи».

Всезнайка плюхнулся в кресло. Великаш налил себе стакан воды. Предложил и Всезнайке, но тот горестно помотал головой. Некоторое время они сидели молча.

— Что вы намерены делать? — спросил наконец профессор.

Всезнайка будто очнулся. Он вскочил и возбужденно зашагал по комнате.

— Надо поднять всех на ноги! — воскликнул он. — До первого января много времени. Может нам... может, обратиться к этим великанам напрямую? Дать о себе знать?

Великаш покачал головой.

— От этого будет только хуже, — сказал он. — Поверьте моему опыту — я ведь и в прошлой жизни был великановедом. Любую информацию, которую им сообщают, люди используют против того, кто сообщил. Знаете, они даже преступников, когда арестовывают, то предупреждают: «Ничего не говорите. Всё, что вы скажете, будет использовано против вас».

— Но почему? Почему они такие?

— Я ведь вам доказал. К власти приходят самые жестокие обманщики. Остальные им подчиняются. Если мы дадим о себе знать, они немедленно захватят нашу страну, а нас превратят в своих рабов. Они всегда так делают. А мы, людишки, для них особо выгодные рабы.

— Но почему?!

— Потому что мы маленькие и можем везде пролезть. Они будут нас использовать для миниатюрных работ. Заставят ползать и чинить мелкие механизмы, куда им не добраться своими огромными пальцами.

— Но что же делать?! — воскликнул Всезнайка. — Надо всем объявить... поднять на ноги... держать всеобщий совет, а лучше даже провести референдум!

— А вот этого всего не нужно. Если цветочницы узнают, что на Новый год взорвется ядерная бомба, то поднимется страшная паника. Большинство людишек сойдет с ума и попадет в психиатрические больницы. А остальные вынуждены будут ухаживать за этими сумасшедшими. Вот вам и будет референдум.

Великаш многозначительно помолчал.

— Наоборот! — сказал он. — Все нужно держать в строжайшей тайне. Вы должны создать секретный комитет по спасению вашего города. Пригласите в него лучших специалистов из разных областей, но с устойчивой психикой. Найдите хорошего физика, математика, химика. Также инженера, специалиста по подземным работам, так как придется строить бомбоубежища глубоко под землей, и специалиста по космосу, потому что понадобится противоракетная оборона.

— Погодите, запишу, — сказал Всезнайка и вытащил мобильный телефон. — Я буду с вами советоваться. Я вам позвоню на скайп...

— Боюсь, что ничего не выйдет, — сказал Великаш. — Утром я улетаю в секретную экспедицию. В южное полушарие. Мы там пристально следим за одним диктатором-великаном.

— Мы можем общаться по емейлу.

— Там нет интернета. Диктатор его заблокировал.

— Когда же вы вернетесь?

— Уже в следующем году. Как раз первого января.

— Но как же я?!

Великаш похлопал его по плечу.

— Я в вас верю, коллега. Даже больше, чем в самого себя. Я хорошо осведомлен о ваших замечательных научных открытиях и о ваших удивительных достижениях на посту мэра. В моей книге вы найдете всю необходимую информацию о людях-великанах и их повадках. Я уверен, что вы сделаете всё и даже больше, чем всё!

Весь обратный полет Всезнайка проспал. Он так устал, что не помнил, как дронтолет приземлился и самостоятельно заехал в гараж, и как он поднялся по лестнице на второй этаж, в спальню. На тумбочке по-прежнему горела лампа — он забыл ее выключить, когда уходил. Всезнайка сидел на кровати, закутавшись в одеяло, глядя перед собой. Рядом валялся мобильный. В комнате было холодно, и ученый снова почувствовал тот тяжелый неприятный запах, от которого кружилась голова. «Все-таки это не похоже на валерьянку», — сказал сам себе Всезнайка. Он как следует принохался, прочистив перед этим ноздри кончиком хвоста. «Нет. Никакая не валерьянка, а канализация. Ее где-то прорвало. Надо позвонить в мэрию, — подумал он. — Но ведь мэрия — это же я!» Он повалился на бок и тут же уснул.

Глава восемнадцатая **ПОСОБИЕ ДЛЯ МЭРОВ**

Мэр проснулся в бодром настроении. Светило солнышко. Он соскочил с кровати и решил даже сделать зарядку, чего с ним давно не случалось. Ночной полет к профессору Великашу совершенно вылетел у Всезнайки из головы. Делая приседания и наклоны, он размышлял, чем бы сегодня заняться. Всезнайка подумал, что было бы неплохо посетить его друзей на Незабудковой улице, как вдруг вспомнил, что он их вчера уже посещал, что повар Кастрюля приготовил в его честь прекрасный обед, но что потом, из-за неосторожности жонглера Фили он, Всезнайка, получил скалкой по голове. Ученый провел рукой по лбу и нащупал небольшую шишку. Она уже не болела. Вспомнилось и то, что случилось потом: как ему приснилось, что он царь Том Первый, и как он проснулся и обнаружил, что Том Первый — это на самом деле книга об ужасных великанах-людях. А потом... потом что было? Всезнайка наморщил лоб, припоминая. Ах да, на улице бушевала буря, и ему показалось, будто в окно заглянула та гадкая нищенка. Как ее звали? Каркуша, что ли? И кто-то всё кричал: «Конец света, конец света!» А потом позвонил профессор...

Наконец Всезнайка вспомнил вообще все, что с ним было этой ночью. Как же он мог забыть?! Он, Всезнайка — единственный, кто может спасти город от ядерного нападения! Бросив зарядку на середине приседания, ученый схватил с пола брошюру «Пособие для мэров. Как подготовить город к атаке» с фотографией ядерного взрыва на обложке. Всезнайка уселся на кровать и стал читать:

«Если вы — мэр и по какой-либо причине опасаетесь, что вашему городу грозит ядерная атака — не волнуйтесь и не паникуйте. Не так страшен черт, каким

его изображают художники на картинах. К ядерному нападению можно подготовиться. Известно, что ядерные бомбы прилетают на ракетах. Подумайте о приобретении для вашего города противоракетного комплекса. Такие комплексы, к сожалению, пока стоят очень дорого, и вы можете стать непопулярным в народе мэром, если потратите столь большие деньги. Но зато в случае атаки или даже просто испытания ядерного оружия в вашей местности, противоракетный комплекс окупится с лихвой, в то время как другие мэры, сэкономившие деньги на безопасности, будут кусать локти и рвать на себе волосы посреди ядерной золы, в которую превратятся их города».

«Ничего, — сказал сам себе Всезнайка. — Поднимем цену на газ и на вырученные деньги купим ракетный комплекс! А ядерная зола нам не нужна».

И стал читать дальше.

«Если противоракетный комплекс вам не по карману — не расстраивайтесь, — говорилось в брошюре. — Противоракетный комплекс можно заменить ядерным убежищем в совокупности со страховкой. Хорошо устроенное убежище защитит жителей вашего города, а ядерная страховка покроет расходы на его восстановление».

У Всезнайки отлегло от сердца. «А что! — произнес вслух ученый. — И правда, не так уж страшен этот черт, — ему вспомнилось гадкое лицо нищенки, когда она накаркивала конец света. — Не страшен, а просто противен. Мы и противоракетный комплекс купим, и убежище построим, и застрахуем наш родной Цветоградик от всех этих концов-шманцов света! И пусть она тогда сколько хочешь их предсказывает. Хоть до второго пришествия!»

Всезнайка сел за письменный стол. Брошюрку он положил прямо перед собой и, раскрыв ноутбук, застучал по клавишам, составляя план действий. Прежде всего, нужно заказать прайс-лист ракетных комплексов. Это можно сделать и через Интернет. Потом, значит, позвоним в мэрию Травограда — нет, лучше емейл — и сообщим, что цена на газ повышается. Газкомандующий я в конце концов или не газкомандующий? Ничего, с них не убудет. А не захотят платить — перекроем трубу! Бомбу-то сбросят на нас, но радиация, может, и до них достанет. Так что это для их же пользы...

Ученый почесал хвостом голову. Дальше займемся убежищами... Он перелистнул пару страниц «Пособия для мэров» и прочел: «Главное, чтобы ядерное убежище было достаточно глубоким. Тогда до него не достанет ударная волна от взрыва. Кроме этого, оно должно быть герметичным, чтобы не проникла радиация, и иметь запасы воздуха, воды и пищи, чтобы горожане могли там дышать, есть и пить, пока не станет возможным выбраться на поверхность. Радиация на поверхности земли сохраняется много лет, но людишки живут вечно, так что могут потерпеть. Для ядерного убежища вполне подойдет городское метро, и если вы предусмотрительный мэр, который заботится о процветании своего города, то мы уверены, что метро в вашем городе уже есть. Если же его пока нет, мы вам настоятельно рекомендуем заняться проведением метро. Закладывайте его как можно глубже. Тогда вы одним выстрелом убьете двух зайцев: и метро проорете, и убежище».

«Эх, какой же я все-таки предусмотрительный мэр! — порадовался за себя Всезнайка. — Метро в нашем городе давно уже есть и глубокое-преглубокое! Молодец, Штангель Циркуль — инженер! Убедил меня глубокое метро делать, а то мне жаль было городских денег, и я предлагал мелкое. Кстати, нужно будет ему медаль выдать».

Надо сказать, что Всезнайка был очень заботливым мэром. Если он проходил мимо покривившегося дома, то говорил: «Надо тебя, братец, подпрямить», — и не забывал послать бригаду рабочих с инженером, чтоб исправили кривой дом. А если, например, замечал, что рекламная тумба загораживает вход в метро и в час пик создает вокруг себя водоворот из нервно спешащих людишек, мэр тут же обращал на это внимание архитектора-планировщика. И еще потом не забывал проверить, что тумбу передвинули на более подходящее место. И когда мэру попадалась на глаза даже такая мелочь, как слишком нависающий над тротуаром электрический провод или шатающийся фонарный столб, или просто плохо покрашенная телефонная будка, он тут же звонил заместителю по мелким беспорядкам и требовал исправить.

— Эта троллейбусная остановка не на месте, — выговаривал Всезнайка инженеру-цветоградостроителю, которого звали Домишкин.

— Передвинем, — заверял Домишкин.

— Этой зубной клинике нужны занавески на окнах! Она напротив магазина сладостей, и зуболюбивые кресла, в которых пациентам сверлят зубы, портят настроение малянкам, пришедшим за пирожными. Из-за этого, кстати, сильно снижается объем продаж.

— Занавесим. Я за это ручаюсь, — ручался Домишкин.

В общем, мэр в своем городе души не чаял. И он был полон решимости если не спасти, то хотя бы максимально подготовить Цветоград к надвигающейся опасности.

Наконец план действий был готов. Всезнайка перечитал его и послал самому себе на email. Затем он быстро составил список психологически устойчивых специалистов из разных областей науки и техники. Всё это были проверенные людишки, которых Всезнайка хорошо знал. Он тут же назначил секретное заседание и выслал им всем приглашение по электронной почте. В приглашении было написано, что они должны явиться обязательно, а если кто не придет — это может кончиться плачевно для него и для всего Цветограда.

Уже по дороге в кафе, где мэр обычно завтракал, Всезнайка вспомнил про email президента людей, перехваченный солнцеградскими разведчиками. «Эх, надо было попросить Великаша переслать его мне! — подумал он. — А то еще не поверят! А профессор уже в южном полушарии, и интернета там нет...»

Стоящий у входа в кафе мусорный бак неожиданно открыл свой рот и поспросил жалобным басом:

— Подайте на пропитание!

Всезнайка порылся в карманах и достал заплесневелое печенье.

— Кушай, дружок.

— Спа-а-сибо!

«Хороший мэ́р, — подумал Всезнайка, входя в кафе, — должен заботиться обо всем. Даже о пропитании мусорных баков». Он заказал себе, как обычно, глазунью из двух яиц колибри, с ломтиком жареного помидора-черри и ветчиной.

— Доброе утро, — сказал мэ́р глазунье. — У вас сегодня очень грустные глаза. Не расстраивайтесь! Я вас сейчас съем, и у меня в животе вам будет хорошо.

Пережевывая яичницу, Всезнайка набрал на своем телефоне текст этого перехваченного емейла. Он его помнил наизусть, слово в слово. «Уважаемый министр! По сведениям нашей разведки...» И так далее. В теме письма написал: «Перехваченное письмо президента. Совершенно секретно. Народная тайна». И послал это письмо себе на email, чтобы не затерялось.

Глава девятнадцатая СОБРАНИЕ

Всезнайка решил провести собрание в атмосфере крайней секретности. Он вообще любил секреты и тайны. Еще давно, когда в городе прокладывали метро, Всезнайке пришло в голову, что мэрии нужно секретное помещение. И он устроил такое помещение глубоко под землей, а чтобы туда попасть, нужно было знать план подземных коридоров и иметь доступ к специальному электронному замку. Помещение это называлось «Секретная комната мэра». О Секретной комнате знали только личный шофер Всезнайки по имени Быстролёттик, метростроитель Землерой и еще программист Килобайт, который оборудовал «Комнату» по последнему слову электронной техники. Всезнайка тогда еще не знал, для чего мэрии такая комната, но верил, что она когда-нибудь пригодится. И вот — пригодилась. Всезнайка с нетерпением ждал встречи со специалистами, которым сегодня утром послал по емейлу приглашение.

В области химии Всезнайка выбрал профессора Хлору, как самого психически-устойчивого химика в городе. Хлора работала в мэрии и отвечала за защиту окружающей среды. Всезнайка пригласил также зоолога Амёбина, который был заместителем мэра по городским животным. Честно признаться, Всезнайка не был доволен этим Амёбиным, но другого биолога не было на примете. Амёбин был какой-то слишком неповоротливый. Бесформенный, что ли. С тех пор как зоолога назначили на эту должность, в городе развелось полно вшей. А вши для маленьких людишек размером — как для нас божьи коровки. Только представьте себе человека, по которому ползают полчища божьих коровок. Зрелище не для слабонервных! Амёбин оправдывался тем, что защитник окружающей среды Хлора запретила использование пестицидов. А без этих химических веществ борьба со вшами превратилась в неравную битву!

— А вы организуйте бригады обирателей, — посоветовал Шприц, который был заместителем мэра по охране здоровья.

— А кто такие обиратели? — спросил Амёбин.

— Не обтиратели, а обиратели, — поправил доктор. — Обиратели посещают дома и обирают вшей с голов зараженных людишек. Они складывают их в большие пластиковые пакеты, а затем вывозят на мусорную свалку и там сжигают.

— Как?! — ужаснулся Амёбин. — Сжигают зараженных людишек?

— Каких людишек?! — топнул ногой Шприц. — Он очень сердился, когда его недопонимали. — Я сказал: вшей!

— Вообще-то, Амёбин прав, — вмешался Всезнайка. — Ты сказал «людишек».

— Да когда это я говорил «людишек»?!

— Ты сказал: «Обирают вшей с голов людишек и складывают их в пакеты, а затем сжигают».

— Строго говоря, вы оба не правы. Доктор имел в виду, что в предназначенные для сожжения пакеты кладут не *самих* людишек, а только их головы.

Это произнес Интеграл. Он во всем любил точность и не терпел, когда нарушалась логика. Интеграл был талантливым математиком и абсолютно психически устойчивым. Когда он доказывал теорему, ничто не смогло бы его отвлечь. Даже ядерный взрыв.

Заседание было назначено на двенадцать ночи. Это было необычное для заседаний время. Цветоград был давно погружен в глубокий сон. Ночь стояла морозная. Снега не было, но на всем лежал иней. Приглашенные Всезнайкой психически устойчивые специалисты жались друг к другу, переминаясь с ноги на ногу. Только двое не обращали внимания на холод. Интеграл был погружен в доказательство Теоремы о производных. Математик не заметил, что уже практически наступила зима, и пришел в кедах на босу ногу. Красным от холода пальцем, высунувшимся из рваного кеда, он рисовал на покрытом инеем асфальте функцию. На профессоре Хлоре были резиновые сапоги, резиновый плащ с таблицей Менделеева и защитные очки с толстыми стеклами. Все это химик надевала в любую погоду, потому что ей было гораздо важнее уберечься от опасных химических веществ, чем от жары или холода, к которым профессор была совершенно нечувствительна.

Остальные мерзли. Программист Килобайт, возглавлявший институт компьютерных вирусов, прыгал то на одной, то на другой ноге, чтобы согреться. Строитель Кирпич, в оранжевой каске, хлопал себя огромными руками по плечам. Учительница Парта — хрупкая малянка, собиравшаяся стать директором гимназии, куталась в шаль. Физик Гравитон из Института пространства-времени дул на замерзшие пальцы, две космонавтки Альфа и Центавра для разогрева быстро кружились, взявшись за руки. Остальные людишки старались держаться от космонавток подальше — от них дул холодный ветер.

Шприц недоумевал и сердился:

— Зачем нас сюда пригласили? «Если кто не придет, это может кончиться плачевно для него и всего Цветограда, — перечитал Шприц емейл Всезнайки. — От вас зависит судьба города». А я не верю в «судьбу города» и

вообще в судьбу! У меня сегодня был тяжелый день. А в городе, между прочим, того и гляди вспыхнет эпидемия куриного гриппа.

— Раз пригласили, значит, надо, — отвечал, похлопывая себя по коленкам, Кирпич.

Он был одного со Шприцом роста, но в два с половиной раза шире.

— *Надо* Всезнайке выдумать что-нибудь такое, что никому не понятно, — ворчал профессор Черепок, приглашенный мэром, как главный специалист по раскопкам. — Нельзя было нормально собраться в Большом колонном зале заседаний! Там центральное отопление...

Кафе и рестораны были все давно закрыты.

— Ни один ресторан не работает, — заметил Гравитон. — Погреться нигде.

Интеграл закончил чертить функцию и рассеянно поднял глаза на физика:

— Чем недовольны, косинус вы мой?

— А зачем было заставлять нас ждать снаружи? Тепло наших тел тратится на нагрев окружающей среды и вносит вклад в глобальное потепление. Нужно было сидеть в помещении!

Но мэрия стояла закрытая. Отпереть дверь мог только Всезнайка. Наконец он появился — в черном барашковом пальто с высоко поднятым воротником и в надетой глубоко на голову бобровой шапке. Его сопровождали шофер Быстролетик и метростровец Землерой. Быстролетик нес тяжелый портфель ученого, Землерой — две большие сумки.

В ответ на упреки мэр приложил палец к губам, чтоб не шумели, и огляделся по сторонам. Вдруг эта ужасная нищенка кралась за ним по пятам, пока он шел сюда? Эта мысль пришла ему в голову буквально секунду назад, а так Всезнайка весь день не вспоминал о Кликуше.

— Кажется, никого, — пробормотал мэр.

Он отпер здание специальным электронным ключом, который считывал отпечаток его большого пальца. Для этого каждый раз приходилось снимать ботинок и носок. Всезнайка считал, что палец на руке слишком легко подделать. То есть не сам палец, а его отпечаток. Хитрый злоумышленник может снять Всезнайкины отпечатки, например, с ручки двери, за которую брался мэр, или со стакана, из которого он пил, а потом приложить копию к электронному замку.

Прыгая на одной ноге и используя широкое плечо Кирпича в качестве костыля, Всезнайка вошел внутрь. Остальные последовали за ним. В мэрии еще не начали топить, и в помещении было холоднее, чем снаружи. Шприц чертыхнулся.

— Господин мэр, где тут свет включается? — спросил Амёбин.

— Свет не нужен, — ответил Всезнайка, бросив взгляд в просвет окна.

За окном лежала площадь Порядка, на которой располагалась мэрия. «Да какая там Кликуша-каркуша?» — пробормотал мэр вполголоса, словно подумал вслух. Людишки переглянулись. Мэр был явно чем-то обеспокоен.

— Коллега, вы куда? — спросила Хлора. — Зал заседаний направо.

Но мэр не ответил. Он незаметно поплевал через левое плечо и повернул в длинный коридор налево. Остальные двинулись за ним. Лампы в коридоре не горели, но сквозь высокие окна проникал свет с площади Порядка. Проходя мимо окон, Всезнайка вглядывался в освещенную фонарями площадь, словно старался разглядеть что-то. Вдруг с подоконника прыгнула темная фигура. Всезнайка сразу узнал ее. Кликуша криво ухмыльнулась.

— Ведьма! — крикнул мэр, но нищенка мгновенно исчезла. Как сквозь землю провалилась.

Шедшие позади людишки остановились.

— Что это было? — спросила учительница Парта, глядя на всех широко раскрытыми глазами.

— Перемерещилось, — буркнул мэр и продолжил дорогу.

Спустились на минус первый этаж. Тут снова пришлось снимать носок.

— Ну вот, не проследил за этим Напильником-слесарем, — проворчал Всезнайка, — и он сделал замочную скважину на уровне груди.

— А разве это неправильно? — осторожно спросила космонавтка Центавра, косясь на носок мэра, которым тот размахивал, балансируя на одной ноге.

— Для обычного замка правильно, а для ножного — нет. Как я, по-вашему, должен к нему прикладывать свой палец ноги?

Землерой с Кирпичом подняли мэра, чтобы тот смог достать. Дверь отъехала вбок, в лицо ударил яркий свет. Они зашли в довольно просторную комнату. На потолке сияла люстра с хрустальными подвесками. На полу ковер с ромашками, на стенах картины с видами Цветограда. Кто-то заранее все приготовил к их приходу. На резном столике в углу стояли бокалы с гранатовым соком, тарелки с пирожными и вазочка с печеньем. Между столом и стеной было зажато огромное яблоко.

Здесь было очень тепло. Людишки сняли верхнюю одежду и повесили на вешалку у стены. Всезнайка вошел последним, оглянувшись на всякий случай. Ему все казалось, что нищенка преследует их. У мэра было плохое настроение. Когда раздвижная дверь, наконец, задвинулась за ними, Всезнайка вынул мобильный телефон и ткнул пальцем в экран.

— Хм, это кресло правильной трапецевидной формы, — заметил Интеграл, собираясь в него сесть.

В этот момент пол у них под ногами провалился, и вся комната со страшной скоростью полетела вниз.

— Ай! Ой! — закричали людишки.

Они оторвались от пола и плавали в воздухе, словно космонавты в космическом корабле. Вместе с ними поднялись к потолку резные стулья и стол, а гранатовый сок выплыл из переворачивающихся в воздухе бокалов и свободно летал среди людишек в виде прозрачных красных шаров. У всех дико кружилась голова, и тошнота подступила к самому горлу. Только Альфа с Центаврой казались невозмутимыми. Они словно попали в родную стихию и спокойно плавали по комнате, разгребая руками воздух.

— Господи, что это?! — в ужасе хрипел Шприц. — Я сейчас потеряю сознание!

— Помогите! — мычал Амёбин.

— Кислота на мою голову! — рычала Хлора, и ее обесцвеченные химическими газами глаза бешено вертелись. — Что происходит?

Но внезапно комната, бывшая, как многие читатели, наверное, уже догадались, скоростным лифтом, затормозила. Людишки шлепнулись на пол, к которому их прижала невидимая сила гравитации.

Эта сила подействовала также на стол и стулья, и они с грохотом упали. Слава богу, никого не убило. Только у Амёбина выскочила шишка на лбу, куда он получил ножкой стула, на Шприца намотался ковер, а Гравитона придавило к полу огромное яблоко. Да еще профессору химии гранатовым соком облило платье. Но сок для настоящего химика — срунда. Ведь Хлоре на это самое платье не раз попадала серная кислота. Потому-то оно и было сшито из специальной тугостойкой материи, которой химические вещества нипочем. Физик с трудом вылез из-под яблока, едва не сломавшего ему позвоночник.

— Что это было, конус вы мой усеченный? — пробормотал математик, пытаясь встать с четверенок на ноги.

— Скоростной лифт, — смущенно объяснил мэр. — Теперь я вижу, что его надо немного доработать.

— Доработайте, коллега, доработайте.

— Можно, например, обить ноги стола железом, а в полу поместить электромагнит, — предложил Гравитон, потирая ушибленный хребет. — Тогда стол не будет летать.

— А с соком что делать? — спросила Хлора, вытирая платье салфеткой.

Но тут дверь открылась, и людишки поспешили покинуть лифт, стараясь не думать о том, что придется им воспользоваться на обратном пути.

— Слышите, как тут тихо? — спросил Всезнайка.

Все остановились и прислушались.

— Ничего не слышу, — прошептал Амёбин.

— Это потому, что от поверхности нас отделяет огромная толща, — пояснил Всезнайка.

— Ну и что? — спросил Шприц.

— Дело очень секретное, — ответил мэр. — Никто не должен знать.

— А что это за дело? — поинтересовалась Альфа.

Но все только пожали плечами. Кроме мэра, никто ничего не знал. Они двинулись вперед по коридору. Всезнайка шел впереди всех, справа. Он нечаянно коснулся стены правой рукой, и ему тут же захотелось потрогать противоположную стену левой — для симметрии. Приблизился к левой стене, коснулся ее. Шедшему за мэром Кирпичу пришлось остановиться. Тут Всезнайке показалось, что он потрогал левую стену слишком сильно. Нужно было уравновесить справа. Он отклонился к правой стене и постарался коснуться ее как можно слабее. При этом он остановился, и на него налетел Шприц.

— Что случилось? — спросил доктор.

Он вдруг заметил, что, несмотря на тусклое освещение, зрачки Всезнайкиных глаз сужены, а глаза — то тупо смотрят в одну точку, то, наоборот, быстро перебегают с предмета на предмет. «Абуралин я ему, что ли, выписывал? — подумал доктор. — Вроде нет...»

— Что с тобой? — спросил он.

— А? — переспросил мэр и что-то пробормотал.

— Чего? — не понял доктор. — Опять сам с собой разговариваешь?

Но мэр его не слушал. Он оглянулся и вспомнил, что они находятся глубоко под землей. Всезнайке стало спокойнее. Здесь она не могла их достать. «Вообще ее не было, — решил он. — Померещилось». Да и как бы она могла оказаться внутри запертого здания?

Коридор наконец кончился. Всезнайка открыл дверь в Секретную комнату мэра. Никто из присутствующих, кроме самого мэра, метростроевца Землероя и программиста Килобайта, тут еще не был. Помещение было оборудовано по последнему слову техники. Вначале всем показалось, что здесь тоже по стенам висят ковры и картины, как и в скоростном лифте, и биолог Амёбин, на всякий случай, остался стоять у двери, крепко взявшись за ручку. Он опасливо поглядывал на пол, который мог провалиться под ним в любую минуту.

Но тут же выяснилось, что и ковры, и картины, и люстры — не настоящие, а их показывают трехмерные экраны, которыми сплошь покрыты стены и пол с потолком. Все управлялось с телефона мэра. Всезнайка ткнул в него пальцем — картины с коврами исчезли, хрустальные подвески люстр растворились в воздухе, а стены засветились мягким розовым светом. Людишки оглядывались по сторонам, а мэр переключал экраны, и комната попеременно становилась то подводным миром с кораллами и осьминогами, то осенним лесом с осыпающимися листьями, то горным ландшафтом с водопадами.

— Потрясающе! — воскликнула учительница Парта. — Вот бы в нашу школу такое оборудование!

— Хм... не просто, наверное, было рассчитать геометрию этих объемных тел, коллега, — заметил Интеграл.

— Скажите спасибо нашему другу Килобайту, — ответил мэр. — Это он написал программы и скрин-сейверы.

Все посмотрели на Килобайта. Программист сконфуженно улыбнулся. Свое имя он получил, когда компьютеры людишек были еще слабенькие и память у них измерялась килобайтами. Потом память выросла до гига- тера- и гуглобайтов, но переименовывать Килобайта не стали.

— Впечатляет, — проскрипела Хлора. — Сразу видно, что талант.

— Ну, точно, как в нашем родном открытом космосе! — радовалась Альфа, когда экраны в очередной раз показали звездное небо.

— Это же моя любимая Большая медведица! — засмеялась Центавра.

— Bravo! — сказал Гравитон Килобайту, а Амёбин даже попытался захлопать.

Килобайт смущенно тер указательными пальцами брови. Наконец все расселись вокруг длинного, широкого прозрачного стола квадратной формы.

Этот стол и еще стеклянные стулья были единственной настоящей — а не показываемой экранами — мебелью. Быстролетик поставил на стол два тяжелых термоса с горячим шоколадом, которые принес в сумках Землерой. Хлора раздала пластиковые стаканчики. Быстролетик разлил шоколад. Он торопился и облил горячим напитком математика, Хлору и зоолога. Но Интеграл был погружен в теорему и потому не заметил, профессор химии была не чувствительна к ожогам, а Амёбин — такой неповоротливый, что пока он протянул руку к своей шее, которую шофер нечаянно облил, горячий ручеек успел затечь зоологу за шиворот и достигнуть живота, и за это время совершенно остыл.

В подземном помещении было тепло. Сюда совершенно не доходил холод с поверхности. Людишки согрелись и успокоились, а некоторые даже пришли в прекрасное расположение духа, потому что шоколад действует на людишек очень положительно. Экраны медленно вращали объемное звездное небо — черный бархат, глядящий миллионом глаз. Выходила луна.

Хлора постукала по столу проеденными кислотой ногтями. Всезнайка откашлялся, требуя полной тишины.

— Я пригласил вас, коллеги, чтобы сообщить пренеприятное известие. К нам летит ядерная бомба.

Профессор Черепок не обратил на слова мэра никакого внимания. Физик Гравитон побелел как полотно, но в полумраке этого не было заметно. Шприц едва не подавился, волосы у него на голове встали дыбом. Остальные не знали, что такое ядерная бомба, но и им стало не по себе.

— Это конец? — прохрипел Шприц.

Всезнайка обвел глазами присутствующих, затем ткнул пальцем в свой телефон, и на стенах вместо звездного пейзажа возникло одуванчиковое поле, а по небу поплыли кудрявые облака. Людишки зажмурились от яркого света.

— Шутка, — усмехнулся мэр.

Всезнайка любил пошутить, но иногда его шутки были не всем понятны. И теперь он это тоже заметил. Шприц вскочил на ноги.

— Какая еще шутка?! — кашляя, воскликнул он. — У тебя температура! Тебе надо аппендицит вырезать и успокоительное вколоть!

Шприц один не пил горячий шоколад, потому что думал, что он вреден для здоровья. Нервы у доктора, который рассчитывал этой ночью выспаться, были взвинчены. Шофер Быстролетик налил ему безалкогольного вина в пластиковый стакан.

— Это была прививка, — пояснил ученый.

Шприц выпил и сел на место.

— Какая еще прививка? — устало сказал он, сняв свою шапочку с красным крестом и оттерев пот со лба.

— Прививка от страха. Чтобы вы не испугались того, что я вам сейчас скажу.

— И что же ты нам скажешь? — спросил Черепок, усаживаясь поудобнее — насколько это позволял стеклянный стул.

Всезнайка немного помолчал, потом снова переключил экран. Комната превратилась в просторный кабинет с зелеными обоями, книжными шкафами, письменным столом, камином и окном, выходящим в сад. На стенах висели портреты великих ученых.

— Слушай, хватит играть! — вскипел Шприц. — Мы из-за тебя все свои дела побросали, не спим...

Всезнайка жестом остановил его и кивнул Быстролетику, чтоб налил доктору еще вина. Надвинув очки поглубже на нос, ученый сказал:

— По достоверным сведениям... Наш город может погибнуть от ядерной бомбы. Если мы не примем должных мер.

Затем Всезнайка вытащил из портфеля два толстенных тома «Введения в человековедение» и положил на стол.

Глава двадцатая РАДИОАКТИВНАЯ ЗОЛА

— Про бомбу мы слышали, — сказала профессор Хлора, немного подумав. — Но что такое *ядерная* бомба? Не имеете ли вы в виду цепную реакцию атомных ядер?

— Именно эту реакцию я и имею в виду, — отвечал ученый.

— Но простите, коллега! — перебил Гравитон. — Цепная реакция очень опасна! В нашем институте есть ядерный реактор. И в нем — семь механизмов, которые не дают реакции выйти из-под контроля и превратиться в цепную. Цепная реакция приведет к страшному взрыву и уничтожению всего живого!

— Кхы-кхы! — громко откашлялась Парта. — Как тебя зовут? — обратилась она к физика.

— Гравитон, — смущенно ответил тот. — А... мы разве с вами на «ты»?

— Извини. Профессиональная привычка. В школе я со всеми учениками на «ты». Вот что, Гравитоша. Ты, я вижу, хорошо знаешь пройденный материал. Объясни классу, почему эту реакцию не держат на цепи, если она такая свирепая?

— Да нет, — замялся Гравитон. — Ее не надо держать на цепи...

— Подожди, — перебила Парта. — Встань, пожалуйста.

Но мэр встал вместо физика.

— Давайте лучше я объясню, — сказал он. — Все вы, конечно же, знаете о существовании людей-великанов. Так вот. Они способны превратить наш город в ядерную золу. И чтобы этого избежать, я позвал вас сюда.

— А почему в золу? — спросила Парта.

— Ну, как? Все сгорит, одна зола останется.

— Как всё? Не понимаю.

— Подождите. Сейчас я объясню по порядку.

И Всезнайка, наконец, рассказал собравшимся обо всем, что он прочел в первом и втором томе «Введения в человековедение», но пока не упомянул самого главного: перехваченного емейла президента. Он решил приберечь это на

потом. Всезнайка чувствовал, что людишки могут не поверить. «Может, великаны-люди еще не станут бросать на нас свою бомбу», — скажут они. — «Может, и бомбы-то никакой нет, а твое, Всезнайка, болезненное воображение ее придумало», — так наверняка скажет Черепок, а Шприц с ним согласится. Тем более, что никто из собравшихся не разбирается в человековедении, а значит, они не понимают, насколько злы и коварны могут быть великаны-люди. Поэтому нужно вначале подготовить собравшихся, а уж потом открывать им главную новость.

— Так вот, — продолжал Всезнайка. — Теперь вы убедились, что если построить хорошее убежище, где смогли бы укрыться все жители... плюс застраховать город, так что после разрушения мы за него получим огромную сумму денег... то потом мы выйдем из убежища и на эти деньги отстроим город заново! — заключил он.

Заодно мэр объяснил, как работает ядерная бомба и что станет с Цветоградом, когда она на него упадет. Если бы здесь была малянка Помела, она давно бы сошла с ума и лежала в обмороке, а может, и в коме. Но приглашенные работники мэрии и ученые были храбрые людишки, а главное — психически устойчивые.

— Ядерный взрыв, — объяснил мэр, — разрушит все дома. До последнего кирпичика.

— Камня на камне не останется? — подсказал Кирпич.

— Вот именно! А что не разрушится, то сгорит.

— Потому что температура десять тысяч градусов, — пояснила Хлора.

— А весь город превратится в радиоактивную золу, — добавил Гравитон.

— Про золу мы знаем, — сказал Интеграл. — Но что такое... как вы сказали?

— *Радиоактивная зола.* Это не простая зола, а такая, от которой идет опасное излучение. Оно называется радиация. Очень вредное и ядовитое излучение, кстати. Можно сказать, смертельное.

— Смертельное?

— Ну что вам не понятно? — вмешалась Хлора. — Это как хлорциан. Вдохнул — и тебя нет.

— В общем, если на город упадет эта бомба, нам всем конец, — подытожил Кирпич.

— Только вот упадет ли? — зевнул Черепок, который все это слушал невнимательно, и видно было, что ему до смерти надоело. — Коллега, вы зачем нас притащили сюда среди ночи, точно на пожар, и страшаете какой-то теоретической бомбой? Я, к вашему сведению, собирался сегодня отлично выспаться, потому что только вчера прилетел с раскопок. Возле Травограда обнаружили очень интересный скелет древнего крокодила...

— Нам сейчас не до крокодилов, — перебил Землерой.

— Я раньше тоже так думал, — сказал Всезнайка Черепку. — Мало ли, думал я, что люди агрессивные? Ну убивают друг друга, ну изобрели ядерную

бомбу. Нам-то всем что до этого? — думал я. Но позвольте мне вам кое-что зачитать.

Он вытащил из портфеля красную папку и достал из нее лист бумаги, на котором было что-то напечатано.

— Уважаемый министр! — стал читать Всезнайка. — По сведениям нашей разведки...

И он прочел людишкам перехваченное письмо великана-президента, которое перед приходом сюда распечатал на принтере. Читая письмо, Всезнайка заметил, что некоторые слушали невнимательно. Космонавтки следили глазами за проплывавшими по экранам облаками. Шприц постоянно кашлял, а Черепок вообще насвистывал песенку. Услышав про первое января, доктор вдруг схватил Всезнайку за руку:

— Помнишь ту нищенку?

Всезнайка вздрогнул.

— Какую еще нищенку? — спросила Парта.

— Но откуда она могла знать? — спросил Шприц, не обращая на Парту внимания.

Руки у Всезнайки дрожали.

— Она могла, — тихо произнес он.

Потом глубоко вздохнул, чтобы прийти в себя, и продолжил чтение:

— По предложению министра экологии, взрыв следует провести во внутренне-лесной области Эпитанской долины, в наименее заселенном животными квадрате, с координатами его центра...

Черепок громко зевнул, снова перебив мэра.

— Все это очень сомнительно, — сказал он. — Как к тебе попало это письмо?

— Пожалуйста, не перебивайте его, — попросила Хлора.

— Пусть сперва скажет, откуда взял! Сколько мы должны слушать этот бред?

— Хорошо, — скрипнул зубами Всезнайка. — Я расскажу...

И он подробно рассказал о своей встрече с Великашем, а после этого окончил, наконец, читать письмо. Из этого окончания людишки узнали о координатах планируемого взрыва.

— Так это же координаты нашего Цветограда! — всплеснула руками Парта. — Столько вдалбливала их в головы учеников, что и сама запомнила!

Глава двадцать первая ТАЙКОМ

Наконец до собравшихся дошло, что дело не шуточное.

— Но почему, почему они такие злые?! — в сердцах воскликнула Парта. — Зачем они хотят сбросить на нас свою бомбу? Это же бесчеловечно!

— Да вы поймите! — сказал Всезнайка. — Они понятия не имеют о нашем существовании. — Они просто часто производят испытания ядерных бомб.

— Зачем? — поинтересовался Быстролетик.

— Ну как? Чтобы их улучшать. Наши инженеры, например, устраивают испытания автомобилей, самолетов. А люди — атомных бомб. И они собираются устроить это испытание в нашем городе. Но не потому, что хотят нас уничтожить, нет! Они просто не знают, что мы здесь. Они считают наш район безлюдным и ничего не знают о нашем существовании.

— Может, надо им сказать? — предложил Амёбин. — Раскрыть им глаза?

— Бесполезно, — махнул рукой мэр. — Во-первых, они нас не замечают и ни во что не ставят. Мы для них слишком мелкие. Как насекомые. А во-вторых, это очень опасно.

— Почему? — не поняли космонавтки.

Всезнайка немного помолчал, а потом ответил:

— Профессор Великаш — главный специалист по великанам. Он говорит вот что. Если люди узнают про нас, они немедленно нас захватят и превратят в своих рабов. Они всегда так делают.

— А Цветоград весь истопчут, — пробормотал Кирпич. — Своими огромными сапожищами.

Людишки задумались. Черепок что-то тихонько насвистывал. Шприц кашлял. Кажется, он уже успел заразиться куриным гриппом. «Как бы не заразить остальных», — думал доктор. Килобайт стучал пальцами по столу, словно что-то набирал на клавиатуре.

— И все же, — сказала Хлора. — Люди дали миру выдающихся химиков. Менделеева, например.

— И физиков тоже, — отозвался Гравитон. — Фарадей, Мария Кюри...

— Пифагор. Декарт. Софья Ковалевская!

— Дарвин, опять-таки...

— Гагарин!

— Всё это так, — сказал Всезнайка. — Среди людей попадаются выдающиеся, гениальные личности. Но, к сожалению, в массе... они бывают чрезвычайно агрессивны.

— Ах вот оно что, — сказал Амёбин. — Ну, если в массе. Тогда это действительно проблема.

Людишки умолкли. Каждый размышлял о людях, припоминая, что читал в написанных ими книгах.

— Одна из причин их агрессивности... — задумчиво произнес Всезнайка. — Агрессивности людей... это потеря хвоста. Так пишет профессор Великаш в своей книге.

От неожиданности Хлора намочила кончик своего хвоста в стакане сока.

— Как?! — изумилась она. — У них нет хвостов? Как же они живут?

— Нет хвостов?! — хором воскликнули космонавтки.

— Бедняги!

— Как же чесать спину? — спросил Кирпич.

— А ты, Всезнайка, уверен, что они бесхвостые?

— Уверен, конечно! Все мы читали книги людей. Их научную литературу. А кто не читал научную, наверняка читал сказки. Там нигде не упоминается про хвост.

Все наморщили лбы, припоминая сказки людей.

— Мы с учениками проходили «Красную шапочку», — вспомнила наконец Парта. — Я эту сказку помню практически наизусть. Про хвост там ни слова.

— Ну и что? — сказал Шприц. — Это ничего не значит. Разве в вашей «Красной шапочке» упоминаются все органы человека? Желудок или прямая кишка или, скажем, средний палец ноги? Может, тогда у людей нет прямой кишки?

— Все-таки наш коллега Всезнайка прав, — подал голос Черепок. — В этот раз я его поддерживаю. Как профессор палеонтологии, изучивший великое множество скелетов, заявляю: у людей хвоста нет. Я видел их скелеты. Люди — позвоночные. А хвост состоит из позвонков. Хвостовые позвонки имеются в скелете собаки, крокодила и даже динозавра. Но в скелете людей они начисто отсутствуют.

— Как же они живут бедные? — прошептал Землерой.

Людишки примолкли. Такое трудно вообразить. Молчание нарушил Амебин:

— К стыду своему вынужден признать. Я этого не знал. Хотя я биолог.

— Вы ведь не изучали конкретно людей, — попыталась его утешить Хлора.

— Не изучал, — подтвердил Амебин. — Зато я изучал людоеобразных обезьян. Орангутангов и горилл. У них действительно нет хвоста. А человек произошел от гориллы.

— Совершенно верно, — подтвердил Всезнайка. — Хомо-малянус, наш далекий предок, не только не потерял хвост, но и развил в нем большую ловкость. И стал его использовать наравне с руками для изготовления орудий труда. А люди так и остались без хвоста.

— Как же без хвоста-то? — вздохнул кто-то.

— Каждый раз, когда что-то упало — нагибаться! С ума сойти...

— Не почешешься.

— Вот оно что! — Черепок хлопнул себя хвостом по лбу. — Теперь мне ясна причина их агрессивности.

— Да? — сказал Шприц.

— Ну сами подумайте! Без хвоста как следует не почешешься. Спину-то как почесать? Каждый раз нужно кого-то просить. А если никого под рукой нет?

И палеонтолог почесал себе хвостом спину. Глядя на него, Шприц вынул хвост из кармана и тоже почесал себе под лопаткой.

— Ну да, — согласился Шприц. — А если попросишь, а он не захочет? Стану еще, скажет, чесать твою грязную спину. Чеси сам!

Хлора распрямила хвост и почесала правую ногу.

— Вот почему они дерутся, — сказала она. — Озвереешь тут. Когда чешется, а почесать нечем.

Шофер Быстролетик почесал голову, потом глаз. У Землероя, глядя на него, зачесалось глубоко в носу. У всех вдруг что-нибудь зачесалось и главным образом то, что недоступно рукам, а только хвосту.

— Но дело тут не в одной чесотке, — произнес Шприц, глядя, как все чешутся. — Это бы еще полбеды. Здесь вот в чем суть. Они такие громадины. Каждый раз уронят кошелек или расческу, или карандаш, или кредитную карточку, — и каждый раз за ней нагибаться? Чтобы нагнуть такую шестизэтажную башню, вы знаете, сколько энергии нужно? Вот им и не хватает калорий! Вот они и голодные все время. Они вообще не калориями, а килокалориями еду меряют! Отсюда агрессивность, убийства...

— И людоедство, — подсказал Черепок, свернув хвост колечком.

— А отсюда и до ядерной бомбы недалеко, — протянул Гравитон, накрутив себе хвост на палец.

Людишки призадумались.

— Как же они, все-таки, лишились своих хвостов? — спросила наконец Хлора.

— Профессор Великаш описывает это в своей книге, — стал объяснять Всезнайка. — Выпадение хвоста произошло еще когда они были не людьми, а только человекообразными обезьянами. У них произошла губительная мутация. То есть для хвоста она была губительная, но если бы она не произошла, все люди бы вымерли. Дело в том, что великанов поразила страшная болезнь. Оспа.

— Оспа?

— Да, оспа. Они от нее засыхают. Как растения в пустыне.

— Да, но при чем тут хвост? — не понял Черепок.

— Оспа начинается с хвоста. Вначале засыхает он. И отваливается. Затем болезнь переходит дальше. На то место, из которого растет хвост. И захватывает это место все целиком. И оно тоже становится отсохшее. А оттуда болезнь уже распространяется на остальной организм. И великан погибает. И все бы они вымерли, если бы не мутация в гене. Из-за нее у них вообще не вырастает хвост.

— Как, совсем?

— Совершенно. Даже ни бугорочка нет. Ни одного позвонка. Зато и оспа их не берет. Потому что оспа может зародиться только в хвосте и нигде больше.

— Господи! — воскликнула Парта, поднеся кончик своего хвоста к глазам, и стала его внимательно рассматривать. — А как же мы? В наших хвостах она не может?

Все вдруг схватились за свои хвосты и вопросительно поглядели на Шприца.

— Успокойтесь! — погладил Шприц учительницу по голове. — Нам оспа не грозит, у нас у всех есть прививки. Именно поэтому прививку от оспы людишкам вкалывают прямо в кончик хвоста. Каждый из вас может в этом убедиться, найдя у себя маленькое рябое пятнышко.

Все стали разглядывать свои хвосты и от каждого слышался вздох облегчения.

— Ладно, черт с хвостами, — сказал Гравитон. — Ясно, что люди — огромные, агрессивные, бесхвостые...

— Хотя и слегка разумные, — вставил Черепок.

— Ну да, разумные, — согласился физик. — Только весь свой небольшой разум они используют на бомбы.

— Ядерные, — уточнила химик.

— Ну да, — кивнул Гравитон. — И у Всезнайки есть достоверная информация от том, что они собираются испытать свою бомбу здесь. В нашем городе.

— Судя по координатам, — вздохнула Парта.

— И они это сделают ровно через...

— Два месяца, восемнадцать дней, шесть часов, двадцать три минуты и одиннадцать секунд, — быстро подсказал Интеграл.

— Хм... правильно, — согласился физик.

— А если так, — сказала Хлора, — мы должны как следует подготовиться!

— А если не подготовимся, люди превратят Цветоград в ядерную золу, — сказал Интеграл. — И произойдет это ровно через...

— Правильно, — перебил Кирпич. — А то потом будем локти кусать.

— И волосы на себе рвать, — вставил Землерой.

— Если не выпадут от радиации, — заметил Шприц. — Вместе с хвостами.

Парту передернуло.

— Скажете тоже...

— Согласен, — сказал Амёбин.

— И мы, — согласились Альфа с Центаврой, а за ними и остальные — все, кроме Черепка.

— В таком случае, — объявил Всезнайка, — первое заседание Тайкома предлагаю считать открытым. — Кто за?

Практически все подняли руки.

— Кто против?

— Я, — сказал Черепок. — Я хочу спать. Можно мне домой?

— А что такое Тайком? — поинтересовалась Центавра.

— Тайком — это сокращенно Тайный комитет, — объяснил Всезнайка. — Никто не должен знать о том, *что* мы здесь будем обсуждать.

— Почему? — удивился Гравитон. — Чем больше народу будет нам помогать, тем лучше мы подготовимся к ядерной атаке. — Зачем же скрывать?

— А затем, — ответил ему Шприц, — что если все узнают, начнется страшная паника. У многих людишек неустойчивая психика. Они просто сойдут с ума! Станут кричать, плакать и биться головой о стену, перебьют стекла и себя покалечат. Сумасшедшие дома переполнятся, и куда мы их будем класть?

— Шприц прав, — согласилась Хлора. — Знать должны только самые ответственные. И психически устойчивые. Остальных будем обманывать.

— Обманывать нехорошо, — заметил Килобайт.

— Килобайт прав, — согласился мэр. — Мы не будем обманывать, а будем просто скрывать правду.

— Это другое дело, — согласился программист. — Правду можно зашифровать, так что никто не раскодирует.

— Итак! — возвестил Всезнайка. — Каждый из нас принят в Тайком и теперь должен поклясться своей самой страшной клятвой, что не выдаст.

— Кроме меня, — сказал Черепок. — Я, пожалуй, пойду...

— Не могу тебя отпустить, — возразил мэр. — Ты уже услышал нашу главную тайну и теперь должен поклясться, что не выдашь.

— Слушай, Всезнайка. А зачем ты меня сюда вообще позвал и рассказал про эти ваши ядерные секреты?

— Я позвал лучших специалистов, — объяснил мэр. — Разве ты не хочешь участвовать в общем деле? Не хочешь нам помочь?

— Хм... в принципе, я мог бы, — проговорил Черепок. — Как ученый палеонтолог. После взрыва я буду выкапывать скелеты людишек из ядерной золы. Думаю, у меня будет много работы.

— Тогда поклянись, что сохранишь это в тайне!

— Хорошо, я поклянусь, — согласился палеонтолог.

— Клянись своей самой страшной клятвой!

— Ладно уж. Чтоб мне больше ни одного скелета не найти!

— Следующий! — возвестил мэр. — По часовой стрелке.

Следующим сидел Интеграл.

— Чтобы мне... Чтобы я не смог отличить косинус от синуса!

Всезнайка стал поочередно показывать на каждого пальцем.

— Чтоб мы выпали в открытый космос! — поклялись хором Альфа с Центаврой. — Без скафандров.

— Чтоб мне встретиться в тоннеле с поездом, — буркнул метростроевец Землерой.

— Чтоб мне кирпич на голову упал! — сказал строитель.

— Чтоб я выпила азотную кислоту!

— Чтоб мне забыть закон Ньютона!

— А мне — Дарвина!

— Чтоб я стер себе с хард-диска все файлы!

— Чтоб я тому, у кого гланды, вырезал аппендицит, а аппендицитному — гланды!

— А у меня чтоб тормоза отказали! На крутом спуске.

— А я чтобы платье наизнанку надела, когда на урок приду! — поклялась Парта и вздрогнула.

Остался один Всезнайка.

— Чтобы на город, в котором я мэр, упала ядерная бомба! — торжественно закончил он.

— Клянемся!!! — хором повторили все.

Глава двадцать вторая О ГРИБАХ

— А какой он, ядерный взрыв? — спросила вдруг учительница Парта.

— Ядерный взрыв... — Всезнайка задумчиво уставился куда-то в стену.

Словно глядел сквозь нее, в неведомое, далекое пространство. — Ядерный взрыв — он как солнце! Вы вдруг видите в небе не одно, а целых два ярких светила. Одно обычное, а другое ядерное. И ядерное будет еще ярче. Потому что обычное солнце далеко, а ядерное близко. Станет ужасно светло и тепло. Даже жарко. Очень жарко. Если зима, мгновенно растает снег. Наступит лето.

— Лето, — словно эхо отозвалась Парта.

— Ну, если лето, — протянул Кирпич, — может, все не так плохо. — Можно собирать ягоды.

— И цветы, — добавили космонавтки.

— А еще грибы...

— Только это будет радиоактивное лето, — пояснил Гравитон.

— И радиоактивные грибы, — отозвался Шприц.

— А что это за грибы такие? — поинтересовалась Парта. — Как вы сказа...

— Грибы обсудим потом, — остановил Парту мэр. — Перейдем к делу. Для того чтобы все жители города спаслись от ядерной бомбы, нужно построить ядерное убежище. А хорошее ядерное убежище — это целый подземный город с подземными улицами и домами для людишек. С водопроводом и канализацией, заводами и фабриками для производства всего необходимого. Вокруг подземного города будут располагаться несколько подземных деревень. На подземных полях будет расти подземная пшеница и подземные овощи. Нужно построить подземные фермы для выращивания подземного скота, который будут давать людишками подземное молоко и...

— Всезнайка, погоди, погоди! — остановил его Шприц. — Какая пшеница, какие скоты? После твоего взрыва нужно будет пересидеть пару недель под землей, так? Пока не пройдет радиация. Правильно я говорю, Амёбин? — повернулся к биологу доктор.

— По-моему, да. Зачем под землей пшеницу сажать? Это трудное дело.

— А я вам еще не сказал самого главного, — проговорил Всезнайка. — После ядерного удара бывает ядерная зима.

— Не понял, — пробормотал Кирпич. — То лето, то зима.

— Вначале, — пояснил Всезнайка, — будет очень жарко. Как летом. Но это ядерное лето быстро кончится, и настанет ядерная зима.

Людишки недоуменно примолкли. Черепок почесал свою лысую голову и сказал:

— Что-то у тебя, Всезнайка, в последнее время все стало ядерное. Ядерное убежище, ядерная пшеница, ядерная зима... Может, у тебя слегка крыша поехала? Доктор, сделай ему ядерную примочку на лоб!

— Да нет, не поехала, — усмехнулся Всезнайка. — Вот, смотрите.

Ученый потушил свет и включил на экране презентацию, которую заранее подготовил. Она начиналась с картинки.

— Что это? — спросил Быстролетик.

— Похоже на ядовитый гриб, — сказала Парта.

— Какой-то ложный опенок!

— Нет, это как раз съедобный. Видите, у него ободок на ножке, типа юбочки? У ложного опенка такого ободка нет.

— Да это самая настоящая бледная поганка! — заявила Хлора. — Я-то знаю. Я из таких точно грибов яд добываю. Для опытов.

— Простите, но это никакая не бледная поганка. Бледная поганка — белая, иногда с зеленоватым отливом, а этот гриб — желтый. Я бы даже сказал, оранжевый.

— Да он не просто оранжевый, а прямо огненный!

— Тогда это лисичка, — подал голос Кирпич. — Люблю лисички есть. Жареные. Только я их никогда целиком не видел, поэтому об этой, — кивнул он на экран, — ничего сказать не могу.

Физик вытащил телефон, чтобы поискать гриб в Интернете, но здесь, глубоко под землей, Интернет не работал.

— Друзья мои! — остановил спорящих Всезнайка. — Это не опенок и не лисичка, и даже не бледная поганка. Это ядерный гриб.

Людишки переглянулись.

— Ну вот, — сказал Черепок. — Говорю же, что у него ядерный психоз. Такое бывает!

— Нет, не психоз, — настаивал мэр. — Ядерный гриб — это огромное облако раскаленной пыли, которую ядерный взрыв поднимает высоко в небо. Сила взрыва так велика, что ядерная пыль достигает стратосферы — то есть верхних слоев атмосферы. Эти слои лежат намного выше облаков. На такой высоте никогда не бывает дождей.

— Почему? — перебил Быстролетик.

— Потому что облака — гораздо ниже, а дождь всегда идет из облаков, — пояснил Гравитон.

— А-а, понял, — сказал шофер. — Ну и что?

— А то, что дождь идет вниз. Из облаков на землю. Потому что его притягивает сила тяжести. А стратосфера — выше облаков, и дождь туда не попадает.

— Спасибо, — поблагодарил мэр Гравитона. — Так вот. Ядерная пыль состоит из ядерного пепла и ядерной сажи. Она будет висеть в стратосфере многие месяцы и даже годы. И дождь ее не смоеет. Ядерная сажа очень легкая, и притяжения Земли недостаточно, чтобы вернуть ее на землю. Но самое плохое в саже — то, что она черная, и солнечные лучи не могут сквозь нее пройти. Из-за

сажи солнце перестанет освещать землю. На земле наступит тьма и холод. Температура упадет до минус пятидесяти градусов. Все засыплет пятидесятиметровым слоем снега. А ядерная сажа будет опускаться очень медленно. И займет это двадцать пять лет, — торжественно закончил мэр.

Сказав все это, Всезнайка умолк. Зал заседаний погрузился в глубокую тишину. Людишки были подавлены. Ни звука не доносилось сквозь огромную толщу, которая отделяла их от поверхности Земли. Каждый уже чувствовал себя погребенным под пятидесятиметровым слоем. В глубоком ядерном убежище. На двадцать пять лет.

— Двадцать пять... — прошептал Быстролётник.

— За это время можно школу закончить, — заметила Хлора.

— И институт.

— И четыре года на работе отпахать.

— И два года на пенсии просидеть.

— И все это вместе — три раза!

— За эти двадцать пять лет, — сказал Быстролетник, — все мы успеем закончить школу, потом техникум, потом отработать, потом на пенсии посидеть, потом опять в школу, опять в техникум...

— И так три раза, — перебил его физик.

— И все это под землей, — напомнил Черепок. — Не вылезая на поверхность.

— И не разу не увидев солнышка...

Парта заплакала. Мэр постарался, как мог, успокоить собравшихся.

— Это ничего! — ободряющим тоном сказал он. — Ведь людишки не умирают. Поживут четверть века под землей. Потом выйдут на поверхность. И даже думать забудут о том, что с ними было.

— Думать забудут, — как эхо отозвался Амёбин.

— Конечно, забудут, — сказала Хлора. — Это кто же помнит, что с ним двадцать пять лет назад было! Я с трудом вспоминаю, чем я занималась до школы, на прошлой пенсии. Всего-то пять лет назад. Кажется, нитроглицерин синтезировала для развлечения. А уж нынешняя пенсия на носу...

— А как же цветы? — забеспокоился кто-то. — Они ведь не смогут расти под снегом.

— Цветы можно выращивать под землей, — успокоил Всезнайка. — Для этого нужно наладить искусственное освещение, которое было бы похоже на солнечный свет.

— Если так, — сказал до сих пор молчавший Шприц, — то Всезнайка прав. Придется строить под землей огромный город, чтобы людишки могли там прожить целых три жизни.

— Да чего там! — сказал Землерой. — И не такие туннели рыли.

— На большой глубине полно ископаемых останков мезозойской эры, — подал голос Черепок. — Люблю скелеты динозавров!

— Погодите! — сказал Гравитон. — Но для того, чтобы построить подземный город с подземными деревнями и полями вокруг него, потребуется много денег. Где мы их возьмем?

— Действительно, где? — поддакнул Черепок.

— Друзья, я уже все продумал! Во-первых, я, как газкомандующий нашего города, заявляю, что деньги мы заработаем на газе.

— На газе? — переспросила Хлора.

— На газе. Мы поднимем цену на газ, который Цветоград поставляет в другие города. Ведь газ-то есть только у нас. А я — глава компании «Газвсем», единственного поставщика газа. Ведь в Солнцеграде и в Травограде, а еще в Шоколадгороде, — никакого газа нет! Значит, мы можем продавать им свой газ за сколько захотим. С завтрашнего дня поднимаем цену вдвое!

— Но разве это честно? — поинтересовалась Парта.

— А вы как думали? Конечно, честно! Ядерная бомба и их касается. Ведь если она взорвется, им тоже достанется.

Все ненадолго задумались. Наконец, Интеграл сказал:

— А какой сейчас доход у вашего «Газвсема» от продажи газа?

— Около четырех миллиардов сладиков в месяц, — сказал Всезнайка. — Если мы повысим цену вдвое, за месяц у нас скопится четыре миллиарда.

Сладики — так называются деньги людишек. Испокон веку самой ценной вещью в Лесании было не золото, а сладкие леденцы, сделанные из карамели или жженого сахара. Эти леденцы назывались сладки. Они и были у людишек деньгами. Монета в один сладик весила один миллиграмм. Были карамельные монеты в два, пять, десять и даже пятьдесят сладиков.

А золото у людишек никогда особенно не ценилось. Из золота, которого людям хватит на одно кольцо, людишки наделают тысячу! Так что золото для маленьких людишек — совсем не ценный, а просто обыкновенный металл. И поэтому деньги у них были испокон веку не золотые и не серебряные, а сладкие. Потому что этот маленький народ сильно падок на сладкое. Людишки нередко облизывали свои монеты. Причем делали это хитро: лизали монетку не где «орел», с гербом Цветограда, или «решка», с надписями и цифрами, а по окружности. Но продавцов на рынке не так-то просто обхитрить. Они не хотели за эти сильно потерявшие в весе деньги свой товар продавать. Когда, наконец, изобрели банкноты, то есть бумажные деньги, банки стали хранить целые залежи сладких монет. Ведь по закону банк был обязан выдать каждому, кто придет с бумажной банкнотой, столько миллиграммов карамели сколько на ней написано. Настоящим бедствием стали муравьи. Они грабили банки, пробираясь в подвалы и утаскивая сладкие деньги. А муравьи могут унести очень много. Пришлось отменить закон, и с тех пор каждый город мог печатать бумажных сладиков, сколько душе угодно, а точнее, сколько требуется на нужды города. Поскольку нужд всегда много, бумажных сладиков стали печатать немерено, и ценность их упала. Теперь настоящий, съедобный сладик нельзя купить даже за сто бумажных.

— Четырех миллиардов не хватит, — сказал строитель Кирпич.

— Тогда поднимем муниципальный налог. Все цветоградцы должны будут заплатить за жизнь в подземном городе. Это ведь всех касается!

— Придется объяснять, зачем налог подняли, — заметил Шприц. — А если все узнают про ядерную бомбу, в городе начнется паника и переполнятся сумасшедшие дома...

— А я вот что придумал! — воскликнул Интеграл. — У нас ведь деньги в мэрии печатают, правильно?

— Правильно.

— Значит, недостающие для строительства деньги надо напечатать!

— Хорошая идея! — похвалил Кирпич. — Надо рассчитать, сколько денег печатать. Нам нужно построить столько же подземных квартир для людишек, сколько сейчас есть надземных. И столько же подземных магазинов, потом разных там школ, больниц и так далее.

— А в подземные квартиры нужно купить подземную мебель и электроприборы.

— А еще простыни и полотенца.

— И игрушки.

— И книги.

— Книги можно электронные, — подсказал Килобайт. — Они мало места занимают.

— Надо сразу напечатать побольше денег, — сказал Кирпич. — Чтобы на все это хватило и еще осталось.

— Зачем еще?

— Мало ли. На всякий случай.

— А можно не печатать, а использовать электронные деньги, — подсказал Килобайт.

— Правильно! — одобрил Амёбин. — Сэкономим бумагу.

— Хм... но это вызовет инфляцию, — сказал мэр. — Поднимутся цены на продукты, людишки выйдут на демонстрации...

Тут он услышал громкие всхлипывания и оглянулся. По лицу Парты катились крупные слезы.

— Как же? — с плачем сказала она. — Двадцать пять лет под землей? Три жизни без солнышка?

— А мы искусственное солнышко зажжем! — заверил Гравитон. — Это для нас пара пустяков!

Но учительница не могла успокоиться и громко всхлипывала.

— Мы с учениками ходили в поля. Слушали песни насекомых. Собирали лепестки. Засушивали гербарии. Как же теперь все это? Под землей...

Землерою стало жаль учительницу. Он погладил Парту по волосам.

— Не плачь! — сказал он. — Под землей полно насекомых! Насадим подземные поля, будем там собирать лепестки...

— А потолок не обвалится? — засомневался Интеграл. — У пшеничного поля очень большая площадь.

— А мы колоннами подопрем. Мы в метро всегда так делаем. Если станция большая — ставим колонны.

— Поле с колоннами? — улыбнулся Черепок. — Оригинально.

Кирпич вынул из кармана губную гармошку и заиграл какую-то жалостную мелодию. У Альфы под нее подобрались слова:

*Ядерная зима.
Сижу я совсем одна,
Ночью и днем без окна,
А надо мной — толщина.*

*Двадцать лет под землей.
Солнышко, где ж ты, постой,
В какой ты есть стороне,
На животе или на спине?*

*Землю я буду копать
Пшеницу в нее сажать,
Добрый дождик из душа
Хлеб будет мой поливать.*

Альфе вторила Центавра:

*Вместо неба — потолок,
Лампа — вместо солнца.
Вентилятор, дай кусок,
Воздуха в оконце!*

*Аромат сирени нежный
Буду нюхать из флакона.
Птица, ключиком железным,
Пропоеет мне заведённа.*

*Речка звонкая в трубе
Песню прожурчит.
В тишине и темноте
Кто-то промолчит.*

*Сколько жизней протечет
В глубине земной —
Мы с тобою будем знать
И никто другой.*

У Центавры оказался пронзительный, тоскливый голос. Всем сделалось грустно. Песня замерла. Всезнайка решил подбодрить собравшихся.

— Не расстраивайтесь, друзья мои, — сказал он. — После ядерной зимы обязательно придет ядерная весна. Поверьте, она настанет!

И оглядел лица собравшихся. Но было видно, что никто не верит.

— Поймите! Это вам только так кажется, что все плохо, — утешал мэр. — А на самом деле — не все. Наука научилась управлять реальностью, и мы сделаем, что не будет так грустно.

— Ага, двадцать лет под землей...

— Это только кажется, что грустно, а на самом деле весело, — пошутил кто-то.

— А может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет? — кисло усмехнулась Хлора.

— Да нет, — возразил Всезнайка. — При чем тут? Но я знаю, как исправить ваше плохое настроение. Сейчас сами убедитесь.

Ученый ткнул пальцем в телефон. Экраны вспыхнули таким ярким светом, что тайкомовцы зажмурили глаза, а когда открыли — увидели, что они находятся на краю огромного поля. Желтые волны созревшей пшеницы колыхались до самого горизонта, и стеклянный стол, за которым сидели людишки, казалось — парит над этими волнами. Рядом с полем рос лес. От несильного ветерка березы трясли листьями, махали ветвями дубы. Над головой плавало бездонное голубое небо. Только кое-где, на страшной высоте висело несколько перистых облаков. Летали жаворонки, и видно было, как они открывают клювы и поют свои жаворонские песни. Только делали они это совершенно беззвучно. И ветер беззвучно дул, и лес беззвучно шумел, и пшеница беззвучно колыхалась. Их показывали трехмерные компьютерные экраны.

— Ну и что? — сказала наконец Парта. — Кому это фальшивое поле нужно?

Всезнайка ничего не ответил, а провел пальцем по экрану телефона — и поле вдруг зашумело, зазвучало. Появились запахи. Задул настоящий ветер.

— Ветер создают спрятанные между экранов вентиляторы, — объяснял Всезнайка. — Это изобретение программистов из Солнцеграда. Наш друг Килобайт работал вместе с ними, и он подтвердит, что это все виртуальная реальность.

Килобайт кивнул.

— Ничего себе! — говорили все.

— Да это лучше, чем настоящее поле!

— В настоящем поле не пройдешь, там пшеница густо растет. В три раза выше нашего роста!

Учительнице захотелось потрогать цветок куриной слепоты. Она подошла к цветку, но ее руки повсюду хватали пустоту. Солнцеградские инженеры пока не изобрели, как виртуально трогать цветы. Но они безусловно были на пути к этому изобретению.

Глава двадцать третья ГОРОД БУДУЩЕГО

Тут у Всезнайки вдруг заурчало в животе, и он почувствовал, что страшно проголодался. «Как же я мог забыть?» — пробормотал мэр. Он подозвал Быстролетика, и шофер достал из сумки огромную пластиковую коробку, обернутую фольгой, чтоб не остыла. Это были пирожки с капустой, яблоками и грибами, которые передал повар Кастрюля.

— Объявляю перерыв, — возвестил мэр.

Он выключил пшеничное поле и включил ресторан. За столиками сидели виртуальные людишки, в проходах бегали официанты и официантки. Они носили подносы с устрицами и безалкогольным шампанским. Последним достижением виртуальной реальности была передача запахов. Помещение наполнилось чудесными ароматами, записанными во время обеда в ресторане «Патиссон», шеф-поваром которого был повар Кастрюля.

У голодного Кирпича потекли слюнки. И не только у него. Космонавтка Альфа быстро распределила по столу пластиковые тарелки. Людишки разобрали пирожки, и теперь молча кусали их, запивая яблочным соком и глядя на ломающиеся от яств столы «Патиссона». Пирожки, в принципе, тоже были неплохие. Но официанты на экранах несли блюда с жареным цыплячьим крылом, тарелки с развалившейся на них запеченной креветкой, фаршированных земляникой мидий и прочую вкуснятину, вид которой как-то не вязался с простыми пирожками. Но выбирать был не из чего. Члены Тайного комитета ели и насыщались.

Наконец утолили первый голод. У каждого появилось время обдумать все, что он тут узнал. И всем стало невесело. Каких-нибудь четверть часа назад, когда они только зашли в помещение мэрии, жизнь в Цветограде казалась легкой и безмятежной. И вот на тебе, с бухты-барухты: город в опасности, какие-то неведомые великаны собираются сбросить бомбу, все разрушить и расплавить, и нужно что-то делать, принимать меры, организовывать, строить подземные города, сажать пшеницу... Тайкомовцы загрустили. Многим даже есть расхотелось. Отодвинув недоеденные пирожки и стаканы с недопитым соком, они осыпали друг друга вопросами, не в силах дать ответ.

— А успеют ли все людишки спрятаться до того, как бомба упадет? — спрашивали одни.

— А поместятся ли они все под землей? — спрашивали другие.

— А можно ли там вообще жить? — сомневались третьи.

— Наш прекрасный Цветоград, — слышались чьи-то всхлипы. —

Превратится в ядерную золу...

— Да вы не бойтесь! — слышался ободряющий голос Всезнайки. Он съел три пирожка, выпил четыре стакана сока и отлично подкрепил свои силы. — Уважаемые друзья! Все эти вопросы мы решим! Выстроим под землей целый огромный город, где людишки смогут отлично жить! А в космосе установим

систему оповещения. По тревоге все население спустится под землю. По скоростным лифтам. Вы ведь уже опробовали наш скоростной лифт! Город застрахуем. Получим страховку, а когда через двадцать пять лет кончится ядерная зима, выйдем на поверхность и отстроим его еще лучше, чем был!

— А как же все цветы? — спрашивала Парта.

— А как же все дома? — спрашивал Кирпич.

— Товарищи, нет совершенно никакого повода для беспокойства! Поверьте, всё можно будет восстановить и поправить! Мы сейчас сделаем трехмерные фотографии-сканы каждой улицы, каждого дома — и сохраним в компьютере. А потом, после разрушения, построим точно такие же! И я уже подал запрос в страховую компанию на страховку города. На случай полного разрушения. Такое, кстати, бывает! Например, от извержения вулкана или затопления, или от ядерного взрыва. В истории было немало уничтоженных городов. Например, Карфаген. Или Помпеи. Но они не были застрахованы, а наш Цветоград будет! Как только факт разрушения установят, мы получим страховку, и эта страховка покроет все расходы на восстановление нашего любимого города в прежнем виде. Даже в гораздо лучшем! Эта бомба, можно даже сказать, расчистит пространство для нового, удивительного строительства будущего. Мы настроим у нас небоскребов, как в Солнцеграде, и замечательных висячих мостов! Это будет не просто новый город, а *сверхновый* город. Он далеко превзойдет Солнцеград, который по сравнению с ним будет выглядеть устарелым и убогим!

Всезнайка все больше вдохновлялся своей речью. Как это ему раньше в голову не пришло, что после разрушения можно будет построить город гораздо лучше прежнего? Да это просто мечта каждого мэра! Чтобы подбодрить товарищей, Всезнайка запустил на экранах весеннее праздничное шествие, которое проводится в Цветограде тридцать первого мая. Малянки в купальниках, с огромными красными бантами на хвостах, несли цветочные лепестки. Маляницы в развевающихся плащах ехали на колесницах, запряженных отборными беговыми мышами. По улицам шли духовые оркестры, игравшие веселые марши. Звук всего этого мэра приглушил, чтоб не мешал ему произносить речь.

— Наш город восстанет из пепла! — заявил Всезнайка. — И это будет совершенно новый город, во много раз лучше нынешнего! Поверьте, Цветоград выйдет из этого испытания преобразившимся! Как птица Феникс, которая сама себя сжигает, а потом восстает из ядерной золы и становится *гораздо* лучше, чем была. Его можно будет даже назвать по-другому. Например, Изпеплоград или, скажем, Новоград или Будущград. Или вот, еще лучше: Суперград! А вы все к тому времени уже приобретете новые профессии и сможете работать над созданием этого будущего Суперграда. В нем будут применены все новейшие технологии, и те, которые еще пока не изобрели, но потом изобретут. Ведь под землей у всех у нас будет много времени, и мы сможем потратить его на продвижение науки, на разработку новых технологий! Из-под земли выйдут миллионы роботов, которых мы изобретем!

Дома Суперграда соединят воздушные коридоры, прозрачные, по которым людишек будет нести поток воздуха. Из одного дома в другой! Повсюду

будут цвести цветы, и реальные будет не отличить от виртуальных, которые будут лучше их. На любом этаже и даже в подвале и на подземных стоянках будет видно виртуальное небо. Но оно будет лучше реального! Метро из подземных глубин вознесет людишек под облака! Мы сможем выпрыгивать прямо в окно, и нас подхватит воздушный поток. И понесет, куда захочет, то есть куда мы ему запрограммируем на своем телефоне! Не будет беспорядка и неразберихи, как сейчас, не будет транспортных аварий, заторов, куч мусора, хулиганов и трущобных микрорайонов, а будет абсолютный порядок, рассчитанный центральным компьютером. Везде будут роботы: улицы убирать будут роботы, автомобили водить — роботы, дома строить — роботы! Роботы ходящие, роботы ездящие, роботы ползающие, роботы летающие, стоячие, лежащие...

Мэр умел говорить речи. У него к этому был просто талант! Он умел возбуждать, убеждать, разубеждать и переубеждать и знал, как изменить настроение слушателей на противоположное. Вдохновенные Всезнайкиной речью людишки приободрились. Те, кто начал было плакать, вытерли слезы и заулыбались. А те, кто и до этого улыбались — повскакивали со своих мест и радостно захохотали! Всезнайка сам разгорячился. Сняв ботинки, он вспрыгнул на стеклянный стол. Мэр почувствовал, что нужна музыка, и, ткнув пальцем телефон, увеличил звук. Духовые оркестры грянули со всех сторон какую-то народную, плясовую мелодию. У всех грусть как рукой сняло. Вот, что значит музыка! Она была такая зажигательная, что вначале математик Интеграл, за ним космонавт Альфа и учительница Парта, а потом уже все остальные — пустились в пляс. Кирпич отстукивал по полу чечетку так, что подпрыгивали бокалы на стеклянном столе и качались компьютерные экраны. Профессор Черепок, галантно обив Центавру хвостом, закружился с нею по комнате, шофер Быстролетик носился туда-сюда, опрокидывая стулья, и даже медлительный Амёбин пытался выделывать какие-то коленца.

— А-а, плевать нам на ядерную бомбу! — кричал строитель. — Пусть не останется кирпича на кирпиче, мы всё заново построим из бетона!

— Сероводород мне в легкие! — надрывалась Хлора, перегнувшись спиной через руку математика и подметая пол волосами. — Расплавим всё!

— Матрица вы моя диагональная! — веселился Интеграл. — У меня в голове уже готов полный математический расчет!

Глава двадцать четвертая О БОГИ!

В разгар танцев запахло чем-то горелым. Вначале никто не обратил внимания, потому что из телепахы — так называется прибор, преобразующий электрический сигнал в запах — так вот, из телепахы очень сильно пахло весной и цветами. Да еще и экраны показывали праздничное шествие, а из динамиков звучали трубы духового оркестра. Но внезапно музыка оборвалась, из динамиков

раздалось громкое гудение. «Праздник весенних цветов» исчез. Все экраны стали синими и на каждом появилась надпись:

Обнаружена проблема, и система отключила ваш компьютер, чтобы предотвратить его разрушение.

ОШИБКА ИНИЦИАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА.

Если это происходит с вашим компьютером впервые, просто перезагрузите его, а если не впервые — зайдите в Интернет и найдите там, что вам делать.

Затем побежали какие-то цифры. Гудение, казалось, становится еще громче, а запах горелого — нестерпимей.

— Ой! — воскликнула Парта, вырываясь из объятий Интеграла. — Плохо пахнет!

— У меня сейчас ушные барабанки перелопнут! — проворчал Шприц.

В это мгновение под столом что-то вспыхнуло и повалил дым, а Быстролетик выхватил откуда-то огнетушитель и залил огонь. Килобайт перезагрузил компьютер, но тот больше не включался. Экраны погасли, стало темно.

— Свет здесь есть? — поинтересовался кто-то.

— Есть, но включить его нельзя, — вздохнул Всезнайка. — Все управляется через компьютер.

— А он, кажется, сгорел...

Землерой зажег фонарь. Другие людишки тоже зажгли фонарики на своих телефонах. Едкий дым постепенно рассеялся, но тайкомовцы еще кашляли.

— Все ясно! — заявил Кирпич, перестав наконец кашлять. — Хватит дурака валять, действовать надо.

— Правильно, — поддержал Гравитон.

— Только вы не должны забывать, что все нужно держать в строжайшей тайне, — напомнил Всезнайка. — Заседания Тайкома будут проводиться глубоко под землей.

В свете телефонного фонарика лицо мэра приобрело таинственное выражение.

— И чтобы никто никому! — пригрозил Шприц.

— Дело настолько секретное, — понизил голос Всезнайка, — что никто не должен знать, кто им занимается. Мы не будем называть друг друга по имени.

— А как же? — поинтересовалась Альфа.

— У нас будут подпольные клички.

— Какие? — переспросила Центавра.

— Подпольные, разве не ясно? — сказал Землерой. — Мы ведь под полом.

— Ясно, — сказала Хлора. — Надо всем придумать подпольные имена.

— А хотите, каждый назовется каким-нибудь цветком? — предложил Амёбин. — Я могу быть ландышем.

— Хлора окинула его придирчивым взглядом. — Это слишком просто, — возразила она. — Цветоградцы прекрасно разбираются в цветах, их так просто не обманешь.

— Что же делать?

— Можно выбрать себе имена из древних мифов, — сказал Черепок. — Например, я могу быть Аидом. Если никто не возражает.

— А кто это такой, Аид?

— Он живет в царстве мрачного Плутона.

— Ну при чем тут Плутон? — хором воскликнули космонавтки, — Когда мы находимся на Земле?!

— Да не тот Плутон, который в космосе, а Плутон, который под землей. Так называется подземное царство.

— Точно! — хлопнул себя по лбу Быстролетик. — Мы ведь будем теперь жить в подземном царстве! Молодец, Черепок, то есть как тебя теперь звать-то по-секретному?

— Аид.

— Ну да. Молодец, Аид! Придумай-ка и мне секретное имечко поскорее! Черепок почесал лысую голову.

— Ты из нас самый быстрый, так? Значит, будешь крылатый Танат. Он везде летает на своих крыльях.

— А я? — спросил Землерой.

— А ты? — Черепок окинул взглядом неуклюжую фигуру метростроевца. — Ты можешь быть Гефестом, богом Подземного огня. А еще лучше, Циклопом.

— А я тогда буду Персефона, — сказала Хлора. — Она тоже живет в подземном царстве, вместе с Аидом и Танатом.

— Если уж речь зашла о богах, — сказал Шприц, — я тогда буду Эскулап. Это бог медицины.

В общем, каждый выбрал себе новое, секретное имя по душе. Остался один мэр.

— А ты, Всезнайка, кем будешь? — спросили его.

— А я... ну, раз уж вы, друзья, ударились в мифологию... и поскольку я тут самый главный и все мне должны беспрекословно подчиняться... то я буду Зевсом. Царем богов. Только вы меня этим именем не называйте.

Людишки призадумались.

— Что-то ты нас, Всезнайка, то есть Зевс, в тупик ставишь, — сказал наконец доктор. — Зачем ты себе тогда это имя придумал?

— Ну как... Вы все будете знать, что я — Зевс, и когда между собой разговариваете, можете меня так называть. Но представьте себе, что рядом кто-то чужой. Не член Тайкома, а малянец или малянка со стороны. Если вы при них будете звать меня Зевсом, то они могут понять, что Зевс — я. И вся секретность насмарку.

— Нет, ну что же тогда делать?! — возмутился Шприц. — Я что-то совсем запутался. Объясни!

— Да все просто! Вот сам посудите: короля, например, что, так и зовут — король? Нет, ему говорят «ваше величество». А принцу — «ваше высочество». А герцогу — «ваша светлость». А офицеру — «ваше благородие». А...

— Да ну и что? — оборвал его Шприц. Он вдруг рассердился. — Чего ты с этими светлостями и благородиями? У меня уже ум за разум зашел. Я и так не выспался...

— Правда, корень вы мой квадратный! Вы что-то нас совсем запутали. Зевс же не принц и не король. Он — бог. Вы уж определитесь с системой координат.

— Ну... бога, например, можно звать... «ваше всемогущество», — предложил Всезнайка.

Интеграл сделал в воздухе движение рукой, словно чертил невидимую кривую.

— Что ж, логично, — сказал он. — Если король — его величество, то бог — его всемогущество. Это так же ясно, как вторая теорема Гёделя.

— Ну, вот и хорошо, — обрадовался новоявленный Зевс. — И даже когда друг другу обо мне будете упоминать, то лучше все-таки говорите не Зевс, а «его всемогущество». Так надежней. А про себя будете помнить, что я — Зевс. Потому что, если меня раскроют — всему нашему тайному делу конец.

Глава двадцать пятая **АЛЬФА-ЦЕНТАВРА**

Альфа и Центавра не стали выдумывать себе секретные имена.

— Нас и так по-гречески зовут, — сказала Центавра, которая была начитанная малянка.

А Альфа сказала, что их в Цветограде все равно никто не знает, потому что, во-первых, они из Солнцеграда, да и там давно не живут. А во-вторых, прошли времена, когда космонавты были знаменитостями, их что ни день по телевизору показывали, и каждый знал в лицо. Давно уже эта профессия стала такая же обыкновенная, как например, летчик или машинист поезда, и космонавтов в Цветограде и Солнцеграде теперь полно. Многие из них вообще перебрались жить на орбиту, то есть в космос. Там жили и Альфа с Центаврой, в своем уютном орбитальном домике.

После заседания малянки очень устали. Им страшно хотелось спать.

— Поехали, что ли, домой? — предложила Альфа, зевая во весь рот.

Малянки сели в свой припаркованный на площади Порядка космический кораблик.

— Поехали, — сказала Центавра и махнула рукой.

Этот космический кораблик или, как людишки их называют, космораблик, был уже немного устаревшей модели. Подруги его купили, когда только закончили первую космическую школу. Там будущих космонавтов учили снимать и надевать скафандр, стойко переносить невесомость и перегрузки, а

главное — космическую скуку. Это самая большая опасность. Одуревшим от скуки космонавтам и космонавткам иногда такое в голову взбредет... Еще бы: сделаешь шестьсот сорок три оборота вокруг Юпитера. А после каждого оборота нужно записывать затмения. Сколько раз спутник Ганимед затмил спутника Каллисто, а сколько — Ио. Хоть на стенку лезь. А стенок в космосе нету. То есть они есть, но на них не залезешь. Потому что невесомость. Вот и смастерит бедняга-космонавт космическую удочку и закинет ее прямо с корабля в океан этого самого Каллисто. В надежде поймать космическую рыбку. (Все это шутка, конечно. Никакие рыбы на спутнике Юпитера не водятся, и закинуть туда удочку с космического корабля никак нельзя).

Альфа и Центавра знали друг друга еще до космошколы. Они были соседками. Центавра тогда собиралась пойти учиться на библиотекаря. Потому что она и в прошлой жизни была библиотекарем и любила эту профессию. Ей нравились книги. Но Альфа сманила ее в космическую школу.

— Где это видано, — сказала она, — чтобы людишки две жизни подряд работали на одной работе? Это же вредно для здоровья! Вот я в моей прошлой жизни пела и танцевала в оперетте. Пошли со мной в космошколу!

Центавре не хотелось расставаться с подругой, и она согласилась. Тем более, что Альфа убедила ее, что во время долгих космических полетов совершенно нечего делать, и она сможет читать сколько угодно.

В космошколе малянки были неразлучны. Окончив курс практической космонавтики, Альфа и Центавра купили в рассрочку поддержанный космораблик фирмы Лунасолнц и стали летать на нем. Малянки мечтали поскорее выплатить долг за косморабль и начать копить на космодом. Потому что уважающие себя космонавты живут в космосе. Подруги брались за любую работу. Протирали солнечные батареи, чинили поломанные спутники, доставляли посылки на астероид В-612 и подстригали хвосты кометам. Одно время они даже вывозили с орбиты космический мусор. Но Центавра взбунтовалась и сказала, что не для того получала образование, чтобы возиться с мусором. Хотя бы и космическим.

Несмотря на то что они были близкими подругами, у малянок был совершенно разный характер. Центавра была аккуратная и упорядоченная. Альфа любила делать все спонтанно. То есть первое, что пришло в голову. А приходило ей в голову все подряд и очень часто. Например, когда космонавтки были еще только в первом классе космической школы и инструктор Трехступень взял их в первый полет на Луну, Альфе пришло в голову, что неплохо бы слетать куда подальше.

— Чего это они всё на Луну да на Марс, — сказала она Центавре. — Так в жизни из Солнечной системы не выползешь. Надо сразу лететь на какую-нибудь другую звезду!

— А на какую? — спросила подруга.

— Да неважно! Какая у нас самая близкая звезда?

Центавра открыла звездный атлас, и оказалось, что ближе всего к Земле — звезда под названием Альфа в созвездии Центавра. Кстати, малянок тогда звали по-другому. Альфа была Егозой. Это прозвище ей дали еще в школе за

непоседливый характер. А Центавру звали Книженция. Она и правда была немного похожа на книгу, если глядеть в профиль.

Егоза-Альфа была смуглой малянкой, с темно-карими глазами и темно-коричневыми волосами. Она всегда носила черные мини-юбки, а к ним — яркие цветастые кофточки и туфли на высоком каблуке. На хвост надевала переливающийся, блестящий хвостель, пристегивающийся к платью на серебряных пуговицах.

А Книженция-Центавра любила длинные светлые платья, с каким-нибудь неопределенно-бледным узором, и простой белый хвостель. Глаза у нее были серо-голубые, волосы — пепельные, почти белые.

— Знаешь, ты права, — сказала Егозе Книженция. Она всегда старалась соглашаться с подругой, потому что знала, что Егоза, когда с ней не согласны, очень нервничает, и у нее сразу портится настроение. — Ты права. Я тоже считаю, что в скором времени людишкам пора будет осваивать отдаленный космос. Давай, когда кончим космошколу, снарядим корабль в это созвездие Центавра. Может быть, мы откроем там обитаемый мир?

— Ждать до конца школы?! Да так можно замариноваться, как огуречные круги в банке! Если честно, в этой космошколе такая скука. Сиди изучай планеты Солнечной системы. Меркурий, Марс, а за ним этот, как его... Нептуний, что ли?

— За Марсом — Юпитер, — сказала Книженция. — Потом Сатурн, а потом уже Нептун.

— Вот я и говорю, — сказала Егоза. — Планеты мы уже давно выучили, и скафандр я надевать умею, хотя в него так неудобно влезать в мини-юбке! Кому вообще эти скафандры нужны, если в них никогда никто не летает?

— А вдруг авария?

— Да какие аварии? Их не бывает никогда, это все сказки! Они тут их специально выдумали, чтобы наше время занимать и устраивать тренировки, как всех спасают, когда авария. Аварий нет уже сто лет!

— Все-таки нас тут многому полезному учат, — осторожно заметила Книженция. — Например, как в космосе ориентироваться по звездам...

— Да все это ни к чему! — топнула ногой Егоза. — Настоящие космонавты давно пользуются компьютерным навигатором. Это нам, студентам, только голову морочат звездными глобусами.

— Но не полетишь же ты на Альфу Центавра прямо сейчас, когда мы еще ничего не знаем?

— Да всё мы знаем! А чего не знаем — в Интерпедии найдем! Сейчас никому знания не нужны! И нечего ими голову забивать. Они нужны были, когда компьютеров не было. А сейчас у компьютера память вместо нашей. Наконец людишки могут освободить свои головы для более важных дел, чем звездные карты зубрить да скафандры напяливать.

— А чем же нам тогда забивать мозги? — удивилась Книженция.

— Идеями! — взмахнула хвостом Егоза. — Вот чем!

Робкая Книженция не смогла остановить Егозу, но и бросить ее тоже не могла. Ведь она ей была настоящим другом. Собрав все необходимое, малянки

взяли космораблик и ночью, пока все спали, вылетели к Альфе Центавра. Космошкола находилась на орбите и вращалась вокруг Луны. Малянки настроили навигатор, и когда космошкола была ближе всего к Альфе Центавра, они стартовали.

Книженция все-таки заставила подругу взять с собой скафандры. На всякий случай. А чтобы в космошколе не волновались, она уговорила Егозу послать всем емейл с задержкой. То есть такой емейл, который придет, когда их косморабль уже покинет Солнечную систему.

Но добраться до Альфы Центавра им так и не удалось. Едва вылетели за пределы солнечной системы, как Книженция опасно заболела. Доктор Шприц сразу бы поставил диагноз: паническая атака первой степени. И вколол бы двойную дозу успокоина. Но Шприца на корабле не было, и помочь несчастной было некому. У Книженции прыгали губы, стучали зубы и дергался хвост. Она не могла усидеть на месте, а все время порывалась отстегнуть ремни, вскочить и бежать вон из корабля. Если бы Егоза ее не удержала, Книженция наверняка бы выпрыгнула в безвоздушное пространство.

— Миленькая Егозушка, пожалуйста, — плакала Книженция, умоляла. — Вернемся! Я в этой пустоте не могу. Я умру.

Она дрожала всем телом. Егоза хоть и была очень смелой малянкой, но испугалась за подругу. Ведь она очень любила ее.

— Шарик мой земной, — плакала Книженция. — Родной, милый, хочу поцеловать тебя, обнять!

Егоза отстегнула свои и подругины ремни, прижала Книженцию к себе и почувствовала, как у той страшно колотится сердце. Казалось, оно вот-вот разорвется. Егоза сама испугалась.

— Что ты? Что с тобой, Книжуля? — гладила она подругу по голове. — Ты же никогда не боялась космоса. И на орбиту вылетать не боялась. И на Луну высаживалась.

— На лу... на лу... луну — это другое дело, — тряслась Книженция так, что у нее зуб на зуб не попадал. — Там зем... зем... ля рядом. Там планеты. Там солнце.

— Ну а тут — звезды, — показала Егоза в иллюминатор. — Смотри, какие красивые!

— Боюсь, — дрожала Книженция. — Не могу. Страшно. Мы тут все погибнем.

— Ладно уж, — согласилась Егоза, которой тоже стало не по себе. — Может, ты права. Я тут тоже подумала. Не хотела тебе говорить...

— Что? Что? — вопрошала Книженция, глядя на Егозу расширенными от ужаса зрачками.

— Я тут в навигаторе посмотрела... сколько туда лететь.

— Ну и сколько? Сколько? — схватила ее Книженция за скафандр.

— Да в общем... Четыре с половиной года. Вот сколько.

Глаза у Книженции сделались круглые, как космические иллюминаторы.

— Че... че-ты-ре с половиной? — переспросила она.

— А ты как думала? — Егоза стала объяснять. — Месяц разгон до околосветовой скорости. Потом четыре года лететь. Потом месяц тормозить.

Книженция не слушала.

— Четыре с половиной. Четыре с половиной, — повторяла она.

— За это время на пенсию успеешь выйти, — сказала Егоза.

— Пен... си... я, — отозвалась Книженция.

Егоза старалась ободрить ее и себя. Вдруг ее осенило:

— Балды мы с тобой! Это на Земле четыре года пройдет. А для нас — всего несколько дней. От большой скорости время замедляется. В космошколе проходили. Ты что не помнишь?

Книженция не помнила.

— Ну, да! — радовалась Егоза. — Это у них пройдет четыре года. Даже целых восемь. Пока мы туда-обратно слетаем. За это время они даже два раза на пенсию успеют выйти.

— На пен... сию, — шептала Книженция.

— А у нас всего каких-то четыре дня. Ну, может, пять. А ты что, не помнишь? Время ведь относительно! Это же Эйнштейн придумал. «Кто быстро летит, у того время тормозит», — это он сочинил.

— А как же они там? — спросила Книженция.

— Где?

— Ну... на Земле. У них пройдет восемь лет. Они два раза на пенсию выйдут. Они всё забудут. Ничего не будут помнить. И нас забудут. Решат, что мы в космосе утонули.

Произнес это, Книженция побелела, как полотно, и со страшной силой грохнулась на пол. Эта сила была утроенной силой гравитации. Ведь для того, чтобы как следует разогнаться, они летели с большим ускорением, и от этого сила тяжести на корабле была в три раза больше, чем на Земле.

Пока Книженция приходила в себя, Егоза отдала навигатору приказ развернуть корабль, и через пару часов тот благополучно доставил малянок обратно в космошколу. Правда, их едва не исключили, но в конце концов оставили в школе, приговорив к недельному лишению сладкого и мытью солнечных батарей.

— Вот и скафандры пригодились, — заметила Книженция, когда они с Егозой ползали вдоль длинного крыла солнечной батареи, вытирая космическую пыль.

Книженция была счастлива, что они благополучно вернулись домой. В родную Солнечную систему. Даже недельное лишение сладкого за нарушение космического порядка не могло испортить ее хорошего настроения. Егоза ничего не ответила. Без шоколада, который привыкла есть три раза в день, она плохо переносила невесомость. В голове крутились мрачные мысли.

С тех пор их все и стали звать: Альфа и Центавра.

Глава двадцать шестая КОСМОНАВТЫ-ЛЮДИШКИ

Надо сказать, что косморабрики людишек вполне способны долететь до Альфы Центавра. И даже до более далеких звезд, таких как Сириус и Процион. Полет на Альфу Центавра занял бы у людишек четыре года. А вот кораблям людей для этого понадобилось бы двести тысяч лет! Это потому, что человеческие ракеты работают на химическом топливе. Например, на жидком водороде и кислороде. А химическое топливо не может придать ракете достаточную скорость.

Людишки долго не брались за освоение космоса. Они вообще домоседы и не любят путешествовать. Путешествия сопряжены у людишек со страшными трудностями и опасностями. Ведь они такие маленькие! И поэтому наука людишек всегда занималась тем, что у них «под носом». Атомами и молекулами, например. Маленьким людишкам, конечно же, легче разобраться в молекулах. Но когда игнорировать космос стало невозможно — ведь даже обычный навигатор в автомобиле не может обойтись без спутников — людишки покорили этот самый космос намного легче и быстрее людей. К тому времени они уже изобрели атомный лазер, который людям пока неизвестен. Атомный лазер — сокращенно азер. Он испускает атомы со скоростью в тысячу раз большей, чем ракетные химические двигатели, работающие на водороде и кислороде. Но если бы только это. Эх, в плане космоса людишкам просто повезло! Они ведь такие маленькие, и их косморабрики взлетают в космос легко, топлива требуют очень мало, и хватает его надолго. И поэтому людишки быстро освоили Солнечную систему. Их спутники летают не только вокруг Земли и Луны, но и вокруг Марса, Юпитера, Сатурна и так далее. Спутники эти очень маленькие, и их трудно заметить обычными приборами. Ведь вокруг Земли кружится такая куча космического хлама! Людям и в голову не придет, что среди него могут быть аппараты каких-то там крошечных существ.

Глава двадцать шестая с половиной БРЕНДА МАУЭР

После заседания Тайкома мэр так устал, что сразу лег спать и проспал до следующего вечера. Осенью темнеет рано, и он проснулся, когда было уже темно. «Ой! Где это я?» — спросил Всезнайка, но пощупав темноту вокруг, узнал свое одеяло, и вспомнил, что лежит в постели, дома. «Черт. Весь режим сбился», — сказал вслух мэр.

— Это не годится, — ответил кто-то приятным женским голосом.

Всезнайка от неожиданности подпрыгнул на кровати, так что матрацные пружины запели.

— Кто здесь? — испуганно спросил он.

— Это я, — ответили ему. — Бренда Мауэр.

— Бренда? — переспросил он. Где-то он уже слышал это имя. — Но как... как вы здесь оказались?

— Я тут всегда была, — ответила Бренда.

— Всегда??

Наконец Всезнайке удалось нащупать выключатель и зажечь настольную лампу. Он нечаянно дернул ее за провод, и лампочка внутри абажура закачалась. По стенам забегали желтые тени. За окнами было темно, словно кто-то залепил стекла снаружи черным пластилином. Мэр оглядел комнату и никого не увидел. Он еще не успел как следует проснуться. Прикрыв руками щеки, спрятал в ладонях подбородок и зажал мизинцами нос с боков, а безымянными пальцами надавил на глаза, чтоб их как следует протереть.

— Фу! — сказал он, вылезая из-под одеяла и засовывая ноги в тапки. — Бр-р-р! Наконец проснулся! Померещится вдруг со сна неизвестное науке... явление!

Он уже был в левом тапке, а правый еще не успел надеть, когда поскользнулся и едва не ударился головой о тумбочку, потому что услышал:

— Доброе утро!

— Ньюштейн! — вскрикнул мэр. — Да кто здесь?

— Да ведь я вам уже представилась! Меня зовут Бренда Мауэр.

— Но кто вы? — спросил ученый. — И почему я вас не вижу?

— А вы присмотритесь повнимательнее. Я прямо напротив вас.

Всезнайка тряхнул головой. Потом включил верхний свет. Но напротив него была только гладкая белая стена. Всезнайка, как только сюда ввехал, заметил, что три стены его спальни оклеены обоями в цветочек, а четвертая — в которой не было ни дверей, ни окон — просто покрашена. Он еще тогда обратил на эту стену внимание. Теперь ученый сразу же понял, что с ним разговаривает именно она, а не одна из глупых «цветочных» стен. Если приглядеться, в этой белой, слегка неровной стене было что-то загадочное, неясное. Что-то, чего он до конца не понимал. Днем, бывало, ученый подходил совсем близко и всматривался в ее шершавую поверхность, которая пестрела мелкими выпуклостями и впадинами, отшелушившейся краской, выбоинами и старыми царапинами. Видимо, эту стену ремонтировали очень давно. И вот она оказалась говорящей. Судя по всему, это была очень старая стена, и ей, наверное, было что порассказать. И все же не верилось...

— Но этого же... этого же не может быть, — запинаящимся голосом проговорил ученый.

— Может, — заверила Стена.

Всезнайка еще тешил себя мыслью, что всё это еще, может, только сон. Он сильно ущипнул себя за нос, чтобы проверить, во сне он или нет. Оказалось, не во сне. Всезнайке стало страшно. Волосы у него на голове все больше и больше вставали дыбом.

— Но стены не могут... разговаривать. Это доказано наукой! — прошептал он.

— Могут.

Стена, видимо, угадала его чувства.

— Да ты меня, Всезнайка, не бойся, — сказала она, и мэр вздрогнул от того, что она назвала его по имени. — Ну сам посуди, — продолжала Стена, — какой я могу нанести тебе вред, если я абсолютно неподвижная и у меня нет ни рук, ни ног?

— Но тогда зачем... — срывающимся голосом спросил ученый. — Зачем я тебе нужен?

— Только в качестве собеседника. Войди в мое положение! Стоишь тут весь день, всю ночь одна, и совершенно не с кем поговорить. Да еще и приходится потолок подпирать, и к тебе прислоняются разные шкафы. Если ты думаешь, что у меня прекрасная жизнь, то ты глубоко ошибаешься!

— Нет, я ничего такого не думал...

— Ну, тогда хорошо, — успокоилась Стена. — Ты, надеюсь, запомнил мое имя?

— Бренда, — ответил ученый. — Бренда м-м...

— Мауэр, — подсказала она. — Это иностранная фамилия. Я произошла от старинной огнеупорной стены, которая была на моем месте в стародавние времена. Знаешь ли ты, что когда-то к твоему дому присоединился еще один?

— Нет, — сказал Всезнайка.

Он этого не знал.

— Так вот, — продолжала Бренда. — Сейчас там, за мной — улица. Точнее, проход между твоим домом и соседним, пятиэтажным, который построили недавно. Но раньше к твоему дому присоединился еще один старинный дом. Тоже с колоннами и высокими потолками. А между ними установили брандмауэр. Так называется противопожарная стена. Если один из домов загорится, то огонь не сможет пройти сквозь такую стену, и соседний дом уцелеет.

— Куда же делся тот второй дом? — поинтересовался ученый.

— Сгорел! — торжественно возвестила Стена. — Сгорел до тла. Одно тло осталось и головешки. Я это видела собственными глазами.

— Разве у тебя есть глаза? — осторожно не поверил Всезнайка.

— Полно, — небрежно бросила Бренда.

— Но... в глазах обычно бывают линзы, которые фокусируют лучи света, — сказал ученый.

Он и сам не заметил, что разговор со Стеной становится все более интересным.

— Если бы не линза, — объяснял ученый, — то в одну и ту же точку глаза приходили бы лучи с разных сторон. Они бы смешивались, и ничего бы нельзя было увидеть.

— Ты забыл про насекомых, — возразила Бренда. — У них в глазу нет никаких линз, а лучи не смешиваются. Это потому, что их глаза состоят из большого количества очень тонких трубочек. В каждую трубочку может попасть только луч, имеющий определенное направление.

— Правда, я забыл про насекомых.

Оказалось, что Стена разбирается в науке, и Всезнайка был этому несказанно рад. «Будет с кем поговорить, когда одиноко», — подумал он.

— Присмотрись ко мне, — сказала она. — Не бойся, подойди поближе. Я тебя не съем, у меня же нет зубов.

Всезнайка подошел. Вблизи оказалось, что Бренда не везде белая, а местами бледно-розовая. А может быть, это только казалось, из-за освещения. Но правда, в ней было полно мелких выбоин.

— Каждая из этих дырочек служит мне маленьким глазком, — объяснила Стена. — У меня их тысячи, как у стрекозы или мухи. А снаружи дома — еще больше. Потому что там меня реже красят, а дождь и ветер постепенно разъедают мою поверхность, образуя дырки. Знаешь, — продолжала болтать Стена, — недавно тут делали ремонт и меня чуть не заклеили обоями. Для меня это самое страшное, потому что в обоях нет дырок, и я становлюсь совершенно слепая. Однажды, давным-давно, меня все-таки залепили гадкими желтыми обоями в цветочек. Когда их принесли, я увидела, что они в противный цветочек, — пояснила Бренда. — А потом их наклеили на меня, и я ослепла. Ничего совершенно не видела, что в комнате происходит. Это было даже обидно. Слава богу придумала — начала изо всех сил потеть.

— А разве... стены потеют? — удивился Всезнайка.

Разговор с Брендой все больше забавлял его. Стена ему откровенно нравилась. Правда, временами ему опять начинало казаться, что это, может быть, сон и он разговаривает со стеной во сне, но он сразу же понимал, что это — сущая глупость. «Быть такого не может», — говорил сам себе мэр.

— Конечно же, мы потеем! — с жаром воскликнула Бренда. — А как же иначе? Как ученый, ты должен знать, что воздух, находящийся в комнате, содержит водяной пар. Если температура стены понизится, пар станет конденсироваться на ее поверхности, то есть превращаться в мелкие капельки воды. Этот процесс и есть потение.

— Но как же ты понижала свою температуру? — заинтересовался Всезнайка.

— Проще простого, — ответила она. — Ведь я состою из атомов, которые вечно движутся туда и сюда. То есть дрожат, словно на пружинках. И ты, конечно же, знаешь, что чем быстрее они дрожат, тем выше температура. Если они станут дрожать совсем быстро — пружинки порвутся, и я расплавлюсь...

— Конечно же, я знаю! — рассмеялся Всезнайка. — Это же самая простая физика!

Ему было легко с ней. «Хорошо, что мы сразу же перешли на «ты»», — подумал ученый.

— Ну вот! — сказала она. — А чтобы понизить свою температуру, я просто даю моим атомам команду двигаться медленнее — вот и всё!

Ученый на минуту задумался.

— Хм, — сказал он. — Действительно. Почему бы и нет? А как ты слышишь?

— Ну, это проще простого! Звук — колебание воздуха. Когда оно достигает стены — то есть меня — я тоже начинаю колебаться. Таким образом я слышу. А для того, чтобы говорить, я вибрирую. Я и петь могу, вот послушай!

И Стена запела. У нее оказался прекрасный оперный голос. Всезнайка был восхищен. Он был влюблен в науку, и всё это его чрезвычайно заинтересовало. Он тут же вытащил из стола свой научный дневник, куда записывал интересные наблюдения и физические явления.

— Что это ты пишешь? — спросила Стена. — Покажи!

Всезнайка поднес дневник к ней поближе, и Бренда прочла:

— «Прежде неизвестное явление. Говорящая стена». Ах, это про меня, — догадалась она. — Как здорово, коллега! Еще никто не писал обо мне научных статей.

— Скажи, Бренда, — осторожно спросил ученый. — А это одна *ты* разговариваешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... мне прошлой ночью показалось, что другие стены что-то кричали. Что-то вроде «конец света, конец света!»

— Да они дуры. Не слушай их.

— Значит, конца света не будет? — обрадовался Всезнайка.

— Будет, конечно.

— Как? И ядерная бомба упадет?

— Упадет!

Ученый задумался. «Если уж *она* это говорит, то ядерный удар неизбежен, — подумал он. — Надо все-таки расспросить поподробнее, что она об этом знает».

— Нет, а если серьезно, — сказал Всезнайка. — Почему ты думаешь, что люди могут на нас напасть?

— Знаешь... — ответила Стена. — У меня много свободного времени. Я, с тех пор как подключилась к Интернету, прочла кучу книг людей. И я составила себе о них некоторое мнение...

Глава двадцать седьмая ПШУХА

После секретного заседания в мэрии Альфа с Центаврой сели в космораблик и полетели домой. Центавра сразу же уснула, а Альфа, машинально ведя косморабль, раздумывала над тем, какие они — великаны-люди. Почему-то они представлялись ей какими-то гигантскими космическим станциями, у которых вместо солнечных батарей — ручищи с огромными, медленно шевелящимися пальцами, а вместо стыковочного модуля — голова, и эта голова внимательно следит видеокамерами-глазами за пролетающим мимо крошечным кораблем малянок.

Наконец космораблик вышел на нужную орбиту, и Альфа увидела цветную вспышку далекого салюта. Это их космодомик, уловив приближение косморабля, подавал сигнал. Малянка очнулась от своих мыслей. Подлетели ближе, окна космодома радостно засветились. Он приветствовал возвращающихся хозяек. Светящийся цилиндр космодома вращался на фоне темной стороны Земли, точно праздничная карусель. Это выглядело так уютно! У Альфы сразу поднялось настроение.

Малянка подрулила косморабль к посадочной оси, развернула задом к домику, затем дала малый задний ход. Стыковочная часть косморабля вошла в цилиндрическое отверстие в середине вращающегося космодома, расширилась и плотно присосалась изнутри. Косморабль дернулся и стал вращаться вместе с космодомом.

— Вставай, прилетели, — разбудила Альфа подругу.

— Зачем ты меня разбудила? — зевнула та. — Я бы здесь поспала.

— В невесомости спать вредно. Пошли!

Они открыли полукруглую дверь и спустились в прихожую космодома.

В космосе дома совсем не такие, как на Земле. Во-первых, им не нужна треугольная крыша, которая защищает от дождя, потому что в космосе сухо и дождей не бывает. Но зато — и это во-вторых — там есть кое-что похуже дождя. Это — невесомость. И в космосе она вообще везде.

А жить в невесомости не очень-то приятно. Например, если у вас есть любимый попугай, который привык летать по комнате и садиться вам на голову, то в невесомости он летать не сможет. Вернее, сможет, но недолго. До ближайшей стены. А врезавшись в нее, отскочит, как мячик, и полетит в противоположную стену, и так далее. И рыбки в аквариуме жить не смогут. Вода из него выплывет и будет плавать огромным мокрым шаром по всей комнате, вместе с рыбками, опять же, наткаясь на стены и мебель и разбиваясь на мелкие водяные шары. Рыбки в таком положении будут себя чувствовать очень плохо, стучаясь то об стол, то об шкаф. Даже яичницу пожарить или кашу сварить в невесомости невозможно. Сковороду, положим, прикрепишь к плите, на магните. А что, скажите на милость, с яичницей делать? Сливочное масло под ней закипит и швырнет ее к потолку, где она налипнет на лампочку. Придется ее потом оттуда слизывать. А каша выскочит из кастрюли и наденется вам на голову, совершенно при этом не обращая внимания, где на ней расположен рот, в который она, собственно, предназначена. В общем, жить в невесомости совершенно невозможно.

А для того чтобы в космодомиках была нормальная сила тяжести, как на Земле, их делают в форме цилиндра, который крутится вокруг своей оси. Из-за вращения центробежная сила прижимает людишек к внутренней поверхности этого цилиндра. Для них это пол, по которому они ходят. И вся мебель: стулья, столы, кровати, — стоит на этом «полу». Хотя он не ровный, а вогнутый. Но к этому быстро привыкаешь.

В центре космодомика — дырка. Или точнее — цилиндрическое отверстие. В него изнутри вставляется космораблик, когда пристыковывается к

дому. Здесь, в середине вращающегося цилиндра, находится крыша космодома. Как это ни странно звучит. В космосе верх и низ — совсем не там, где на Земле. Космодомик вращается вокруг своей оси, и центробежная сила действует от центра к краям. Поэтому в центре космодомика — верх, а в любую сторону от него — низ. Наверху крыша, вот почему она в середине космодомика. Открыв дверь косморабля, который вставляется в центр космодома, попадаешь с крыши на четвертый этаж.

Здесь гравитация еще очень слабая, потому что близко к центру вращения. Ведь чем дальше от центра, тем сильнее центробежная сила. Для того чтобы спускаться по лестнице с четвертого этажа на третий, приходится хвататься за перила хвостом и тянуть себя вниз. Чувствуешь себя здесь немного странно. Голова — в невесомости, а ноги уже весят. Ведь они дальше от центра.

На третьем этаже невесомости уже меньше. То есть тут всё уже весит. Правда, в два раза меньше, чем нужно. Например, Центавра, в которой сорок восемь граммов, здесь будет весить только двадцать четыре. С третьего этажа на второй и дальше вниз можно спокойно шагать по лестнице, как в обычном доме. И вес все прибавляется. А на первом этаже он уже такой, как на Земле. Здесь малянки и проводят большую часть времени, а верхние этажи используют только для хранения разных вещей и продуктов. Там полно шкафов и холодильников, а также установка для переработки использованной воды и другая установка для очистки воздуха от углекислого газа, и третья — для рециклинга мусора.

— Ну пойдём быстрее, — просила Альфа, пока Центавра еле тащилась по лестнице. — Чего ты еле тащишься?

— Мне тяжело, я устала, — ныла Центавра.

— Какое может быть «тяжело» на третьем этаже — тут всё в два раза легче?

— Ну, ладно, я пошла к себе, — сказала Центавра, когда спустились наконец.

— Может, выпьем кофе? — предложила Альфа.

— А как же спать?

— Не стоит. Протянем как-нибудь до ужина, а там поспим. А то весь режим собьется.

— Ладно, сейчас приду. Только переоденусь.

Альфа тоже пошла переодеваться. Когда она вошла в кухню, Центавра уже сидела, положив руки на стол, а голову — на руки.

— Включи окно, — сонно попросила она.

Синий свет залил кухню. Через огромное, во всю стену окно было видно Землю. Половина ее лежала в темноте — там была ночь. Другую половину ярко освещало солнце. Космодомик миновал Австралию и теперь летел над Тихим океаном.

— Хочешь хлеб с сыром? — спросила Альфа, роясь в холодильнике.

— Давай. Поставишь кофе?

Альфа достала из шкафчика банку с кофе, насыпала его в гейзерную кофеварку и включила электрическую плиту. Центавра смотрела в окно.

Космодомик медленно плыл над океаном. В его глубоком синем цвете было какое-то спокойствие, от которого Центавра чувствовала себя очень уютно.

Окна в космодомиках сделаны не из стекла, как в земных домах. Смотреть в обычное, стеклянное окно было бы очень неприятно. В нем бы все мелькало: то Земля, то Солнце, то звезды. Ведь космодомик за две секунды делает полный оборот вокруг своей оси. Хоть для людишек две секунды — как для нас двадцать, но все-таки сквозь такое окно было бы неприятно смотреть.

Окна в космодомиках устроены по-другому. Собственно, это просто компьютерные экраны, которые показывают изображение от внешних видеокамер. Камеры прикреплены к космодому снаружи, и конечно же, тоже получают вращающееся изображение. Но компьютер постоянно поворачивает это изображение в обратную сторону, так что картинка выходит такая, как если бы окно было неподвижно. С виду эти окна — как окна в обычном земном доме. Если не знать, что это экраны, то ни за что не догадаешься. На подоконниках Альфа разводила цветы. Центавра сшила белые занавесочки.

— Почему мэр пригласил именно нас с тобой? — спросила Центавра.

— Я так поняла, что ему нужны специалисты из разных областей. В том числе и из космоса. Он мне сказал, что позвонил в космошколу, а там ему сообщили, что мы — лучшие космонавтки, потому что мы сдали все экзамены на «отлично».

— А-а...

Послышался запах кофе. Гейзерная кофеварка зашипела и стала плеваться. Альфа вытащила из буфета две чайные чашки с блюдцами — из тончайшего фарфора. Она когда-то купила этот замечательный набор из шести чашек и шести блюдец на Блошином рынке в Солнцеграде. Малянка, которая его продавала, заверила, что чашками никогда не пользовались и они простояли много лет в буфете. А буфет был заперт в кладовке, про которую все забыли и в нее никто не заходил. Чашки и блюдца были расписаны райскими птицами, клевавшими золотые фрукты. Но фарфор был такой тонкий, что, из-за любого неосторожного нажима, чашки мгновенно лопались. Центавра упорно мыла их мочалкой для посуды, хотя Альфа просила — только руками. Теперь из шести осталось только две.

В это время за хлебницей кто-то зашевелился.

— Ой, Пшуха! — обрадовалась Центавра. — Я так по тебе соскучилась!

Она заглянула за хлебницу и осторожно вытащила оттуда блоху — желто-коричневую, с золотистыми прожилками. Это была дрессированная блоха, которую Центавра купила две недели назад, на Блошином рынке. На самом деле Центавра терпеть не могла этот Блошиный рынок, потому что Альфа там вечно покупала какую-нибудь дребедень и тащила в их космодомик, в котором и без того места мало. В космосе не очень-то разойдешься! Центавра каждый раз ворчала, когда Альфа притаскивала с этого рынка то совершенно ненужные в космосе часы с кукушкой, то цветастую шаль, то баян, на котором ни Альфа ни Центавра играть не умели. Баян Центавра отнесла потихоньку на четвертый этаж, в шлюзовую камеру, и отправила в открытый космос.

Но Пшуха — это совсем другое дела! Она ведь маленькая и не занимает никакого места! Центавра очень любила животных. В космошколе ее второй специальностью была зоология. У каждого космонавта есть вторая и даже третья специальности, потому что в космосе неоткуда ждать помощи и надо самому все знать и уметь. Центавра легко находила общий язык с животными. С людишками это было сложнее.

А вот Альфа блоху невзлюбила.

— Что ты будешь делать с блохой! — рассердилась она на подругу. — Еще ночью в постель заползет да укусит!

— Глупости! — возразила Центавра. — Это же *дрессированная* блоха. Они очень умные. Мне малянец, который их продавал, сказал, что она всё может. А в космосе *так* бывает скучно! Здорово же, что у нас будет жить кто-то, с кем нам будет радостно. Кто нас будет встречать, когда мы приходим домой...

— Ага, — пробурчала Альфа. — Этого мне только не хватало.

И она решила запирать дверь в свою комнату, потому что боялась, как бы блоха не заползла к ней в постель. Пшуха сразу поняла, что Альфа ее не любит, и не лезла к ней. Она общалась только с Центаврой, которая в насекомом души не чаяла. Бывало Пшухе ночью не спалось. Она бродила по космодомику, шурша лапками по пластиковому полу, и иногда начинала скрестись, по ошибке, в Альфину дверь. Альфу бесило, когда ей не давали спать. Может, поэтому она и стала космонавткой — ведь в космосе такая тишина! Малянка вычитала в Интернете, что блохи боятся резких запахов. Прошлой ночью она приоткрыла дверь и пшикнула на блоху духами. Пшуха в ужасе ускакала.

А вечером они были на заседании Тайкома, и насекомое вылетело у Альфы из головы. И вот теперь оно снова приползло.

— Да ты только посмотри, какая она умная, — умилилась Центавра.

— Да чего там смотреть? Блох я, что ли, не видела?

— Таких, как эта — нет.

Вспомнив, как делал продавец на рынке, Центавра сняла с пальца колечко и протянула Пшухе. Блохи, как известно, любят всё блестящее. Пшухе понравилось колечко с блестящим камушком, и она тут же схватила его.

— Ой! — воскликнула Центавра. — Как она его смешно взяла своими миленькими мохнатенькими лапками!

— По-моему, совсем не смешно, а гадко.

Альфа отвернулась и стала смотреть в окно. По синей кривизне океана плыли два зеленых пятна. Это были острова Новой Зеландии.

— Ну что ты? — подседа к ней Центавра. — Я ведь знаю, ты ее любишь. Я вчера видела, как ты с ней играла.

— Ничего я не играла.

Центавра очень привязалась к блохе. Длинными космическими вечерами она без устали занималась с блохой, и Пшуха научилась многому. Центавра шила ей платьица из блестящей материи, с шестью рукавами — на каждую ручку, учила танцевать под музыку, приносить разные вещи и даже включать планшетный компьютер. Один раз Альфа увидела, как Пшуха залезла в Интернет и

рассматривает фотографии своих родственников — насекомых. Малянка потом брезгливо протерла планшет гигиеническим гелем, хотя это было совершенно излишне. Пшуха было очень чистоплотным существом и по несколько раз в день умывалась лапками.

Дрессированные блохи живут год, а то и полтора, и многие людишки держат их в качестве домашних животных. Они очень умные, с ними можно играть, и они могут выполнять разные задания. Например, танцевать под музыку, приносить разные мелкие вещицы — иголку или стирательную резинку, или ушную палочку. И характер у них покладистый. Кроме того, блохи еще и очень красивые, так что своим видом всегда радуют глаз. Окраска у них бывает либо вишневая, либо зеленовато-синяя, напоминающая морские волны, либо желто-золотистая, но у всех дрессированных блох панцирь блестящий и полупрозрачный, и яркий свет, особенно солнечный, красиво играет на нем.

Блохи, как известно, питаются кровью, но в зоомагазинах продается специальный кровозаменитель, к которому они легко привыкают. Другой еды им не нужно. Для людишек блоха по размеру — примерно как для нас белая мышка, а Пшуха была особенно крупным экземпляром.

Альфа отодвинулась от Пшухи как можно дальше и продолжала смотреть в окно. Земля медленно поворачивалась. Показалась Южная Америка.

Глава двадцать восьмая ТАНГО

Несмотря на строжайшую секретность, в которой проходили заседания Тайкома, слухи об агрессивных великанах, угрожающих людишкам, быстро расплозились по городу. Режиссер Фильмик снял о них документальное кино под названием «Большие». К счастью, Всезнайке успели доложить об этом фильме и, по совету доктора Шприца, фильм запретили. А иначе, как сказал Шприц, половина населения попала бы в психушки, а этого нельзя было допустить.

По дороге с заседания Всезнайка-Зевс остановился у одного забора, где прочел написанную желтым фломастером уличную поэму. Она называлась «Опомнитесь!»

ОПОМНИТЕСЬ

I

На нашей прекрасной планетке,
Где нежно ромашки цветут
И птицы щебечут на ветке,
Еще великаны живут.

Идут они полем и лесом,
Огромной ногой, словно прессом,

По ходу нечаянно давя
То бабочку, то муравья.

На завтрак проглотят легко
Куриную целую ногу,
В обед — поросенка живого,
На ужин — орехов кило.

Они даже выше коровы!
А лягут — удав двухметровый.

II

Им пищи на всех не хватает,
И голод их мучит всегда.
Из ружей друг в друга стреляют,
Когда пропадает еда.

Они размножаются вдруг,
Глядишь — миллионы вокруг.
И чтобы не стала их тьма,
Нужна им все время война.

Война — вот что любят они.
И хлебом ты их не корми —
Дай только повоевать,
Кого-нибудь поубивать.

А человек без войны —
Что море без глубины.

III

Им ружей всегда не хватает,
Ты им подавай пулемет.
Снаряды по небу летают,
И танк в наступленье ползет.

Подводная лодка всплывает
Корабль с людьми потопляет,
А бешеный им самолет
На головы бомбу швыряет.

И кружат вокруг планеты
Их ядерные ракеты.

IV

О люди, опомнитесь быстро!
Смирите инстинкты свои!
Не то всю планету без смысла
В клочки растерзаете вы.

«Правильно пишут, молекулы!» — усмехнулся мэр. Он пришел домой в отличном настроении. Ему хотелось петь. Слуха у Всезнайки совсем не было, но он все-таки запел, поскольку он жил один и никому своим пением помешать не мог:

Какой же я все же мэр-молодец!
Секретный выдумал я городец.

Рифма у этой песенки сильно хромала, но Всезнайке она очень нравилась, и он пел дальше:

За такой короткий срок
Я, как какой-нибудь пророк,
Про бомбу ядерную узнал
И тайный комитет создал.

Всезнайка весело взбежал по ступенькам на второй этаж, к себе в спальню, напевая:

А этот тайный комитет
Построил город Тайноград —
Название я придумал сам,
Никто не догадаетсям.
Машины роют под землей,
Пшеницу пашет Землерой...

— Добрый вечер, уважаемый Зевс! — услышал он, едва переступил порог своей спальни.

Всезнайка вздрогнул, но сейчас же узнал голос Бренды Мауэр.

— Ах, милая Бренда! — воскликнул он, чмокнув Стену, — как я рад вас видеть! Как же это замечательно: прийти домой, а кто-то тебе всегда радуется.

Стена была розовая от возбуждения, она тяжело дышала.

— Ну расскажите же, милый мой бог! Ах, я сгораю от любопытства! Как прошло заседание Тайкома? Что постановили по поводу ядерной бомбы? Как идет строительство Суперграда? Вспахали ли уже подземные поля?

— Дорогая моя Бренда! — отвечал мэр. — Вы не поверите. Все идет как нельзя лучше. Тайноград строится и расширяется. Уже много подземных улиц проложено, и я, представляете, даже придумал некоторым имена!

— Что вы говорите? И как же вы их назвали?

— А вот как. Например: «Первый ядерный проспект».

— Прекрасное имя! — одобрила Стена.

— А как вам такие: «Площадь Великанов», «Бульвар Радиоактивной золы», «Грибоядерный тупик»?

— Весьма, весьма! — похвалила Бренда.

— А еще я спроектировал скоростные лифты. Они должны будут спустить все население города под землю.

— Как же эти лифты работают? — поинтересовалась Бренда. — Спустить под землю два с половиной миллиона людишек — непростая задача!

— Вот именно! Еще какая непростая! Но я с ней блестяще справился. Едва по всему Цветограду завоюют ядерные сирены — одновременно на всех улицах откроются люки. К люкам вдоль тротуаров уже пролегают направляющие полоски. Это светящиеся полосы — сейчас их невидно, они совершенно секретны и зажгутся только, когда надо будет. Цветоградцы кинутся к люкам и прыгнут в них. Под этими люками залегают глубочайшие шахты. Людишки полетят в них и будут подхвачены мощным воздушным потоком, который мгновенно опустит их глубоко под землю и аккуратно поставит на пол в полной безопасности. Затем горизонтальный воздушный поток моментально оттянет их в боковые проходы, с тем чтобы новые людишки не попали на головы тем, что уже спустились.

— Гениально! — зааплодировала Стена.

— Ну так вот, — радостно продолжал Всезнайка. — Все население окажется глубоко под землей, на улицах Тайнограда, где ответственные работники отведут каждого в его квартиру. Под землей будет светло, как днем. Духовые оркестры будут играть ободрающую музыку. Магазины будут ломиться от подземных продуктов, и так далее. Когда люки захлопнутся, все население города окажется в полной безопасности. Не беда, что ядерная бомба сметет Цветоград. Мы пересидим внизу двадцать пять лет, потом получим страховку и построим город куда лучше!

— Конечно! — одобрила Бренда. — Этот город уже такой старый и ветхий, поверьте мне, его давно пора на снос! Я как никто это знаю. Я же все-таки стена...

— Вот именно! — воскликнул Всезнайка. — Вы меня *так* понимаете! Клянусь Геркулесом, вы лучшая из всех стен, которых мне довелось встретить в своей жизни! А вы знаете, милая моя Брендушка, а вы знаете, что уже сделано полное сканирование всех домов и переулков и создана подробнейшая трехмерная карта города. После разрушения специальные роботы выстроят все, как было, и даже лучше! Я уже все выяснил: через двадцать пять лет все дома будут возводить строительные роботы и только они.

— Гениально! — вскричала Бренда. — Милый, уважаемый Зевс! У меня к вам только один вопрос. А как же я?

— А что вы?

— Ну... меня ведь не удастся спустить в скоростном лифте. Под землю. А если упадет бомба, то я разрушусь. Полностью исчезну.

Улыбка спала с лица мэра.

— Я об этом не подумал... Уже подумал! — вскричал он. — Сейчас же отдам команду! Вас разберут по кирпичику и перенесут в Тайноград. А там построят точно такую же, какая вы есть.

В это время зазвонил мобильный. Это был Шприц.

— Что случилось? — недовольно спросил Всезнайка.

— Слухи по городу ползут, — отвечал доктор. — На стене в переулке написано: «Ядерная зима». И еще какие-то стишки про великанов.

— А ерунда, — отмахнулся Всезнайка.

— Нет, не ерунда! — настаивал доктор. — Слухи поползли, население перепугается и сойдет с ума! Где мы столько сумасшедших держать будем?

— Под землей, конечно! Там полно места для психов, — и отключился.

Но Шприц не унимался.

— Мне нужно знать, какой у нас бюджет на постройку подземных больниц! — снова позвонил он.

— Ммм, — промычал Всезнайка. — Надо посоветоваться с Брендой. Я тебе перезвоню.

— Какая еще Бренда? — насторожился Шприц.

— Одна стена...

— Стена?!

— Я перезвоню! — буркнул Всезнайка в телефон и отключился.

Шприц ему надоел. Он мешал радоваться. Всезнайка был сейчас крайне возбужден.

— Милая Бренда! — воскликнул он. — Позвольте пригласить вас на танец!

В это время снова зазвонил телефон. Это был Интеграл.

— Ну что еще? — недовольно отозвался Всезнайка.

— Я сейчас в страховой компании, — докладывал математик. — Страховой полис уже готов. Просят перевести на счет четыре миллиарда сладиков.

— Разрешаю, — ответил Всезнайка. — Переводите. Вышлите мне копию полиса на емейл. А что за компания?

— «У страха глаза велики», — послышалось из трубки. — Так компания называется.

— Правильное название, — одобрил мэр и отключился.

У Брендy, как и у Всезнайки, было прекрасное настроение. Вначале она что-то напевала, а теперь из нее полилась музыка: скрипки, флейты, литавры, саксофон, и чей-то приятный бархатный голос запел танго.

— Милая Бренда! — сказал ученый, припадая на одно колено. — Позвольте пригласить вас на танец!

— О! — зарделась Стена. — С превеликим удовольствием.

Раньше Всезнайке и в голову бы не пришло, что можно танцевать со стеной. Но это оказалось таким простым и естественным делом! Левую руку он вытянул вдоль Брендy, словно обнимая ее за воображаемую талию, ладонью

правой — коснулся ее порозовевшей, слегка шероховатой поверхности, и, повернув голову вбок, прижался к Бренде щекой. Танго лилось из Стены широкой рекой, ныла флейта, нежно квакал саксофон, а скрипка брала за душу. И бархатный, сладкий голос пел, а Всезнайка кружился, поворачиваясь вокруг своей левой руки, которая мягко обнимала Стену. Бренда запыхалась, тяжело дышала. Наконец пластинка кончилась.

— Уф! — воскликнула стена. — Вы меня утанцевали!

Ученый повалился на кровать. От радости дрыгал ногами. Стена стояла вся раскрасневшаяся.

— Ах, спасибо! — благодарила она. — Последний раз я танцевала... сто лет назад.

— Пойду водички попью! — крикнул ученый.

— И мне принесите!

Вниз он бежал, слегка пошатываясь. Его заносило на поворотах. Выпив стакан воды и налив в кружку Бренде, ученый почувствовал, что еще и проголодался. Он сделал себе бутерброд с маслом, накрыв его кружком колбасы.

— Сделаю ей такой же, — произнес вслух ученый. — Заодно налью уж чай.

— Не спешите так, — сказал ему Чайник. — Она никуда не убежит.

— Как? — удивился ученый. — Вы ее знаете?

— Как не знать? Мы с вашей Стеной старые знакомые!

— А-а-а! Вон оно что! — и ученый похлопал Чайник по горячему боку.

— Осторожнее, обожжетесь!

Пока Чайник кипятил воду, они разговорились.

Глава двадцать девятая ЗАДАНИЕ

От кого: zevs@tai.com

Кому: alfa@tai.com, tsentavra@tai.com

Тема: Секретное задание (кому нельзя — не читать!)

Поручается космонавткам Альфе и Центавре разыскать на орбите космическую станцию великанов-людей и тайно узнать их намерения относительно сброса ядерной бомбы на Цветоград.

Совершенно секретно!

Наше всемогущество, мэр Цветограда и Тайнограда, газком Зевс.

— Вот это да! — воскликнула Альфа. — Тебе тоже пришло?

— Что? — не поняла Центавра.

Она скармливала Пшухе хлебную корочку.

— Ты емейл проверяла?

— Нет.

— Ну проверь.

Центавра достала телефон.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Какая станция великанов?

— Как, разве ты не помнишь?

— Что?

— Как мы видели их космическую станцию?

— Кого «их»?

— Ну, людей. Великанов.

Центавра посмотрела на подругу.

— Нет. Когда?

— Ну как же? Давно. Еще в космошколе. Мы на тренировочном полете были. Ты была, я и Скафандра со своей подругой. Этой, как ее?

— Соплой, — подсказала Центавра. Ну да, я их помню. Скафандра — квадратная такая, на скафандр похожа, а у Соплы вечно насморк.

— Правильно! А вел косморабль наш старший космонавт.

— Трехступень, — подсказала Центавра.

— Ну да. Вспомнила теперь?

— Вспомнила.

— Трехступень специально взял нас, как четырех лучших учениц, на эту орбиту. Чтоб мы увидели космодом великанов-людей. Какой там космодом — целый космонебоскреб. Они его называют «орбитальная станция».

— Ну да, — сказала Центавра. — Такая огромная каракатица. Только, я не помню, чтобы мы близко подлетали.

— Конечно, нет! Трехступень сказал, что не хочет к ним приближаться. Потому что они могут нас заметить, и тогда нужно будет входить в контакт.

— Да разве они нас заметят? Мы им, как Пшуха, — кивнула Центавра на блоху.

Пшуха сидела на краю стола, свесив лапки, и крошила на пол кусок хлебной горбушки. Центавра поманила блоху пальцем. Пшуха подбежала к ней и протянула крошку хлеба. Центавра засмеялась, съела крошку и погладила Пшуху по головке.

Альфа брезгливо поморщилась.

— Орбитальная станция, — сказала она. — Кажется, она у них одна единственная.

— Давай посмотрим в Интерпедии.

— Давай.

Альфа вытащила из кармана телефон в святащемся фиолетовом футляре.

— Да, правда, — сказала она. — Вот эта станция, — показала она фото Центавре. — Надо же. У нас, кажется, триста или пятьсот космодомиков на земных орбитах, а еще на лунных сколько и на марсианских...

— А я тебе скажу, почему. Их космические дома весят в тысячу раз больше наших. Сколько им топлива-то нужно, чтобы такой небоскреб на орбиту вывезти? Вот у них вместо тысячи домов — всего один вокруг Земли и крутится.

Альфа подошла к окну. Космодомик пролетал над Гималайскими горами.

— А Трехступень сказал, что они пользуются какими-то допотопными двигателями. Химическими, что ли.

— Это-то ладно. Они там, бедные, в невесомости живут.

— Да ты что?!

— Ну, да. Ты что, забыла: я еще спрашиваю Трехступеня: а почему их космодом не вращается? А он говорит: у них технологии пока не позволяют вращающуюся станцию построить. Что же, говорю, они там так в невесомости и сидят? Так и сидят, говорит. Точнее, плавают. Потому что в невесомости сидеть невозможно. И к тому же целыми месяцами, а иногда и целый год. Ведь на своих примитивных ракетах они не могут по три раза в день на Землю летать, как мы.

— Кошмар! — поежилась Центавра. — Я бы умерла целый год в невесомости сидеть.

— Слушай, а может, если они такие громады, им и невесомость нипочем? Центавра ненадолго задумалась. Наконец сказала:

— Вряд ли. Невесомость всех пробирает. Если в ней слишком долго находиться, то постепенно мозги разжижаются.

— Зато если они не крутятся, у них там, наверно, нормальные окна, а не эти экраны с камерами.

Центавра посмотрела в окно. Космодомик должен был пролетать над Южной Америкой. Но Солнце уже зашло за горизонт, и Земля внизу погрузилась во тьму. Альфа вдруг вскочила на ноги.

— Всё! Полетели!

— Куда?

— К ним! У нас ведь Всезнайкино задание. Емейл от него. Ты забыла?

— Ах, ну да, точно! — вспомнила Центавра. — Совсем из головы вылетело. Мы должны сесть и составить план. В задании сказано, — Центавра достала телефон и открыла Всезнайкин емейл, — сказано: «Тайно узнать их намерения относительно сброса ядерной бомбы». Надо написать по пунктам. Как мы будет это узнавать.

— Знаешь что? — сказала Альфа. — План потом писать будем. Давай сначала просто к ним заглянем.

— Как заглянем? — не поняла Центавра. — Куда?

— В иллюминатор, ясное дело. Полетели!

И она выбежала из кухни.

— Куда ты? — крикнула Центавра вдогонку.

Но Альфа уже была в своей комнате. Стоя перед зеркалом на открытой двери шкафа, она натягивала комбинезон, который космонавты надевают под скафандр.

Центавра заглянула к ней.

— Ты куда собралась? — спросила она.

— Хочу заглянуть к ним в окошко! — засмеялась Альфа. — Полетишь со мной?

— Как в окошко?

— Так! Ты их когда-нибудь живьем видела?

— Кого?

— Кого-кого? Людей, конечно. Великанов!

— Я — нет.

— И я — нет. Полетели! Оставим космораблик неподалеку от их станции.

Выйдем в скафандрах и заглянем в окошко. Ужасно хочется на них поглядеть!

— Да ты что? Это же нельзя!

— Почему нельзя?

— Ну как... ведь тогда надо будет пойти на контакт.

— Зачем на контакт? Они нас не заметят. Мы для них, как твоя Пшуха.

Сбоку тихонько подползем. И одним глазком заглянем.

— А вдруг они нас все-таки заметят?

— Ну... заметят и заметят. Убежим на космораблик и дадим деру.

— А вдруг догонят? Они же великаны. Огромные!

— Ну... догонят так догонят. Не съедят же они нас. Всезнайка говорил, они не людоеды.

Центавра покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Нельзя, чтобы они нас видели. А то придется вступать с ними в контакт.

— Ну так что?

Центавра вытасила телефон и зашла на сайт Ассоциации космонавтов-людишек. Она ввела имя пользователя и пароль и вошла в свой счет.

— Вот, — сказала она. — Смотри.

В разделе «Правила поведения космонавтов при встрече с внеземными цивилизациями», в самом верху страницы большими буквами было написано: «КОСМОНАВТКАМ И КОСМОНАВТАМ ЗАПРЕЩЕНЫ ЛЮБЫЕ КОНТАКТЫ С ВНЕЗЕМНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ БЕЗ ПИСЬМЕННОГО РАЗРЕШЕНИЯ АССОЦИАЦИИ КОСМОНАВТОВ-ЛЮДИШЕК». Под этим было приписано: «Для получения разрешения заполните форму онлайн по ссылке внизу страницы. Ответ придет на емейл в течение десяти рабочих дней с момента подачи».

— Так что, — заключила Центавра, — любые контакты с великанами-людьми запрещены.

— А они не из «внеземных цивилизаций», — сказала Альфа. — Они такие же земляне, как мы. Не морочь голову и иди, одевайся.

— Да но... эти земляне, они же великаны.

— А мы для них — лилипуты. Да не бойся ты! — обняла подругу Альфа. — В жизни они нас не заметят, а если заметят, то уж точно не догонят. Я хорошо помню, что Трехступень про них говорил. У них косморабликов нет. Они на этой своей станции месяцами сидят и выйти могут только в скафандре в открытый космос. Так пока эта громадина скафандр напялит, мы уже — прыг в космораблик

и поминай, как звали. Зато посмотрим на них. А повезет — что-нибудь интересное разведем.

— Пшуха, остаешься за главного! — сказала Центавра, когда они уже были в дверях.

Блоха помахала лапкой в знак согласия.

Глава тридцатая ПРОФЕССОР ВЕЛИКАШ

В ноябре Интеграл выступал на научной конференции математиков. Собственно, ему не с чем было выступать, потому что он пока не доказал теорему, которую собирался доказать. Интеграл недавно открыл окружность конечного радиуса, но бесконечной длины. О своем открытии он уже рассказывал на прошлой конференции. Эта была хитрая геометрическая фигура. Она не шла ровно по кругу, как обыкновенная плоская окружность, а слегка вихляла, то и дело врываясь в трехмерное пространство, но сразу же удирая из него обратно на плоскость, и никакими средствами это удирание нельзя было измерить. Но если произвести вычисление, получалось, что у такой окружности бесконечный периметр.

Интеграл придумал для нее удачное название: вертлявая окружность. Пока Интеграл ее только открыл, и он как раз собирался доказать существование этой своей вертлявой окружности, но вместо этого занимался делами Тайного комитета. Так что его выступление перед коллегами-математиками было короткое.

— Я вам докажу эту теорему, — сказал он. — Теорему о существовании вертлявой окружности. Потом, когда у меня будет немного свободного времени. А пока поверьте на слово: вертлявая окружность существует, да! И у нее конечный радиус и бесконечная длина.

— Что-то у вас какая-то вертлявая теорема! — крикнул из зала кто-то из математиков.

Математики — такой народ, который ничего не принимает на веру. Это вам не религиозные людишки. Пока математику не предоставили доказательство, он ни во что не поверит, даже в чёрта.

— Я докажу! — отвечал Интеграл, просто у меня сейчас времени нет. — Поймите, это же очень просто! Вертлявая окружность в каждой своей точке отклоняется от плоскости, но сейчас же возвращается обратно.

— Не верим! — зашумели математики. — Сперва докажете теорему о существовании! Тогда поверим.

Интеграл грустно махнул рукой и вышел из зала. Чтобы как-то утешиться, он решил купить себе в буфете кремовое пирожное эклер, которое очень любил. Вокруг было полно математиков, а также биологов — у этих конференция проходила в соседнем зале. Интеграл был расстроенный и даже

немного голодный. Он стоял в длинной очереди в буфет и предвкушал, как откусит от эклера сладкий большой кусок. Тут кто-то позвал у него за спиной:

— Профессор Великаш! Мы будем вас ждать в Сиреновом зале.

— Хорошо, я туда подойду! — ответил густой бас прямо у Интеграла под ухом.

«Профессор Великаш? — переспросил сам себя математик. — Где-то я уже слышал это имя».

Тут он вспомнил. Ну, конечно! Это же тот самый профессор. Друг нашего мэра. Который предупредил нас о готовящейся атаке. Вот так теорема!

Интеграл повернулся. В очереди за ним стоял высокий, широкоплечий малянец, одетый в джинсовый костюм, с вклочоченной шевелюрой черных волос и кудрявой густой бородой.

— Здравствуйте, профессор! — протянул он руку. — Интеграл. Математик.

— Хм... профессор Великаш, — пожал руку тот. — Мы раньше встречались?

— Нет. Но я вам премного благодарен.

— А-а, вам понравилось мое выступление!

— Нет, к сожалению, я его не слышал. — Интеграл понизил голос. — Все мы знаем, что дело это очень секретное. Но от себя и своих коллег хочу поблагодарить вас за оказанную помощь. За ту самую вашу теорему, благодаря которой мы все скоро останемся живы, а могли бы и не остаться!

Казалось, этот бородатый профессор ничего не понимает. «А может, прикидывается», — подумал Интеграл.

— Вы меня с кем-то путаете, — улыбнулся Великаш, запахнувшись в свою джинсовую куртку. — Я не доказываю теорем и вообще никакого отношения к математике не имею. Я — зоолог. То есть я исследую фауну или, выражаясь доступным языком, животный мир. В общем-то, я, как и все мы, зоологи, специализируюсь на одном из видов животного мира. — Великаш подмигнул математику. — Скажу вам по секрету, это один из самых интересных, а может и, — тут он наклонился поближе к уху Интеграла, — а может, и самых опасных представителей фауны. Нет-нет, — остановил он пытавшегося что-то сказать математика. — Не подумайте, что я занимаюсь акулами или тиграми. Я сейчас как раз делал обширный доклад об этом уникальном существе... очень жаль, что вас там не было. Намекну: это позвоночное. Еще точнее — млекопитающее. И уже совсем точно: отряд приматов. Ничего не приходит на ум? Ну тогда последняя подсказка: это один из видов людишкообразных обезьян. То есть наших с вами ближайших родственников.

— Я знаю, — вставил, наконец, слово Интеграл. — Вы занимаетесь человеком.

Тут подошла его очередь, и математик вынужден был прервать разговор, чтобы попросить четыре пирожных эклера на тарелочке.

— И чай, — он протянул буфетчице бумажку в десять сладиков.

— У меня есть несколько минут, — сказал Великаш. — Я вам расскажу об этом удивительном представителе животного мира. Сядем за тот столик у окна?

Они уселись за столик. Вокруг сновали математики. У многих в руках были планшетные компьютеры с экранами, исписанными уравнениями и интегралами. Математики все что-то лихорадочно искали в уравнениях, толкая пальцем экран.

Интеграл вынул из чашки пакетик чая, потому что не любил крепкий чай. Потом взял с тарелки один из эклеров, открыл рот и медленно поднес к нему пирожное. Когда рот был полон кремом и через нос в голову нахлынул сладкий запах, Интеграл закрыл рот, и его зубы глубоко погрузились в нежную мякоть пирожного. Математик закрыл глаза и на минуту забыл обо всем на свете.

А Великаш тем временем развернул огромный бутерброд с вареным «соломоном» — так людишки называют красную рыбу лосось — и откусил от него большой кусок. Розовые кусочки соломоного мяса запутались у него в бороде. У зоолога была огромная — по людишечьим меркам, конечно — голова и очень большое лицо с круглым толстым носом, крупными, слегка выпученными глазами и широким ртом, которым он откусывал здоровенные куски булки и засасывал жирные пласты красной рыбы.

Когда Интеграл открыл глаза, первое, что на них попало, был огромный рот профессора, с торчащей из него булкой. Математику на мгновение показалось, будто перед ним труба пылесоса, всасывающая бутерброд все глубже и глубже в бездонное нутро профессора.

— Наш мэр, Всезнайка, много о вас говорил, — сказал Интеграл, чтобы как-то нарушить затянувшееся молчание. — О вас и о вашем исследовании. Всезнайка прочел вашу книгу, которая называется «Введение в людоедение». Он много рассказывал о ней.

— Хм... не имею чести знать вашего Всезнайку, — ответил, пережевывая булку Великаш. — Но мне приятно...

— Как же не имеете? — удивился математик. — Не далее как на прошлой недели вы с ним виделись. А я ведь как раз собирался вас горячо, от всего сердца поблагодарить, многогранник вы мой звездчатый! Всезнайка мне и другим представителям... — тут Интеграл запнулся и понизил голос, — представителям Тайкома... рассказал о вашей встрече с ним. О том, что вы предупредили его и всех нас о готовящемся нападении. О страшной опасности...

Зоолог выпучил свои и без того выпученные глаза.

— Помилуйте, — воскликнул он, проглотив большой кусок непрожеванной рыбы. — О какой опасности идет речь?

— Но как же! В вашей книге вы подробно описали, насколько опасны великаны-люди. Как они могут стереть целые города и страны. Что они изобрели страшную бомбу. И что нужно подготовить свой город к их ужасной атаке.

— Ах, ну да, — словно вспомнил Великаш, засасывая в свой «пылесос» следующий кусок булки и громко жуя. — Честно вам скажу, я давно эту книгу написал. Еще в начале моей научной карьеры. С тех пор я много изучал

великанов-людей и пришел к выводу, что они хоть и опасны, но предсказуемы. Если их как следует изучить, всегда можно предугадать их действия. Мы часто совершаем экспедиции в страны великанов. Изучаем их. Так сказать, в их природной среде. Знаете... то, что неспециалистам кажется опасным и сложным, для нас — обычная, повседневная работа. Ведь и со львами ученые умеют обращаться так, чтобы те их не съели, и с крокодилами.

В это время открылись двери соседнего конференц-зала, и оттуда повалили зоологи. В руках у них были чучела животных, скелеты динозавров (разумеется, уменьшенные копии), плакаты с фасеточными глазами насекомых или пищеварительной системой ракообразных.

— Но как же, как же так, полином вы мой четвертой степени? Вы ведь написали еще и специальную брошюру для мэров. Как там было? Ах да: подготовка города к термоядерной атаке. Нужно построить убежища! Купить ракетный противокмплекс! Застраховатьсь...

— Кажется, припоминаю, — сказал Великаш. — Было что-то такое. Я тогда только начал изучать великанов-людей. Я стал читать книги об их истории. Их кровожадное поведение, их смертоносное оружие, их войны, — все это меня так поразило, что я и сам решил написать об этом книгу. Вышла, пожалуй, очень страшная книга.

— Ну, да! Эту книгу и прочел наш Зевс.

Великаш удивленно поднял косматые брови.

— Какой такой Зевс? Греческий бог, что ли?

— Да нет, — засмеялся Интеграл. — Это мы его только так для конспирации зовем Зевс. А на самом деле это наш мэр Всезнайка.

— А-а, всезнайка...

— Так вот. О чем это я? Ну да. Ваша книга, помните? Называлась «Как подготовить город к ядерной атаке. Пособие для мэров». А мы всё сделали в точности, как вы там написали.

— Что всё?

— Ну как же? Построили подземные убежища. Целый подземный город. Там, под нами, — показал он вниз, — под всем Цветоградом, лежит целый огромный Тайноград. О нем никто не знает. В Тайнограде множество улиц и домов, магазинов, школ, больниц, заводов и фабрик, — всё подземное! А еще есть подземные поля, которые уже засадили подземной пшеницей и картошкой, подземные деревни...

Великашу на мгновение показалось, что этот малянец в лимонно-желтой рубашке, все рукава которой покрыты чернильными формулами (это Интеграл каждый раз, когда ему приходила в голову замечательная мысль, чтобы не забыть, записывал ее ручкой прямо на своих рукавах) — и вот, зоологу показалось, что перед ним сумасшедший. «Ну конечно! — мелькнуло у него в голове. — Сколько раз мне говорили про этих ненормальных математиков, которые всю жизнь доказывают какую-нибудь недоказуемую теорему, а потом сходят с ума».

— Так вот! — с воодушевлением продолжал Интеграл. — В наших подземных деревнях уже все готово для выращивания подземных куриц и даже коров. Все, как вы советовали.

— Подземные коровы? — задумчиво проговорил Великаш, изучая собеседника. — Неужели я такое советовал?

— Ну да! И как вы советовали в своей книге, наш город закупил сложную космическую систему для ловли ракет. Чтобы великаны-люди не смогли нас атаковать. И эта система уже в действии. Наши космонавтки Альфа, Центавра недавно побывали в космосе, на орбите, и проверили эту систему. Она работает замечательно. С математической точностью! Ни одна ракета не пролетит! А еще мы застраховали наш Цветоград на сто тысяч миллиардов сладиков. Так что, когда на него упадет бомба и превратит вот это все, — Интеграл обвел рукой раскинувшийся за окном город, — когда вот это все превратится в ядерную золу, а мы будем сидеть под землей, в убежищах, тогда мы получим деньги по страховому полису и построим город заново. Лучше прежнего!

— Лучше прежнего, — повторил Великаш.

Он уже давно перестал жевать свой бутерброд и положил его, недоеденного, на тарелку.

— По правде сказать, — сказал математик, немного понизив голос и приблизив свое лицо к огромному лицу Великаша, — по правде сказать, я в это не очень-то верю. Но наш мэр верит. И другие, мне кажется, тоже. Все было сделано, как вы посоветовали в вашей книге, мой друг. И я от имени своих коллег... так сказать, по секретному комитету... выношу вам благодарность за то, что предупредили о готовящемся нападении.

— А... разве я предупреждал?

— Ну как же, квадратный вы мой!

Тут Великаш почему-то рассердился. «Чем я занят? Меня в Сиреновом зале ждут, а я слушаю тут какого-то чокнутого».

— Вы меня извините, но я вам не квадратный. И я вообще, — профессор встал и заторопился. — Вообще, я спешу очень. Я обещал встретиться с коллегами в Сиреновом зале и...

— Ну погодите, погодите! — схватил его за руку сумасшедший малянец. — Ну, сядьте, ну что же вы так... конус вы мой усеченный!

— Я не усеченный!

Но он все-таки сел.

— Я понимаю, — сказал математик, — что это очень секретная информация. И Зевс... то есть наш мэр, Всезнайка, передал нам ее под строжайшим секретом. Не подумайте ничего такого! Знает только несколько самых проверенных людишек. Вам нечего опасаться!

— Да чего мне опасаться?! — вскричал Великаш, забыв о приличиях. — Чем вы меня пытаетесь запугать?

— Ну, как же! — обиженно сказал Интеграл. — Ведь вы переслали Зевсу... то есть Всезнайке емейл.

— Я?! Емейл?

— Ну да. Емейл от президента людей. О том, что готовится ядерная атака. На Цветоград.

— На Цветоград? Ядерная?

— Ну конечно! Что президент их диктаторской страны построил ядерную бомбу, чтобы напасть на соседей. Но перед этим решил ее попробовать на нас. И в этом емейле, который у него украли ваши разведчики, людоеды...

— Людоеды?!

— Тьфу, людоеды, конечно же, а не людоеды. Это я просто оговорился, я имел в виду ваших коллег, людоедов! Они перехватили емейл великанов. В котором их президент пишет, что они сбросят бомбу на Цветоград. Ровно в ночь на тридцать первое января. То есть на Новый год! А емейл назывался «Новогодний сюрприз». Вы же сами показали его Всезнайке!

«Ну, теперь он точно сумасшедший», — сказал сам себе Великаш.

— Нет, милейший, вы меня простите, — и он снова поднялся. — Я уже совершенно не могу с вами оставаться. Я должен читать доклад.

— Пожалуйста, читайте! — похлопал его по плечу Интеграл. — Только зачем же, треугольник вы мой равносторонний... зачем отказываться от благодарности? Вы нам передали секретный емейл. Большое вам спасибо! Благодаря вам мы подготовились к ядерной войне. Теперь Цветограду уже больше не угрожает превратиться в ядерный пепел. А даже если и превратится, у нас есть страховка! Логарифм вы мой натуральный, экспонента вы моя стремительнорастающая...

И Интеграл снова нежно взял его за рукав.

— Вот что, экспонента! — вспыхнул Великаш, выдернув свой рукав. — Никаких емейлов ниоткуда я не получал и никому не отправлял! Ни с какими президентами-диктаторами я не знаком. Да, мы изучаем великанов и знаем, что у них есть ядерное оружие. Но я ни от кого и никогда не слышал, чтобы они собирались его испытывать на нас, людишках.

— Как не собираются? — не понял Интеграл. — Но ведь Всезнайка с вами встречался...

Интеграл вдруг почувствовал себя как-то нехорошо. «Какая-то неправильная теорема», — подумалось ему. А Великаш взглянул в глаза математику, и ему стало его жаль.

— Послушайте, — сказал он уже мягче. — Я вашего Всезнайку... вот честное слово! В глаза не видел. Вы, наверное, меня с кем-то перепутали. А может, устали? Доказывали-доказывали теорему, и устали. Такое бывает.

— Да нет! Я как раз ничего не доказывал. С тех пор как Зевс принял меня в Тайком, у меня совершенно не осталось свободного времени, и я не доказал ни одной теоремы. Но как же такое может быть, что великаны, эти ЛЮДИЩИ, не собираются на нас сбрасывать ядерную бомбу, когда в емейле ясно сказано: бомбу сбросить тридцать первого января. На Новый год.

— Но Новый год вовсе не тридцать первого января.

— А какого же?

— Первого.

— Ну, я и говорю, в ночь с первого на тридцать первое. Они сбросят на нас бомбу, и город превратится в ядерную золу.

Великаш вздохнул.

— Да это у вас какая-то параноя. Мания преследования. Ничего ни вам, ни вашему городу не угрожает. Поверьте! Я долго изучал людей. И они во многом от нас отличаются. Ведь мы — похожи на их детей, то есть на тех, из кого выросли люди. Они — это те, кем мы могли бы стать, если бы мы умели взрослеть. Да, они порой бывают страшные и кровожадные и могут убивать друг друга. Но как раз поэтому, и я вам это говорю как биолог, как раз поэтому у них выработались механизмы защиты. От самих себя. А иначе они бы друг друга давно перебили. Ядерное оружие — это как раз такой механизм.

— Но как же? — попытался возразить Интеграл. — Вы утверждаете, что у людей полно ядерного оружия и тем не менее они им никогда не воспользуются. Где же ваша логика? Если у кого-то что-то есть, разве станет он это держать просто так и не пользоваться? Это какой-то нонсенс!

— А вот и не нонсенс, — подражая математику и назвав его треугольным, сказал Великаш. — Вот и не нонсенс, треугольник вы мой тупоугольный. Вы просто недостаточно знаете людей. Да, они наделали кучу ядерных и даже термоядерных бомб. И столько же ракет, чтобы послать эти бомбы в любую точку планеты. А все же они не собираются свои ракеты никуда посылать.

— Но почему?!

— Нам, людишкам, это трудно понять. У нас что есть, то мы и используем. Зачем же тратить столько сил, времени и денег, скажем мы, чтобы сделать что-то, что ты никогда не собираешься применить? Это какой-то абсурд! Но мы, людишки, хоть и читаем книги людей и слушаем их музыку, и так далее, но во многом их не понимаем. Потому что мы не взрослеем, а навсегда остаемся детьми. И гигантским детям великанов-людей тоже бывает трудно понять своих великанов-взрослых. Но взрослые люди-великаны ни капельки не боятся ядерных бомб. Потому что твердо знают: человек-великан, хоть и имеет этих бомб целые тысячи, хоть и натыкал их по всему земному шару, хоть и бережно хранит, протирает от пыли, смазывает, чтоб не заржавели, хоть и делает новые, когда срок годности старых проходит, — но он *никогда и ни за что* пользоваться ими не станет.

Математик слушал Великаша и никак не мог понять.

— Послушайте, сказал наконец он. — Может, Всезнайка встречался не с вами?

— Конечно, не со мной! — зоолог обрадовался, что до его собеседника наконец дошло. — Поверьте, я вас не обманываю! Я вашего Всезнайку, честное слово, никогда не видел!

Интеграл наморщил лоб.

— Может быть, есть еще один профессор Великаш? Зоолог-людовед?

— Ну, нет, — засмеялся бородач. — Другого такого нет, за это я ручаюсь. Я со всеми специалистами по людоведению знаком, и, конечно же, знал бы, если б среди них вдруг появился мой тезка.

— Но как же все-таки... как же ваша брошюра. Пособие для мэров. Подготовка к ядерной войне...

Зоолог вздохнул. Потом потрепал себя за бороду, вытряхивая застрявшие крошки.

— Хм... — сказал он. — Видите ли... это была шутка. Понимаете... я когда эту свою книгу написал «Введение в людоведение», я как-то сразу стал знаменит. В кругу зоологов, конечно. Все ее обсуждали, все спорили, а некоторые даже, вот как вы сейчас, говорили, что и нам, людишкам, грозит опасность от великанов. Что они могут не только на самих себя, но и на нас кинуть ядерную бомбу. Вот я и решил пошутить, так сказать. Написал эту шуточную брошюру. Пособие для мэров. Но кто же мог подумать, примат вы мой человекообразный, что кто-то воспримет все это всерьез и станет готовиться к *настоящей* ядерной войне?!

Интеграл молчал.

— Нет, погодите, — сказал Великаш. — А вы что, тоже работаете в этой вашей мэрии?

Математик кивнул.

— И что же, вы и правда прорыли под городом улицы, построили подземные заводы?...

— Да.

— Сколько же на все это ушло денег?

Интеграл только рукой махнул.

— Ах не спрашивайте...

Тут Великаш заметил, что ему изо всех сил сигнализирует малянка из другого конца зала. Он поднялся.

— Мне вас искренне жаль, коллега. Все же я как-то не могу поверить... Но простите, мне надо идти.

Интеграл кивнул. Профессор протянул ему руку, но математик, казалось, не замечал его руки. Он все что-то соображал.

— До свидания, — сказал зоолог, похлопав его по плечу, и пошел в Сиреневый зал.

Но потом вдруг вернулся и положил на стол визитную карточку.

— Вот, возьмите, — сказал он. — Если понадобится моя помощь — не стесняйтесь, звоните.

Глава тридцать первая СТАНЦИЯ ЛЮДЕЙ

Когда подруги уже сидели в космораблице готовые к отлету, Альфа вдруг сообразила, что не знает, куда лететь.

— Погоди-ка, — сказала она Центавре. — А ты знаешь, на какой они орбите?

— Кто?

— Ну, кто, кто? Люди, конечно. Не юпитеряне же.

— Вот мы глупые! — сказала Центавра. — Собрались лететь, а сами не знаем куда. Надо обратиться в Ассоциацию космонавтов-людишек. У них должны быть данные этой орбиты.

— Да какая ассоциация, — махнула рукой Альфа. — В Интернете всё есть.

Центавра втайне надеялась, что в Интерпедии не окажется орбитальных координат станции. Но Альфа их быстро нашла.

— Нам повезло, — сказала она. — Данные орбиты обновили как раз сегодня утром. Значит, так. Высота — четыреста двадцать восемь километров. Угол наклона...

«Придется лететь, — с грустью подумала Центавра. Она знала, что если подруга что-то вбила себе в голову, остановить ее будет невозможно. Так же, как с их полетом на Альфу Центавра. — Но если это надо для общего дела, и тем более, приказ от мэра, тогда это наш долг», — подумала она.

Альфа тем временем рассчитала примерное местоположение станции и ввела в навигатор.

— Ну всё, — сказала она, потирая руки. — Выйдем на их орбиту. А там мы их уж как-нибудь найдем. Можно по радиосигналу.

Центавра вздохнула и пристегнула ремни. Лететь нужно было всего пятнадцать минут, но для людишек это как для нас два с половиной часа. Малянки успели сыграть две партии в магнитные шахматы, и Альфа оба раза выиграла. А потом Центавра заснула.

— Вставай! — разбудила Альфа. — Прилетели.

— Что, уже?

Космораблик был у цели. Радиосигнал людей оказался такой мощный, что навигатор сразу его поймал и привел космораблик прямо к орбитальной станции.

— Стоп! — командовала Альфа, и это было очень вовремя, потому что навигатор чуть было не подвел косморабль вплотную к станции людей, чтобы пристыковаться к ней.

К счастью, в этой части орбиты была ночь, и люди не могли бы их заметить. Двигатель космораблика работает на азере — атомном лазере, и со стороны его не видно. Правда, если бы атомный луч попал в станцию людей, он прорезал бы ее насквозь. Но компьютер космораблика всегда следит, чтобы в атомный луч ничего не попадало. Для этого он непрерывно сканирует пространство радиоволнами, и в случае чего, мгновенно гасит азер.

— Так, — сказала Альфа почему-то шепотом. — Тут нужно быть осторожными. Мы между ними и Землей.

Космораблик, в отличие от космодома, почти со всех сторон прозрачный. И он не вращается, так что на нем — невесомость. Малянок окружали звезды. Под ногами маячило большое черное пятно. Это была Земля, а Солнце скрывалось за ней — на этой стороне Земли была ночь. С правого борта виднелся тоненький серп Луны. Над головой малянок, словно гигантское черное насекомое, раскинулась станция людей — с двумя цилиндрическими туловищами и тремя

шарообразными головами, на которых поблескивали выпученные глазища иллюминаторов. Десятки солнечных батарей растопырились, точно крылья громадных стрекоз. Будто щупальца многоножки торчали в стороны сотни антенн.

— Вот это да, — прошептала Альфа.

— А может, все-таки, не надо? — жалобно спросила Центавра. — Может, сперва составим план?

— Не хочешь — отвезу тебя домой, — с досадой произнесла Альфа. — План составим потом. А сейчас я все равно пойду.

— Тогда и я, — вздохнула подруга.

Она бы ни за что Альфу не бросила. Та показала рукой на коническую часть корабля, на которой не было ни одного иллюминатора.

— Нужно зайти со стороны их носа, — шепнула она.

— Зачем? — спросила Центавра.

Малюнки говорили очень тихо, почти шепотом, хотя, конечно же, люди не могли их услышать. Ведь между ними и космической станцией не было ничего, даже воздуха, а звук, как известно, сквозь вакуум не проходит.

— В хвосте — двигатель. — Вдруг они его включают? По бокам — иллюминаторы. Только в носу ничего нет.

— Ладно.

Космораблик быстро проплыл под огромным брюхом станции, ловко уворачиваясь от солнечных батарей, телескопов и антенн, и пристроился в двух метрах перед коническим носом. Здесь, и правда, не было ни двигателей, ни окон.

— Вылезаем, — сказала Альфа, когда космораблик накрепко присосался специальным присоском к стальной поверхности станции.

Они надели скафандры и через шлюзовую камеру вылезли в открытый космос. На краю черного диска Земли показалась тонкая розовая полоска — это забрезжил рассвет. Центавра взяла с собой космокамеру — видеокамеру, которая может работать в вакууме.

Сколько вокруг было звезд! Они ярко светили, перемигиваясь. Охотник Орион натянул свой звездный лук, чтобы стрелять в Большую медведицу, но ему лезли в глаза Волосы Вероники, не давая как следует прицелиться. Малюнки привыкли к открытому космосу и чувствовали себя тут, словно в городском саду на прогулке. На ногах у Альфы и Центавры были присосочные ботинки. Без присосок космонавтки не смогли бы продвигаться по кораблю, а улетели бы от него в пространство. Присоски были не только на ботинках, а еще и на коленях, локтях, ладонях и даже на животе, чтобы, в случае чего, можно было присосаться им к какой-нибудь поверхности. С этими присосками малюнки напоминали осьминогов.

Станция великанов-людей была для людишек огромной. Только до края носовой части, наверное, шагов сто. На присосках идти не очень-то удобно, и малюнки продвигались медленно. Наконец добрались до края. Альфа хотела заглянуть за край.

— Не высовывайся! — схватила ее за руку Центавра. — А вдруг там они?

Малянки переговаривались по радиотелефону, который был в шлеме скафандра.

— Где? — не поняла Альфа.

— Ну, вдруг они тоже... надели скафандры и вылезли, как мы, погулять.

— Они нас не заметят.

— Ага, не заметят. Они же огромные. Прихлопнут как муху.

— Это же космос. Тут нет мух.

Альфа перегнулась через край носовой части. Солнце еще немного выдвинулось из-за Земли, и полоса света озарила станцию.

— Нет тут никого. Пошли.

Альфа поставила ногу с присоской на стену переднего модуля. Центавра опасно оглянулась и двинулась за подругой. Шагов через двести они увидели огромный круглый иллюминатор. Он был размером с космический домик малянок.

— Здорово! — сказала Альфа. В ее голосе слышалось восхищение. — Какой огромный!

Центавре очень хотелось вернуться на космораблик, но она поняла, что возражать Альфе бесполезно. Та опустила на коленки, потом отцепила ножные присоски и легла на живот, присосавшись им к стальной поверхности. Немного поколебавшись, Центавра последовала ее примеру. Дальше малянки поползли на животах, отцепляя присоски и прицепляя на новом месте. Альфа ползла впереди, а Центавра — за ней, немного поодаль. У края иллюминатора Альфа остановилась и осторожно заглянула внутрь.

— Черт! — сказала она.

— Что?! — испугалась Центавра.

— Да ничего! Иллюминатор изнутри занавешен. Ничего не видно.

Занавески в космосе, понятно, не будут висеть вниз, потому что там нет силы тяжести, и вообще, нет ни верха, ни низа. И чтобы занавески плотно закрывали окно, их прикрепляют резинкой.

— Сиди здесь. Я поползу вокруг. Может, найду щель.

— Ага, — согласилась Центавра.

Действуя присосками, Альфа обползла иллюминатор, добравшись до его противоположной стороны.

— Щель! — шепотом сказала она. — Ползи сюда!

Центавра подползла к подруге. Она сделала огромный крюк, стараясь держаться как можно дальше от иллюминатора. Космонавтки осторожно заглянули внутрь. Здесь не горел свет, как в тех двух иллюминаторах, которые они видели, облетая станцию на космораблике. Но зато лучи восходящего солнца проникли сквозь щель в занавеске и осветили помещение носового отсека. Для великанов-людей это отсек был довольно маленьким, но для Альфы с Центаврой — просто громадным. Размером с восьмизэтажный дом.

— О, господи! — прошептала Альфа, и волосы под шлемом ее скафандра встали дыбом.

У противоположной стены они увидели человека-великана. Альфа так хотела «заглянуть к людям в окошко», а теперь перетрусилась и вцепилась перчаткой своего скафандра в Центаврин рукав. А вот Центавра совсем не испугалась. Ведь ее второй специальностью была зоология. На практических занятиях, в солнцеградском зоопарке, Центавра встречалась с очень крупными животными, такими как заяц, бобр и даже корова. Центавра не боялась людей, просто она хотела все делать обдуманно, по плану.

Гигантское существо, ростом, наверное, с пятиэтажный дом, спало. Глаза его были закрыты.

— Какой огромный... — выдохнула Альфа.

— Огромная, — шепотом поправила Центавра.

— Это их малянка?

— Не малянка. Жен-щи-на, — по слогам произнесла Центавра. — А маляницы у них называются муж-шины.

— Ч-ч-ч, — прошептала Альфа. — Спит.

— Можешь не шептать, — сказала Центавра. — Она нас не услышит, мы в вакууме.

На женщине был розовый обтягивающий комбинезон-трико, в каких обычно спят космонавты. Для того чтобы в невесомости не болтаться по станции и не стукаться головой, на боках и спине его были нашиты липучки. Космонавтка была прилеплена липучкой к космическому матрасу.

Женщина-великан была невероятно огромная. У нее был немного курносый нос, размером примерно с автомобильное колесо, выпуклые губы, каждая с диванный подлокотник, густые, желто-пшеничные волосы до плеч, толстые, словно канаты. По таким малянец-матрос мог бы с легкостью вскарабкаться на мачту корабля. В невесомости эти канаты растрепались и плавали над головой космонавтки спутанным желтым облаком. Выпуклые щеки — два больших розовых одеяла. Ресницы торчат из век, точно зубья расчески. Грудь космонавтки-великана медленно поднималась. Словно наполнялся воздухом гигантский надувной матрас.

Видели ли вы, уважаемые читательницы и читатели, как дышит спящий кит? Если нет, обязательно понаблюдайте при случае. Он дышит очень медленно. Пока выдохнет и снова вдохнет — емейл написать можно. Примерно так виделась спящая женщина маленьким людишкам. Пока малянки разговаривали, грудь великанши наполнилась воздухом. Вдох закончился. Какое-то время грудь постояла на месте, затем медленно поехала вниз. Начался выдох.

— Они все-таки отличаются от нас.

— Ну конечно, — подтвердила Центавра, рассматривая великаншу. — Это же другой вид. Хомо сапиенс. Наши ближайшие родственники.

— Что это у нее? — спросила Альфа.

— Где?

— Ну, здесь.

Она показала руками на себе.

— А, это? Это грудь.

— А почему на ней такие выпуклые... шары? Передатчики что ли?

— Ты разве не знаешь? Они кормят своих детей молоком. Мы ведь тоже млекопитающие. Ты, надеюсь, в курсе?

Надо сказать, что Альфа совсем не разбиралась в биологии. В школе у нее была тройка. Но зато она прекрасно знала навигацию и электронику.

— Кормят детей молоком? — переспросила Альфа. — Кажется, что-то об этом слышала. Люди дают молоко? Как коровы?

— Все млекопитающие «дают молоко». То есть выкармливают им своих детенышей. Мы — единственные, кто этого не делает.

— А почему?

— Потому что мы не рожаем детей. Мы сами дети.

— А-а, — поняла Альфа — Сколько ж у нее там молока? Наверно, ведер по тридцать с каждой стороны. Не меньше!

— А ты как думала? Их дети знаешь какие огромные. Таких накормить... Альфа задумалась.

— Ну да, наверно, ты права.

Они молчали, рассматривая спящую женщину. Восходящее солнце все ярче освещало ее.

— Интересно, что это у нее за прямоугольник цветной? — сказала Альфа.

— Где?

— Вон. На животе нашит. Какие-то звездочки и полоски.

— А, это флаг их страны. Я знаю, она называется «Сэ-шэ-а». Наверное, эта великанша оттуда.

— Там еще что-то написано, — присмотрелась Альфа. — Какие-то буквы непонятные. Ничего не разберешь, может, иероглифы?

— Погоди-ка, — сказала Центавра. — С... си. Сил... в... и-я. Сил-ви-я, — прочла она наконец. — Сильвия! Я знаю, это человеческое имя.

— Ну, ты молодец! — в восхищении сказала Альфа. — Когда ты на их языке читать научилась?

— Я в космошколе второй специальностью взяла зоологию, а третьей — лингвистику. Языки изучала.

— Так вы и языки людей там тоже учили?

— А как же. Кроме трех малянских: лесанского, мерюкрякского и бедонского, я еще и английский знаю. Это язык великанов. На нем говорят в стране Сэшэ.

— Сэш-ш-шэ-а, — повторила Альфа. — Сс-э-ш-ш-шэ... а-а-а! Звучит так страшно. Словно на тебя сапогом наступили и раздавливают, а ты кричишь.

Пока малянки разглядывали женщину, яркий диск солнца на четверть выдвинулся из-за черной земной тени. Пройдя сквозь стекло иллюминатора, там где не было занавешено, солнечный луч медленно двигался по космической комнате. Удлиняясь, словно червяк, добрался до конца стены, сломался пополам и переполз на огромное плечо космонавтки. Запутавшись, долго блуждал в густом лесу волос, наконец вскарабкался на щеку. В рыжие ресницы великанши полетели солнечные брызги. Громадные веки шевельнулись и начали подниматься.

Испуганные малянки отпрянули от иллюминатора и быстро спрятались за его край. У Альфы сильно колотилось сердце.

— Ну что? — сказала Центавра. — Поползли к другому иллюминатору? Может, еще что разведаем?

Альфа молча помотала головой в шлеме.

— Что? Устала?

— Я не могу, — прошептала Альфа. — Если я ей в глаза погляжу — умру от страха.

Голос ее дрожал.

— Ладно, — согласилась Центавра. — Я ведь тебе говорила. Ничего нельзя просто так делать, с бухты-барухты. Пошли писать план.

Альфа молча кивнула.

Глава тридцать вторая БЕЛЕНА

Мы помним, что когда мэр пришел в гости на Незабудковую улицу, к своим старым друзьям, он стал говорить, что неплохо, когда есть царь или король, или президент, которому все должны подчиняться. Тогда, мол, больше порядка и «всё, как у людей». Свободолюбивых людишек это возмутило, и чуть было не началась драка, которую в последний момент остановил Пустомеля. Он тогда сказал: «Это у нашего мэра сотрясение мозга, вот он и понес всякие глупости про царей. Ведь его только что скалкой по голове стукнуло!»

Пустомеля тогда и сам так подумал. В первую минуту. Но ночью он все ворочался и никак не мог заснуть. «Ничего это не из-за скалки, — решил наконец он. — Я давно за этим Всезнайкой наблюдаю. Он ничего не говорит просто так, даже когда у него сотрясение мозгов. Он хочет захватить власть».

Раньше цветоградцами никто не управлял. Они, что называется, самоорганизовывались. Всё делали сами и сами решали любые вопросы друг с другом. Если же это было какое-нибудь серьезное дело, где требовалось участие многих, то собирали городское собрание. Но потом Цветоград так разросся, что мэрия стала просто необходима. А иначе какой же порядок? В мэрии заседают специалисты из разных областей. Они знают, где лучше прокладывать дороги, в каком месте построить станцию метро, а в каком — торговый центр, и так далее. Когда мэрия открылась, Пустомеле тоже захотелось в нее попасть и вместе с другими управлять городом.

— Слушай, Всезнайка. Возьми меня в мэрию! — попросил он.

— Что ты, Пустомелюшка! — засмеялся ученый. — Для того чтобы руководить городом, нужно очень многое знать и уметь. Мы берем только самых лучших специалистов. Это же такая ответственность: управлять целым городом! Ведь людишкам дается власть, а это не просто так.

— Да я много чего знаю! — заверил Пустомеля. — А чего не знаю — в Интернете посмотрю. Главное — что я очень пробивной! Я в твоей мэрии что хочешь пробью!

— Ага, — сказал Всезнайка, — пробьешь, это уж точно. Дырку в стене мэрии — так, что потом не заделать.

И Всезнайка его не принял. Да это и понятно. Высшее образование Пустомеля не получил и ни в какой области специалистом не был. Он даже школу не смог закончить, ушел из последнего класса. Постоянной работы у него тоже не было, и Пустомеля вечно где-нибудь шлялся и морочил всем голову. А денег ему одалживали друзья, которых у Пустомели было полно. Он сильно тогда обиделся на Всезнайку. Он еще раньше был на него злой, когда Всезнайка не принял его в газовую компанию «Газвсем».

— Ну, что ты скажешь про нашу мэрию-хмэрию? — спросил Пустомеля своего друга, повара Кастрюлю, когда обедал в его ресторане под названием «Патиссон».

Кастрюля был хозяином ресторана и шеф-поваром. Пустомеля часто приходил в «Патиссон», и Кастрюля никогда не брал с него денег — друг же! Сегодня как раз приготовили Пустомелино любимое блюдо: говяжий холодец. На самом деле говядину, как и все другие виды мяса, в Цветограде получали не естественным путем, а производили в специальных биологических машинах. Эти машины назывались Гуманомясы или, по-другому, Добромясы. Потому что они добрые и когда делают мясо, не убивают ни зверей, ни рыб, ни птиц. Ни даже лягушек.

— Ну как тебе наша мэрия? — повторил свой вопрос Пустомеля, отправив в рот кусок «гуманного» холодца.

— Так себе, — пожаловался повар. — Купил, понимаешь ли, соседнее помещение. Там раньше склад был. Хотел к ресторану присоединить. А то джаз-банде негде играть. Видишь, она, джаз-банда, в углу ютится, — кивнул Кастрюля в угол.

Там играли два музыканта: саксофонист и контрабасист.

— Джа-аз, — протянул Пустомеля. — Тун-тури-тун! Ту-туду! Тури-ту...

— Ага. А их отсюда плохо слышно. А столики я убрать не могу, потому что «Патиссон» стал очень популярный. Все столики заказаны на неделю вперед, можешь себе представить?

— Ну так в чем проблема? Ты ж говоришь, соседний склад купил. Проруби стену, и будет у тебя ресторан в два раза больше.

— Так в этом-то и проблема! — взмахнул повар подносом, на котором принес Пустомеле еду, так что с него едва не слетела тарелка с холодцом. — Мэрия разрешение не дает. Третью неделю у них прошу! Подай, говорят, сначала на пробитие стены. Почему, говорю, так дырку нельзя пробить? А вдруг, говорят, ты дом обрушишь?

Кастрюля, наконец, снял с подноса вторую тарелку холодца и поставил перед Пустомелей. Пустомеля обычно съедал три такие тарелки.

— Ну вот, — продолжал повар, — а потом, говорят, подашь на расширение ресторана. Зачем же еще раз подавать? А затем, что вдруг соседи будут недовольны? Какое, говорю, недовольны, у меня мероприятие: для всех соседей бесплатная еда раз в три дня, а тут только еще соседей прибавится. Нет, ты, говорят, подай, а мы рассмотрим. Вот и подаю. А толку никакого.

— Это все из-за нашего мэра, — сказал Пустомеля, проглотив холодец. — С нами не живет, особняк себе отхватил и четверку коней на крыше. Так нос задрал — того гляди отвалится.

— В чем-то ты прав, — вздыхал Кастрюля. — Он нас теперь вообще не замечает. Вчера сюда ко мне зашел. Я ему: «Всезнаечка, чем тебя угостить?» — а он на меня даже не смотрит. Сделал вид, будто не узнал. В меню потыкал: вот это и это, мол, принесите.

Пустомеля понизил голос.

— Думаешь, он нос просто так задрал?

— Думал, что да. А разве он не просто так?

— Не-ет, — протянул Пустомеля. Он сделал другу знак наклониться поближе и, оглянувшись по сторонам, тихо сказал: — За этим кое-что стоит.

— А что? — тоже понизил голос, спросил повар.

— Он сошел с ума и хочет захватить власть.

— Власть?!

Музыканты, игравшие в углу на саксофоне и контрабасе, как раз закончили джазовую рапсодию, и возглас повара прозвучал неожиданно громко. Малянки за соседним столиком обернулись.

— Тише ты! — зашипел на него Пустомеля. — Эти две — тоже из мэрии, — кивнул он на малянок. — Разведчицы. Я их знаю.

Пустомеля сделал музыкантам знак, чтоб играли громче, и когда началась новая мелодия, взял друга за руку.

— Садись, мне надо тебе кое-что рассказать.

— Но Пустомелечка, — взмолился Кастрюля. — Как раз лягушачьи лапы на огонь поставил, боюсь, подгорят.

— Плюнь на них, — сказал Пустомеля и, дернув за руку, усадил друга рядом с собой.

Повар сел рядом с Пустомелей, не переставая принюхиваться к запахам из кухни и готовый вскочить при первых признаках подгорания. Эх, не доверял он этой своей новой помощнице, Стряпке! Такой хороший повар был Чайник, но взял да на пенсию вышел. Давно, говорит, на пенсию пора, надоело, говорит, готовить. Сколько можно? Фрикадельки по ночам снятся, как они прыгают на сковородке.

Пустомеля, точно дирижер, махнул музыкантам, чтобы играли еще громче.

— Я уже третий день к нашему мэру в окошко лазаю, — зашептал он на ухо повару.

— Это как? — удивился Кастрюля.

— Очень просто. Он мне сразу показался подозрительным. Когда про царей и президентов начал ерунду плести. А когда Шприц с Быстролетиком его домой отправили — ну, когда ему скалкой по башке дали — я туда тоже потихоньку пошел. Думаю, надо разведать, как и что. Может, он что-то нехорошее замышляет.

— Да ты что, Пустомеля?! — возмутился повар. — Разве может наш Всезнайка... замышлять?

— Да какой он тебе «наш»? Он давно уже на нас наплевал. Бросил он нас и живет теперь, как король, в своем дворце.

— Ну, ты все-таки... не очень его обижай-то. Он же был нам друг.

— Да кто его обижает? Ты слушай, что я тебе расскажу.

Пустомеля снова наклонился к уху Кастрюли и зашептал:

— Дворец этот огромный. Я сообразил, что кабинет и спальня должны быть на задней стороне. Обошел вокруг, а там — сад непролазный. Кстати, это только передняя часть на улицу выходит... этих самых, как их?

— Эдельвейсов, — подсказал повар.

— Во-во. А зад торчит в тупике Белены.

— Кто торчит? — шепотом спросил Кастрюля.

— Да зад же, говорю. Зад особняка. У него сзади тупик Белены.

— А-а... ну и что?

— А ты знаешь, что такое белена?

— Знаю. Ей объедаются, когда незнамо что болтают. Тогда и говорят: «Я белены объелся».

— Молодец. Так и есть. В этом тупике раньше полно белены росло и жили колдуньи. Они дурачили людишек, гадали им по руке и нагадывали разную гадость. Потому что от запаха белены людишек тошнит и голова кружится, а еще бывают глюки.

— Какие глюки? — спросил Кастрюля.

— Разные. Чудится всякое... чего на самом деле нет. Это я все в Интернете прочитал потом. Когда узнал, что мэр наш на самом деле в тупике Белены живет. Белену-то всю давно вырубил, и колдуний никаких уже сто лет как нет. Пришли рабочие в противогазах, все кусты на части распилили, а потом сожгли. Это в Интернете написано.

— Интересно, — сказал повар.

Ему всегда нравилось, когда Пустомеля что-нибудь рассказывает, и он совсем позабыл о лягушачьих лапах.

— Ну, вот, — продолжал Пустомеля. — Я к особняку подошел. Сзади. Уже темно было, фонарей там нет. Я телефоном посветил и в сад залез. А там пахнет страшной гадостью. Я тогда еще про белену не читал, но сразу понял, что это ей воняет. Потому что нечаянно фонариком на стену посветил, а там старинному написано: «Тупикъ Бѣлены». Меня так затошнило. И голова так закружилась, что я на землю сел. Вдруг смотрю — на стене скелет. Ну, мало ли, думаю, какой дурак скелета нарисовал.

— Страшно все-таки, — поежился Кастрюля.

— Ты погоди. Сейчас страшно будет. Я от скелета отвернулся и пошел в глубь сада. А он меня сзади взял за плечо...

— Как?!

— А так. Взял за плечо и говорит: «Куда?»

У повара глаза округлились.

— Так и сказал?

— Так и сказал. Я обернулся, а он... смотрит на меня и глазами моргает.

— А ты?

— А я заорал как бешеный и из сада бегом. Не помню, как через забор перескочил и как до дома добежал. Мне казалось, что фонарные столбы за мной гонятся. Я как сумасшедший был.

В этот момент Пустомеля положил в рот слишком большой кусок холодца, так что некоторое время не мог ничего сказать.

— А дальше что? — нетерпеливо спросил Кастрюля. — Что потом, Пустомелечка?

— Ну, вот, — продолжил Пустомеля, проглотив холодец. — Прибежал домой. Все спят. Всё спокойно. Чувствую — я больше не сумасшедший. Вспомнил я этот скелет. Что ж тогда со мной случилось? Разве скелеты могут глазами моргать — у них же их нету.

— Правильно, нету, — согласился повар. — У них только дырки.

— Ну и я так подумал. И тогда вспомнил про белену. Залез в Интернет, и все про нее прочитал. И про эту самую улицу, где раньше колдуньи жили. У которых глюки были, и они от этого будущее предсказывали. И тут я понял, что этого скелета на самом деле не было. Это у меня глюк от белены случился. Понял?

— Ага. А что дальше?

— Уже ночь была. Все спали. Я подумал: скелета нет. Но со Всезнайкой что-то не так. Надо вернуться и посмотреть.

— И ты пошел назад?! — ужаснулся Кастрюля. — А как же белена?

— В Интернете написано, что рабочие пришли в противогазах. Когда белену рубили. А в шкафу у монтера Молотка, помнишь, противогаз всегда висит?

— Помню, да. На дверце.

— Ну вот. Я его взял и пошел. Пришел. Смотрю, окна все темные. Значит, спит наш мэр. Думал уйти, а потом подумал, может, фонарем через окно посвечу и что-нибудь увижу. Я противогаз одел — и опять перелез в сад. Вначале все-таки этого скелета боялся. Светил, везде его искал. Но его нигде нет.

— Значит, это был глюк, — заключил повар.

— Глюк, конечно. В противогазе было хорошо. Вообще никакого запаха. Дышать, правда, немного тяжело, но я привык. Я к дому подошел. На втором этаже два окна. А как до них доберешься? Трава и сорняки кругом высокие. Темно, хоть глаз выколи. Посветил телефоном, может, думаю, найду что-нибудь. Смотрю — валяется лестница заброшенная. Я ее к стене приставил и потихоньку залез. Прямо к окну.

Кастрюле стало так интересно, что он совсем забыл про лягушачьи лапы. Вдруг он недовольно потянул носом.

— Стряпка! Стряпка! — закричал он. — Лапы!

Из соседнего зала выскочила низенькая малянка. Она разговаривала по мобильному. Передник на ней сбился на бок, поварской колпак она держала в руке.

— Бегу-у! — крикнула она и бросилась в кухню.

— Поздно, — вздохнул Кастрюля. — Носом чую, что поздно. Сгорели лапы.

— Да плюнь ты на них! Добромяс новых наделает.

Кастрюля погрустнел. «Ага, Добромяс, — подумал он. — Их в городе всего пять штук, и только один настроен на нестандартные продукты, такие как мясо креветок или лягушачьи лапы. Так там такая очередь... а если у рыболова Мормышкина купишь, который раньше рыб ловил, а теперь на раков и лягушек переключился — то потом заработаешь себе две недели без сладкого. Потому что убивать живых лягушек противозаконно». А он, Кастрюля, без сладкого умрет — он себя знает!

— Ну, вот, — шептал Пустомеля так близко в ухо Кастрюле, что у того в ухе стало мокро. — Ну, вот. Заглянул я в окно. Ничего не видно. Только слышно — храпит кто-то, как свинья. Я посветил. Вижу: правильно залез, как раз в спальню. Мэр наш на кровати лежит и храпит, как резаный. Ты, может, не знаешь — сам храпишь — но я раньше возле него спал. Он в нашем доме всегда был по громкости второй храпун. После тебя. Ну, так вот. Надо же, думаю. Откуда я так хорошо его слышу? Окно ведь закрыто. Не может же быть, чтобы он через закрытое окно так дико храпел. Он ведь, все-таки, не бегемот и не баран. Посветил телефоном. Гляжу — дыра в стене, под самым подоконником. А из нее провод торчит. Это кабель от Интернета, догадался я. Проводили Интернет, а дырку забыли заделать. В общем, через эту дырку я все и услышал. Это уже потом. Я сначала домой думал идти, раз он спит. Слез на землю. Смотрю, сорняк какой-то кривой. В ветках — развилка. Забрался туда, там лежать удобно. Улегся, думаю, в «гасилки» поиграю.

— А, знаю, это новая игра. Я ее пока не скачал.

— А я скачал. Классная. Там разные чудики летят, а ты их гасишь. Умная игра, кстати. Все время раскидывать мозгами надо, а то тебя самого загасят. Люблю мозг тренировать. Ну, в общем, играю и в окно поглядываю. Это я специально такую игру выбрал. Так, думаю, ни за что не засну. Не помню, сколько чудиков загасил, и меня тоже три раза загасили. Надоело уже, в сон клонит, играю невнимательно. И в противогазе душно. В четвертый раз загасили меня. Вдруг слышу часы бьют, типа такие старинные, я в окно посмотрел — а оно зажглось. Я — на лестницу, к дырке.

— Ну и что? — с интересом спросил Кастрюля, придвинувшись поближе.

— Погоди, не перебивай, — с досадой отмахнулся Пустомеля. — Забуду что-нибудь. Ну, вот. Слышу, он кричит что-то неразборчивое. Какое-то «двадцать

пи» или вроде того. Ну, думаю, это, наверное, со сна. А он опять кричит, и еще громче: «Конец света, конец света!»

— Может, плохой сон приснился? — предположил Кастрюля.

— Вот и я подумал. Стою дальше на лестнице. За подоконник держусь. Вроде тихо. Высовываюсь потихоньку. Штор у него нет, так что все вижу. Вижу: он достал с полки толстенную книгу, лег обратно на свой диван и давай вслух читать. Мне каждое слово слышно. Только все по-научному, я не много запомнил. Там про животных было. Слонов и динозавров. То есть тьфу, динозавров. Что-то насчет того, что они могут растоптать целый город. Такие огромные.

— Ну, а дальше? — спросил Кастрюля.

— Дальше... помню такое было. Как же это... — Пустомеля наморщил лоб, вспоминая. — А, вот: «Самое опасное животное на земле — это человек».

— Ну и что? — спросил Кастрюля.

— Ну вот, — продолжал Пустомеля. — Я тогда мало что понял, а он выключил свет и слышу — захрапел. Ну, я уже такой уставший был, лестницу в траве спрятал и пошел домой. Но решил на следующую ночь снова прийти.

— Ну и как пришел? Ай! — воскликнул повар, потянув носом воздух. — Стряпка, лапы! — отчаянно закричал он. — Не слышишь запах горелого, что ли?!

— Да слышу, не глухая! — донеслось из кухни.

Кастрюля порывался встать, но Пустомеля удержал его.

— Справится твоя Стряпка. Сиди.

Повар послушно сел на место.

— Подряд я три ночи ходил. Сидел там в развилке куста, в противогазе. На телефоне в «газилки» играл, ждал, пока он проснется, а потом слушал через дырку. Его всегда эти часы в двенадцать ночи будят. Своим грохотом. И наконец сегодня ночью я все и узнал, и все понял. Проснулся он: «Где я? Где я?» — говорит. Видать, снова плохой сон приснился. Потом, как всегда, включил свет. Слышу — разговаривает. И какой-то маляничий голос ему отвечает.

— Откуда же там малянка? — удивился Кастрюля. — Да еще ночью.

— Вот и я не мог понять. И тут меня осенило. Да это ж он сам с собой разговаривает и сам себе женским голосом отвечает! Ты ведь знаешь, он часто болтает сам с собой.

— А точно! — припомнил Кастрюля. — Он меня этим всегда пугал. Когда с нами жил. Помню, я как-то ночью случайно проснулся. Кажется, была гроза, и меня гром разбудил. Смотрю, он тоже проснулся. И давай с какой-то ромашкой беседовать. Лежит он в кровати и говорит потихоньку: «Ромашка, Ромашка, я Кактус, приём!» А потом сам себе тоненьким голоском отвечает: «Кактус, я Ромашка, как слышите, приём!» А потом опять басом, за кактуса: «Милая Ромашечка, как я рад, что познакомился с вами. Вы очень интересная малянка». И снова сам себе тонюсеньким голоском отвечает: «И я тоже рада, дорогой Кактусик. С вами так интересно поговорить!»

— Во-во! — хмыкнул Пустомеля, — точно! Только в этот раз это не Ромашка была, а Бренда.

— Это он себе собеседников выдумывает, — хихикнул Кастрюля.

— Собеседниц, — поправил Пустомеля. — Что еще за имя такое выдумал? Бренда. Сбрендил наш мэр совсем.

— Ну, всё. Лапам конец. Носом чую...

— Сиди! Стряпка на месте. Ну вот. Он с этой Брендой опять давай научные разговоры плести. Про какую-то пожарную стену да про разные звуковые волны и про атомы — бред полный, сил нет слушать. И вдруг: «Сейчас, милая Бренда, наступил очень ответственный момент». И сам за нее маляночьим голосом: «О, вы правы». И дальше опять: «Наш родной Цветоград находится в смертельной опасности! В эту трудную минуту городу нужна сильная власть». И поддакивает за нее: «О да. Без власти ничего не получится». И опять за себя говорит: я, говорит, как глава этого города и как мэр... а еще, как этот, как его... газоман...

— Газкомандующий, — поправил Кастрюля.

— Ну да, я и говорю. В общем, говорит, я должен сосредоточить управление в своих руках. Чтобы спасти нас всех.

— А от чего? — спросил повар. — От чего спасти?

— Вот это-то я и не очень понял. Он все говорил про какое-то ядрёное оружие. Нам, говорит, угрожает ядрёная бомба.

— Может, ядерная? — спросил Кастрюля. — Я в одной компьютерной игре такую бомбу видел. Она мне всю игру разнесла, и компьютер завис.

— Точно, ядерная! — хлопнул себя по лбу Пустомеля. — Ну да, конечно, так и сказал: ядерная.

— А чем она нам угрожает? — полюбопытствовал Кастрюля.

— Как чем? С собой, конечно.

— Нет, ну, я имею в виду... откуда она к нам вдруг попадет?

— Как? Ты что, не понял?

— Нет.

— Так он же это все нарочно придумал! Специально выдумал эту самую бомбу. Которая нам, видите ли, угрожает. Это он чтоб власть захватить. Нам, говорит он этой самой Бренде, нужно срочно строить подземный город, где все цветоградцы, мол, от бомбы укроются. Я же сам все своими ушами слышал! И представляешь, какой гад: это, говорит, надо делать в страшной тайне, чтоб никто не узнал. Дескать, построим подземный, тайный город! А назовем мы его...

— Как? — не выдержал Кастрюля, придвигаясь все ближе.

— Тайноград. Вот как. А я, говорит, для того чтобы это все организовать... я должен быть самый первый людишка в городе, и мне все должны подчиняться. Мы, говорит, уже сделали тайное собрание. Глубоко под землей. И чтобы никто не узнал, мы всем там дали тайные имена.

— А какие?! — воскликнул повар, не обращая внимания на запах паленой лягушки, лапы которой уже точно сгорели, потому что Стряпка бессовестно трепалась телефону. — Какие имена?

— Да он так ни одного имени и не назвал. Вот досада. Только сказал, как его самого будут звать.

— Ну и как? Как?

Кастрюле так не терпелось, что он ерзал на стуле.

— Да как-то... я не очень понял. Какой-то, кажется, греческий бог. Зевс, что ли. Или Взес.

— Зевс! Зевс! — радостно воскликнул Кастрюля. — Это же самый главный из всех богов. Он живет в облаках, на высокой горе, и все его должны слушаться. А кто не будет слушаться — он того молнией. Убьет. У меня книжка с картинками есть. «Миф» называется. Я в ней про него читал.

— Вон оно что! — обрадовался Пустомеля. — Теперь все встает на свои места.

— А что? Что встает?

— То. Теперь я уже совсем понял. У него коварный план. Этот Зазнайка-Зевс хочет захватить власть. Чтобы его беспрекословно слушались. Чтоб он командовал всем городом и всеми людишками. А для этого он выдумал какую-то бомбу, которая нам, будто бы, грозит, и от нее нужно строить подземный город, чтобы там прятаться. Он всех этой бомбой запугает до смерти, а они будут бояться и слушаться, и строить какой-то там ненужный город под землей... А пока они будут строить, он их совсем поработит и превратит в рабов, и будет их кнутом по спинам стегать, пока они работают. А сам царем будет.

— Не царем, а богом, — поправил Кастрюля. — Зевс же бог.

— Вот именно, еще лучше.

— Слушай, Пустомелечка, — сказал повар. — И как тебе только все это удалось распутать? Я тебе просто удивляюсь. Я бы ни за что не догадался!

— Да я вначале тоже не догадался. Когда он начал про царей и президентов, я подумал, что это у него от скалки. Которой его по башке стукануло.

— Ну да!

— А теперь я понял, что это у него и раньше было.

— Ты прав, — согласился Кастрюля. — Я и раньше от него про каких-то царей слышал. Только уж не помню.

— Теперь-то он уж царем быть не хочет.

— Он теперь богом быть хочет.

— И всех поработить. Они станут на него молиться, а он будет этим... как его?

— Зевсом, — подсказал повар.

— Вот именно.

Пустомеля умолк и принялся за холодец. Кастрюля обдумывал то, что ему сказал товарищ. С одной стороны, ему было, конечно же, жаль свихнувшегося Всезнайку. С другой — он был очень рад, что у Пустомели появилась новая идея и он забыл про газ. До недавнего времени Пустомеля по десять раз на дню напоминал повару, что уже все практически готово, что вот-вот он свяжется с людишками из Солнцеграда и тогда они с Кастрюлей откроют собственную газовую компанию под названием «Газнаш». И покажут этому Всезнайке-зазнайке, где раки зимуют. Повар этого страшно боялся. Ведь Всезнайка ясно дал понять, чтоб не смели к газу приближаться. А кто приблизится

— тому будет плохо. А они не только приблизились, а подумать только: просверлили газовую трубу! Но теперь все позади. У Пустомели-то всегда семь пятниц на неделе. Подвернулась белена, и про «Газнаш» он думать забыл.

— Вот это да! — сказал наконец Кастрюля.

— Вот тебе и да. А кто слушаться не будет — он того молнией!

Кастрюля боязливо поежился.

— А где ж он молнию возьмет?

— Как где? Молния — это ж электричество. Будет током всех бить. Этого Зазнайку хлебом не корми, дай какую-нибудь машину изобрести. Наверняка уже аппарат сделал, чтоб людишек током бить. Какой-нибудь... электрический стул.

— А почему стул?

— А почему бы и нет? Стул легко подключить к розетке. Сядешь на такой, а он потихоньку кнопочку нажмет... или дистанционным управлением.

Повар вдруг вскочил со своего стула и стал его осматривать.

— Ты чего? Да не бойся! Он еще не успел все стулья к электричеству подключить. Сядь ты! Но скоро обязательно подключит.

Повар боязливо присел. Он давно махнул рукой на сгоревших лягушек. Не до них теперь. Друзья молча сидели и соображали. Кастрюле вдруг пришла в голову ужасная мысль. Пустомеля это заметил по выражению ужаса, появившемуся на лице друга. Глаза у него округлились, рот разинулся, лоб покрылся капельками пота, и повар затрясся мелкой дрожью.

— Пустомелечка, — схватил он друга за рукав. — Я не хочу!

— Чего не хочешь?

— Не хочу... под землей... работать. И чтобы меня... кнутом... и током...

— Я тоже не хочу.

Кастрюля все трясся.

— Что же мы будем делать?

Пустомеля ласково похлопал друга по щеке.

— Не бойся. Если в городе есть хотя бы один такой гражданин, как я, значит не все потеряно. Свобода победит!

Глава тридцать третья ОБЕД ВЕЛИКАНОВ

Космонавтки написали план контакта с людьми, а заодно и позавтракали. Центавра покормила Пшуху. После завтрака Альфа уже так не боялась.

— Подумаешь! — сказала она. — Глазищи, что твои подносы. И совсем-то я вас не боюсь, можете себе открываться и закрываться сколько угодно!

По плану нужно было снова лететь к станции людей и заглянуть в другие иллюминаторы. Центавра собрала необходимое оборудование. Космическую видеокамеру, фонарь, лазерную указку, а также специальный прибор под названием лазерофон. В космосе звук не распространяется, потому что нет воздуха. Но с помощью лазерофона можно слышать, что говорят на другом

космическом корабле. Это делается с помощью лазерного луча. Его направляют сквозь стекло иллюминатора на какую-нибудь гладкую поверхность внутри корабля. Например, на стол или на пластиковую дверцу шкафа. Когда внутри корабля разговаривают, звуки заставляют эту поверхность колебаться. Отраженный луч попадает обратно в лазерофон, и прибор считывает с него колебания, в точности воспроизводя все звуки, которые слышны в помещении. А сам лазерофон подключен к шлему космонавтов через блутус — так что, находясь снаружи корабля, они прекрасно слышат всё, что происходит внутри.

— А все-таки, — сказала Альфа, когда они надевали скафандры. — А вдруг... вдруг эти страшные гиганты как-нибудь нас... раздавят?

— Ты чего?! У них же там, на станции, невесомость. А в невесомости даже самый огромный гигант ничего не весит. Как же он может тебя раздавить, если на него не действует сила тяжести?

— Ты так думаешь? — сказала Альфа.

— Конечно! Надевай скафандр.

На этот раз навигатор уже знал, куда лететь, и вскоре космораблик снова присосался к керамическому носу станции. Прошел почти целый час, и по отзавешенным иллюминаторам малянки поняли, что люди уже встали. Нужно было быть осторожными, чтобы великаны их не заметили. Ступая присосочными ботинками по гладкой поверхности станции, они дошли до того самого иллюминатора, в котором видели огромную Сильвию. Как и в прошлый раз, пользуясь присосками на локтях, малянки подползли и осторожно заглянули внутрь.

— Никого нет, — шепнула Центавра. — Пошли дальше.

До следующего иллюминатора было метров десять, а для людишек это значительное расстояние. Малянки встали на ноги и пошли вперед. Для них это было привычное дело — космонавтки раз в неделю выходили из своего космодомика, чтобы протереть солнечные батареи от космической пыли. Батареи не вращались вместе с домиком, а висели неподалеку, соединенные электрическим проводом.

На гладкой поверхности станции, где не было иллюминаторов, так что великаны не могли их заметить, Альфа осмелела, и у нее сразу улучшилось настроение.

— Сколько места! — воскликнула она, быстро перебирая присосками. — Догоняй! — крикнула она Центавре.

Станцию людей ярко освещало солнце. Но малянки продвигались по теневой стороне, чтобы оно их не слепило и чтобы люди их не заметили. Ведь в космосе — не как на Земле. Там, если ты в тени, то тебя совершенно не видно. Без воздуха свет не рассеивается. В космосе, если ты на солнце, у тебя ясный день, а когда в тени — черная-пречерная ночь. Малянки освещали себе дорогу фонариками, вделанными в рукав скафандра. Впереди они увидели светящийся полукруг. Это был еще один иллюминатор.

— Этот иллюминатор в два раза больше, чем тот, где живет Сильвия, — сказала Альфа.

Малянки легли на животы и поползли вперед. Наконец они подползли к самому краю. В гигантском круглом окне горел свет.

— Ну что? Хочешь заглянуть?

— Лучше ты.

— Ладно.

Они выключили фонарики. Центавра подтянулась за толстый край иллюминатора и, выдвинув голову, самым краешком глаза заглянула внутрь.

— Ну что? Что там?

Центавра выдвинулась еще немного и смотрела обоими глазами.

— Иди сюда, не бойся! — позвала она.

Альфа тоже заглянула. Это был главный салон космической станции, называемый кают-компания. Кают-компания была огромная, как кинотеатр. Посередине — привинченные к полу стол и скамейки возле него. За столом сидели четыре человека-великана. В невесомости не так-то просто сидеть, потому что нет силы тяжести, которая бы прижимала сидящего к сидению. Но если и стол, и стулья привинчены к полу, то кое-как сидеть можно. К скамейкам были приделаны липучки, а сзади на комбинезонах космонавтов были тоже липучки. Вот так, с помощью липучек, они и сидели.

Альфе с Центаврой все было видно вверх ногами.

— Давай переползем туда, — предложила Центавра, показав на противоположный край иллюминатора. — Тогда будем видеть их не вниз головой, а как надо.

Малянки осторожно обогнули иллюминатор и заглянули с противоположной стороны.

— Вон она, — показала Альфа рукой. — Вон, желтоволосая.

Это была та самая женщина, которую они видели спящей.

— Сильвия, — прочла Центавра по-английски.

— А рядом с ней? Которая совсем смуглая? С черными волосами и черными глазами.

— Дай-ка прочитаю... Ин... ин-дира.

У каждого космонавта спереди, на комбинезоне, был флажок его страны и имя. На Саре и Индире были блестящие розовые комбинезоны, а на двух космонавтах-мужчинах, сидящих напротив, — голубые.

— А эти двое, — кивнула Альфа, — малянцы.

— Мужчины, — поправила Центавра.

— Ну да. Они сильно отличаются от тех, — кивнула она на Индиру с Сильвией. Жа... же... как их там?

— Женщин.

— Ну да. У них такие широкоплечие плечи.

Очевидно, люди-космонавты завтракали. Поверхность стола была железная, и у каждого предмета, стоявшего на ней, был маленький магнит, так что всё лежало и не улетало. Кроме этого, на столе было несколько полос липучки, к которым были пристегнуты круг колбасы, две пачки жидкого сыра бри и длинный огурец. Перед космонавтами стояли магнитные тарелки размером,

наверное, с двуспальную кровать людишек, и лежали магнитные вилки, каждая — с лопату, не меньше.

Вначале малянкам показалось, что перед ними не живые люди, а застывшие скульптуры. Но потом выяснилось, что великаны все же двигаются. Но только очень медленно. Челюсти их опускались и поднимались.

— Пережевывают пищу, — шепнула Центавра.

Голубоглазый космонавт-мужчина протянул руку. Это движение было очень медленным. словно экскаватор протянул свой ковш. Мужчина отстегнул от стола палку колбасы. Затем медленно взял в руки нож. Открыл рот и стал шевелить губами. Он что-то очень медленно говорил остальным. Все это, конечно же, происходило в полном безмолвии. Альфа с Центаврой были снаружи, где нет воздуха, и звук не мог достичь их ушей. Желтоволосая Сильвия медленно подняла глаза на мужчину и медленно покачала головой. А смуглая Индира медленно пошевелила губами, медленно улыбнулась и медленно кивнула. Второй мужчина тоже кивнул.

— А-а, — догадалась Альфа, — это он им предложил колбасу.

Мужчина долго отрезал кусок колбасы. Точно бревно пилил. Наконец протянул круг Индире. Потом отрезал еще один, второму мужчине. Эти колбасные круги были размером с крышку входного люка в космораблике малянок. Наконец мужчина отрезал третий кусок — себе, а палку колбасы положил на стол. Но он забыл пристегнуть ее на липучку, и освободившаяся колбаса отпружинила от стола и медленно всплыла к потолку.

На лица людей напоззли улыбки. Рты их растянулись. Они смеялись.

— Не понимаю, — сказала Альфа. — Почему они такие медленные? Может, у них на корабле замедление времени? По теории Эйнштейна.

— Да нет, — сказала Центавра. — Они просто очень большие. В десять раз больше нас, поэтому и двигаются в десять раз медленнее.

Сильвия медленно подняла руку и показала на плавающую под потолком колбасу. Кажется, она о чем-то спросила, потому что тот космонавт, что отрезал колбасу, отрицательно покачал головой.

— Она сказала, что достанет колбасу, — предположила Альфа, — а он говорит: не надо, я сам достану, потом. — Интересно было бы услышать их разговор.

— Для этого я и захватила лазерофон.

— Молодец! Это ты здорово придумала!

Центавра вытащила из кармана скафандра прибор и направила луч на поверхность стола, на котором ели космонавты. Луч был инфракрасный, так что его было не видно глазом. В наушниках появился звук.

— Очень громко! — поморщилась Альфа.

— Извини, — сказала Центавра. — Попробую громкость настроить.

Она старалась нажать на кнопку уменьшения громкости, но пальцы перчаток у скафандра страшно толстые, и ей никак не удавалось. Наконец получилось немного убавить звук. В наушниках стоял какой-то низкий гул, как во время грозы.

— Это они жуют, — догадалась Альфа.

И правда, шум исходил от жующих челюстей гигантов.

— Как этого голубоглазого зовут? — спросила Альфа.

— Иван, — прочла Центавра на табличке мужчины.

А что у второго написано, малянкам было не видно, он сидел немного боком. Голубоглазый Иван медленно протянул руку и взял со стола коричневый тюбик.

— Наверное, шоколад, — предположила Альфа.

Все текучие продукты космонавты хранят как зубную пасту — в тюбиках. Жидкость в космосе нельзя никуда налить, потому что нет силы тяжести. Если откроешь бутылку с водой и попытаешься налить в стакан, вода не станет выливаться, потому что никакая сила не тянет ее вниз. Можно тряхнуть бутылку, но тогда вода вылетит из нее, шлепнется о дно стакана, отскочит кверху и разлетится по всему кораблю. Таким образом попить не удастся. Так что для того, чтобы попить, космонавты выдавливают воду из тюбика себе прямо в рот. То же самое они делают, когда едят суп, кашу или, скажем, варенье.

Иван открыл тюбик с шоколадом. Поднес ко рту. Сложил губы трубочкой. Послышался звук, которой бывает, когда в водопроводном кране кончается вода. Иван всасывал шоколад.

— Отвратительный звук, — сказала Альфа.

— Потерпи, — сказала Центавра.

Сильвия открыла рот и зашевелила губами. Она что-то говорила, но очень медленно и ужасно низким басом. Так бывает, когда проигрывают записанный разговор на низкой скорости. Конечно же, если бы там были вы, уважаемые читательницы и читатели, то для вас голос космонавтки Сильвии был бы вполне обычным. И даже высоким и красивым. Сильвия, кстати сказать, умела красиво петь, чем всегда радовала космонавтов. Но для маленьких людишек — движения людей в десять раз медленнее, чем их собственные. Поэтому и язык, и губы, и голосовые связки, которые находятся в горле, движутся очень медленно и производят звуки низкой частоты. Людишкам понять такую речь никак невозможно! Но и великаны не поняли бы людишек, потому что их речь показалась бы им страшно быстрой, тихой и тоненькой, как писк комара.

— Какой кошмар! — не выдержала Альфа. — Мы ничего из их разговоров не поймем. Мало того, что язык не знаем...

— Я, может, знаю, — сказала Центавра. — Наверное, она говорит по-английски. А я как раз и знаю именно этот язык людей.

— Ты можешь что-нибудь разобрать? — морщась, спросила Альфа. Правда, сквозь толстое стекло скафандра не было видно, что она морщится. — Если бы можно было записать, а потом прокрутить быстрее...

— Можно. Я запишу, что они говорят, а потом прокрутим.

Центавра включила лазерофон на запись. Они подождали достаточно времени, чтобы люди успели произнести несколько фраз. Центавра нажала на воспроизведение и увеличила скорость в десять раз. И малянки услышали разговор великанов людей. Правда, совсем короткий.

— Ну как? — спросила Альфа, когда Центавра в третий раз прокрутила беседу великанов.

— У них такое произношение, что трудно понять. Погоди-ка. Вот. «Дайте мне кусочек колбасы». «Вам толстый или тонкий?» «Средний».

Центавра умолкла.

— А дальше?

— Дальше всё.

— Что всё?

— Конец. Больше ничего не записалось.

— Нет, ну ничего себе! — рассердилась Альфа. — Торчим тут в открытом космосе уже черт-те сколько времени, чуть всю память лазерофона не забили, а записалось только «Дай колбасу!» «На!». Как с этими великанами вообще можно общаться? Какие-то улитки.

— Ничего не улитки, — возразила Центавра. — А очень даже интересные... существа.

Когда наблюдаешь за великанами, время тянется бесконечно. Представьте, уважаемые читательницы и читатели, что вы слушаете беседу двух семиэтажных домов. Пока они парой слов перекинутся, уснуть можно. Сильвия беседовала с Индирой. Огромные космонавтки медленно шевелили губами. Лазерофон долго записывал речь людей, потом быстро проигрывал малянкам с десятикратной скоростью, затем начинал записывать снова. Получалось, из десяти минут Альфа с Центаврой девять ждали, а одну — слушали. Альфа зевала. Ей это все порядком надоело. Альфа была непоседой. Недаром в прошлой жизни ее звали Егзой.

Но Центавра не обращала на подругу внимания. На уроках зоологии в космошколе их учили терпеливо наблюдать за неторопливыми движениями крупных животных и записывать в дневник их действия. А эти были еще какие крупные. «Если стоя, то этажа до седьмого достанут, не меньше, — думала Центавра. — А если поднимут вверх руки, то и до десятого. А если подпрыгнут...». Она вслушивалась в низкий гул голосов, ожидая, пока запишется достаточно, чтобы прослушать на нормальной скорости. Малянка уже привыкла к их английскому произношению. Может быть, думала Центавра, они упомянут про свое ядерное оружие?

Но они пока что не упоминали. Сильвия рассказывала, какой она себе купила замечательный купальник перед вылетом на орбиту, и как через три месяца, когда она приземлится, то поедет на Канарские острова и будет валяться на песке и купаться в море целых две недели без перерыва. На этот рассказ ушло минут пять, но для людишек пять минут — как нам пятьдесят. Альфа потихоньку дремала в своем скафандре, закрепившись присосками за край иллюминатора.

А голубоглазый Иван разговаривал со вторым великаном-мужчиной на непонятном Центавре языке. «У него флаг России, — сказала себе Центавра. — Значит, говорят по-русски. Жаль, я не изучала этот язык. Может, они как раз и обсуждают ядерные бомбы, кто их знает. Впрочем... лазерофон все сохранит.

Вернемся в космодомик, скачаю переводчик... с сайта солнцеградского института языков. У них должен быть переводчик с русского».

Наконец проснулась Альфа.

— Ну как? — спросила она, пытаясь потянуться внутри скафандра. — Черт, так неудобно в нем спать. Все кости ноют.

— Да погоди ты, — досадливо отмахнулась Центавра. — Кажется, эта Сильвия кончила уже рассказывать про свой купальник.

— Какой купальник? — зевнула Альфа.

— Синий, в желтую полоску. Раздельный. Она в нем собирается загорать на Канарских островах.

— Она с ума сошла! На ее грудь — раздельный купальник?

— Вообще-то, я тоже так думаю. У этих великанш никакого эстетического вкуса нет.

— Купальник ей нужен цельный, так ей и скажи! Синий в желтую полоску пойдет. Волосы-то у нее желтые, и глаза — синие. Но только я на ее месте вместо полосок купила бы со звездами. Полоски либо толстят, если они горизонтальные, либо удлиняют, если вертикальные. А куда такой громадине еще утолщаться или удлиниться?

В это время космонавт Иван снова потянулся за шоколадом.

— О-ох, — простонала Альфа. — Есть хочу, голодная.

— Потерпи...

Иван медленно взял тюбик. Отвинтил крышку. Поднес ко рту. Стал всасывать жидкий шоколад.

— Не могу на это смотреть. Пойдем пообедаем!

— Погоди. Раз уж начали за ними наблюдение, давай еще чуть-чуть подождем. Может, про ядерную бомбу скажут.

— Ммм, — сердито пробурчала Альфа. — Слушай! — воскликнула вдруг она. При этом, забывшись, Альфа сильно хлопнула подругу по плечу, так что та едва не улетела в открытый космос. Две присоски отстегнулись, а третья не отстегнулась, а то бы Центавра улетела. — Слушай! — сказала Альфа. — А пошли-ка вступим с ними в контакт!

— Ты что, с ума сошла? Это не по плану.

— Да черт с ним, с планом. Может, они нас шоколадом угостят?

— Нельзя. Надо вначале все как следует разузнать. Записать много часов разговора.

— Чего там разузнавать? И так ясно! Едят себе и едят. И в купальниках загорают. По-моему, все понятно.

— Подождем еще часок. Может, про ядерную бомбу скажут. Тогда не надо будет в контакт вступать.

— Часо-ок?! Да в таком темпе, пока они начнут говорить про свою ядерную бомбу, надо месяц ждать. А то и год. У нас кислород кончится!

— Новые баллоны возьмем.

— Да мы тут очумеем. Ждать, пока им вздумается ядерную бомбу обсуждать. Они вдесятеро медленнее нас говорят. А вдруг им вообще не вздумается? Или вздумается через неделю?

— Что же ты предлагаешь? Оставить тут лазерофон и прилететь за ним через неделю?

— В нем столько памяти нет. Пошли напрямую спросим.

— У кого?

— Как у кого? У них, конечно.

— Думаешь, скажут?

— А чего нет?

Центавра немного подумала.

— В космошколе нам объясняли, — сказала, наконец, она, — что так нельзя. Нельзя идти на контакт без разрешения. И вообще, к контакту надо готовиться. Ты же видела, на сайте Ассоциации космонавтов-людишек черным по белому написано, что нельзя! Нельзя вступать в контакт с инопланетянами без разрешения.

— А я тебе уже черным по белому сказала, что никакие они не инопланетяне! Они с нашей планеты.

— Ну и что?

— А то, что значит, это никакой не контакт. А просто знакомство.

— Нет, ну это же опасно. Мы должны все продумать. Как мы будем с ними общаться. Что скажем. Мы это еще не записали в план.

— Ну, ты записывай, а я пошла.

И не успела Центавра схватить ее за руку, как Альфа поползла на середину иллюминатора.

— Стой! — кричала ей Центавра по радио, не решаясь пойти за подругой. Альфа доползла до середины и постучала в толстое стекло рукой.

— Ты что?! — кричала Центавра, маша на подругу руками. — Вернись сейчас же! Заметят!

Великаны не могли видеть Альфу. Эта сторона станции лежала в тени, и на малянку не попадало никакого света. Но Альфа не растерялась. Она включила лазер, который был у нее на фонарике, и стала светить им на великанов.

— Что ты творишь?! — возмутилась Центавра. — Перестань сейчас же. Беги назад! Есть еще время уйти.

Альфа не слушала ее. Она поняла, что лазерное пятнышко бегает слишком быстро, великаны не успевают его заметить. Малянка направила лазер на лицо Сильвии и стала рисовать у нее на правой щеке кружок. Очень медленно. Дорисовала — начала на левой. Потом медленно обвела лазером губы великанши. Центавра в ужасе следила за действиями подруги. Она увидела, как у Индиры — которая в этот момент говорила (а Сильвия ее слушала) — постепенно выпучились глаза. Смуглая великанша замолчала, и ее нижняя челюсть поехала вниз. Индира принялась поворачивать голову. Повернула направо, поглядела. Затем стала поворачивать голову налево. Великанша искала: может, это хулиганская проделка Ивана или другого космонавта? Но нет, мужчины были

заняты разговором и не обращали на великанш внимания. Слушая своего собеседника, Иван медленно жевал колбасу, а тот медленно жестикулировал. Индира снова повернулась к Сильвии и увидела, что красный огонек перепрыгнул ее собеседнице на лоб и рисует на нем равнобедренный треугольник.

— Нет, ну зачем ты хулиганишь! — сказала Центавра, все еще не решаясь подойти к подруге. — Есть правила, по которым вступают в контакт.

— Вообще я не хулиганю, — отозвалась Альфа. — Нас так преподаватель по внеземным цивилизациям учил. Его звали Галактион, помнишь? С незнакомыми существами нужно начинать с геометрических фигур. Потому что буквы наши они не поймут, а геометрические фигуры — общие по всей Вселенной.

Сильвия, видимо, поняла, что с ней что-то не так, потому что выражение ее лица изменилось. Она тоже повернула голову, и луч лазера попал великанше в глаз. Женщина медленно зажмурилась, но успела заметить, что лазер светит снаружи, сквозь иллюминатор. На лице ее появилось удивленное выражение. Индира проследила взгляд Сильвии и тоже увидела, что свет идет из иллюминатора.

— Интересно, что они подумали? — сказала Альфа.

— Ну... может, решили, что это их коллеги прилетели на другом корабле и прикалываются, — предположила Центавра.

Но у Индиры было такое выражение лица, что было ясно: ей не до приколов. Черные волосы великанши стояли дыбом, словно наэлектризованные. В это время лазерофон как раз окончил записывать звуки людей и стал проигрывать их с десятикратной скоростью. Малянки услышали, как Индира с Сильвией вскрикнули. Индира испуганно, а Сильвия удивленно, и еще Сильвия что-то сказала, и космонавт Иван тоже что-то сказал.

— Что они говорят? — спросила Альфа, не переставая светить лазером на Сильвию.

— Женщины говорят: «Что это? Что это?», — перевела Центавра. — А Иван говорит: «В чем проблема?»

Сильвия медленно протянула руку, сжала в кулак все пальцы, кроме указательного, а указательный распрямила и показала им на иллюминатор, откуда светил лазерный луч. Иллюминатор был сделан из толстого двойного стекла, на котором преломлялись и отсвечивали красные лазерные огоньки. Великаны-мужчины повернули головы, и Центавра увидела, как их челюсти, словно кузова самосвалов, опустились вниз.

— Иди сюда, чего боишься! — позвала Альфа Центавру. — Если что — дадим деру в открытый космос. Они нас там никогда не найдут.

Центавра встала на коленки и, пользуясь присосками, поползла к Альфе.

— Ну и балда же ты, — сказала она, добравшись, наконец, до подруги.

Лазерофон кончил записывать и выдал низким голосом: «Это чья-то шутка». Это сказал по-английски второй мужчина-космонавт.

— Это чья-та шутка, — перевела Центавра. — У него тоже российский флаг. Пан... Пан-те... — Теперь она могла видеть табличку второго мужчины,

который повернулся в их сторону. — Пантелеймон, — прочла наконец Центавра. — Так его зовут.

— Ну и имечко, — хрюкнула Альфа.

Пантелеймон, как и Сильвия, не боялся. Хотя к иллюминатору не подходил. Но Иван с Индирой, отталкиваясь руками от стен, отодвинулись подальше, вглубь станции. Альфа включила свой нарукавный фонарик и стала светить им через иллюминатор на людей. Она описывала фонариком круговые движения. Сильвия медленно приблизила к иллюминатору свое огромное лицо.

— Господи, какая громадина, — сказала Альфа, разглядывая великаншу. — Как через лупу. Все поры на коже видны.

— А она нас оттуда не видит, — догадалась вдруг Центавра. — Мы же в тени. Можем еще уйти, и они так ничего и не узнают. Решат, что померещилось. Ведь даже если они наденут скафандры и выйдут из корабля, чтобы посмотреть, кто это тут хулиганит — это у них займет столько времени, что мы до своего космодомика доберемся. Им нас ни за что не догнать!

— Вот еще! — возмутилась Альфа. — Удирать на самом интересном месте? Ни за что!

Она повернула фонарь и осветила себе лицо.

— Что ты делаешь? — закричала Центавра. — Она тебя увидит!

Но Альфа не ответила и медленно перевела фонарь на Центавру. Наконец великанша Сильвия увидела маленьких космонавтов! Это было заметно по ее лицу. Глаза великанши еще больше, чем прежде, округлились, рот раскрылся — но не от испуга, а от удивления. Женщина увидела двух крошечных существ в скафандрах, которые снаружи заглядывали в иллюминатор.

— Нужно было все продумать! — злилась Центавра. — План...

— План — ерунда, — сказала Альфа. — В нем обязательно случится прокол. Так всегда бывает. Лучше всего — экспромт. Я же в прошлой жизни играла в оперетте. Я тебе это точно скажу. Когда роль выучишь и все такое, то вечно язык заплетается, и руками забываешь, как правильно двигать, чтобы в такт пению. А вот когда экспромтом...

— Ага, — будет тебе сейчас оперетта, — сказала Центавра, кивая на Сильвию.

— Какая громадина, — сказала Альфа. — С вагон поезда. Или экскаватор. Сможем ли мы войти в контакт с такой громадой?

— Это ты *теперь* говоришь? — зашипела Центавра.

— Может, бегом в корабль и деру? — поддразнила подругу Альфа.

— Я тебе дам деру. Дурачить существ чужой цивилизации? Этому разве нас учили в космошколе? Раз показались, обязаны войти в контакт.

Центавра вдруг расхрабрилась и, освещая себя фонариком, помахала гигантской женщине рукой.

— Не маши так быстро, — посоветовала Альфа. — Она твою руку увидеть не успела. Машешь, как вентилятор.

Глава тридцать четвертая В БОЛЬНИЦЕ

Вечером Шприц сидел в своем кабинете главврача больницы, и ему ничего не хотелось делать. В городе начинал свирепствовать грипп. Нужно было срочно проводить иммунизацию среди тех, кто еще не заболел, и лечить уже заболевших. Для маленьких людишек грипп — серьезное дело. Но настроения на все это не было. Дела Тайкома очень расстраивали доктора. Мэр назначил его директором и главным врачом всех подземных больниц. К завтрашнему заседанию Шприц должен был составить медицинский план города Тайнограда. Сколько больниц, где они будут расположены и как будут называться, сколько в каждой больнице отделений, врачей и медсестер, на сколько больных рассчитаны, какое понадобится медицинское оборудование, и так далее, и так далее. Шприц сидел перед компьютерным экраном, и он уже даже написал начало: «В Тайнограде должно быть ... больниц», только не знал, какое число вписать вместо многоточия.

Его все отвлекало. В коридоре кашляли инфекционные больные. Кого-то рвало, другие плакали или визжали, отказываясь принимать лекарство. За окном выли сирены «скорой помощи». Топая кованными сапогами, на ступеньки взбегали санитары, чертыхаясь и роняя носилки с больными, которые издавали протяжные стоны. В кабинете звонил телефон — Шприц не брал трубку. На мобильный тоже звонили — он не отвечал. Факс плевался факсами, а из 3D-принтера поминутно вываливались в приемный таз 3D-сканированные пластиковые органы больных. На этот 3D-принтер Шприцу присылали особо трудные случаи. Таз давно переполнился, и этих легких, сердец, мозгов, почек, печеней и желудков скопилось на полу уже целая гора. На все это Шприц никак не реагировал. Он только брезгливо откинул ногой две почки с камнями и одно наглосе сердце, закатившиеся к нему под стол.

Шприц еще сильно проголодался, и на столе у него стояла накрытая салфеткой тарелка с картофельными оладьями, принесенная медсестрой Глюкозой. Она еще принесла земляничное варенье в пластиковой мензурке. Но Глюкоза своим появлением сбила доктора с мысли, и он теперь был очень сердит. Он переставил оладьи на самый дальний край своего медицинского стола, заваленного папками, лекарствами и анализами больных. Но оладьи продолжали мешать оттуда, и своим поджаристым запахом, смешанным с ароматом земляничного варенья, сбивали его с мысли. Шприц готов был уже на все плюнуть и накинуться на оладьи. Но он все-таки решил хоть что-то полезное сделать: придумать число подземных больниц и вписать вместо многоточия. Небольшое мозговое усилие — и он займется оладьями, пока они еще тепленькие.

Неожиданно дверь распахнулась без предварительного стука. Черт, оказывается, он ее забыл за Глюкозой запереть!

— Уважаемый мой! — в кабинет, с трудом переводя дыхание, ворвался математик Интеграл. — Наконец-то я вас нашел, икс вы мой неуловимый! Один говорит — триста двадцатый кабинет на третьем этаже, другой — шестьсот сорок восьмой на шестом, третий — вообще посылает куда подальше, в другое здание! Лифта у вас дождаться невозможно. В общей сложности тридцать два этажа пешком пробежал!

— Извините, я вас совершенно не могу принять, — сдерживая гнев проговорил Шприц. — Нет, нет, нет и нет! — мотал он головой. — Я не могу сейчас ни с кем разговаривать! Я до краев переполнен! Я воспаленный аппендикс! Еще одно слово — и я взорвусь гноем!

Математик остановился ошеломленный.

— Но треугольный вы мой! Дело очень серьезное.

— Послушайте, если заболели — обратитесь в приемный покой. А меня оставьте в покое!

— Но это не я заболел!

— Ну так ваш сосед! Друг? Приятель?

— Да нет... все наше дело заболело. Наш Тайный комитет. Я вам сейчас объясню! У нас, кажется, в знаменателе ноль, коллега!

— Какой еще знаменатель?! Какие нули?! Вы меня с ума свести решили!

— Да ведь профессор Великаш...

— Кто такой? Не знаю!

— Ну как же, дискриминант вы мой отрицательный? Великаш тот самый, Всезнайкин, то есть тьфу, Зевсов, знакомый... профессор-людоед.

— Людоед?!

— Не людоед, а людоед. Тот, кто изучает людищ огромных. Мы — людишки, а они — людищи. Великаны агрессивные. И очень сердитые.

Шприц исподлобья глянул на математика.

«Самый сердитый здесь я», — подумал он. Он проглотил слюну и встал из-за стола. Затем выдвинул глубокий письменный ящик стола и засунул в него подальше вкусную еду, принесенную Глюкозой. Завалил тарелку с оладьями кипой медицинских анализов и задвинул ящик.

Под грудой анализов, в глубинах письменного стола оладьи почти не пахли.

— Ну и что? — устало сказал Шприц.

У него внезапно кончились все силы. Он налег локтями на стол и положил голову на сложенные ладони. А математик придвинул стул и сел с другой стороны стола, напротив доктора.

— Так вот, — сказал он. — Корень вы мой кубический. Я с ним случайно сегодня встретился на научной конференции. И никакой он не Зевсов друг, и даже с ним совсем не знаком. Да он, если хотите знать, вообще с ним никогда не встречался и не разговаривал.

— Кто с кем? — прошептал Шприц.

Математик покосился на выплюнутую 3D-принтером печень с явными признаками цирроза.

— Великаш, профессор Великаш! — сказал он. — Не говорил он Зевсу ни про какой емейл людей и ни про какую ядерную бомбу. И нет бомбы вообще! То есть она, может быть, и есть, но никто ее на нас бросать не собирается!

«Когда же он, наконец, уйдет?» — подумал Шприц и ему представилось, как в темной глубине ящика покачивается высокая стопка горячих картофельных оладий и как от них идет пар, а они от этого стынут. Доктор тяжело вздохнул.

— Вы ведь помните, как Зевс зачитал нам емейл президента. Что он приказывает своим ученым-великанам сбросить на нас ядерную бомбу.

— Ну да, — встрепенулся доктор. — Как же, я помню! Тридцать первого января.

— Не января, а декабря.

— Да какая разница? Декабря, января...

— Разница еще какая, конус вы мой усеченный! Целый лишний месяц пожить можно. Это для великанов месяц мало времени. Пока они своими ручищами-ножищами огромными пошевелят, целый месяц пройдет. А для нас месяц...

— Ну, хорошо, хорошо, — перебил Шприц. — Что же сообщил вам этот Великаш?

— Ну как же, я же вам говорю! Он сказал, что не посылал Зевсу емейла и что вообще никакого емейла от людей в глаза не видел.

— Ха-ха. Но ведь Зевс... да какой там Зевс, сделайте милость, зовите его по-человечески: Всезнайкой! Так вот, я же говорю, Всезнайка сам нам сказал, что Великаш, его приятель, показал емейл при встрече.

— А вот Великаш говорит, что никогда не встречался с Зевсом, то есть я имел в виду со Всезнайкой, и вообще впервые слышит это имя.

— Какое? Зевс или Всезнайка?

— Да нет, про Зевса он вообще не знает. То есть что я говорю, Зевса-бога греческого он, конечно же, знает, но он не знает, что этот бог на самом деле Всезнайка и есть. То есть что я говорю, вы меня совсем запутали, логарифм вы мой десятичный! Он про богов всё знает, что и другие образованные людишки, но он ничего не всезнает про Всезнайку.

— Не знает Всезнайку?

— Нет. В глаза его, говорит, не видел и имени этого не слышал.

— Что же он не слышал про нашего мэра?

— А он, говорит, не интересуется политикой.

— Хм.. может это просто другой Великаш? Мало ли таких Великашей?

— Этот Великаш — директор лаборатории людоведов. В Солнцеграде. Он и правда написал книжку о людях, ту самую которую

показывал нам Всезнайка. Я на первой странице видел его портрет. Он же эту книгу написал, вот там и поместили его портрет. Портрет автора всегда печатают на первой странице. Я этот портрет там видел, и это точно он.

Шприц встал из-за стола и прошелся по комнате, заложив руки за спину. Он старался сосредоточенно думать, но поминутное урчание в собственном животе сбивало доктора с мыслей.

— Нет, ну погодите, — сказал он. — Что же выходит? Ведь люди эти, великаны, должны произвести свое ядерное испытание. У нас в городе. Всезнайка это нам ясно объяснил. Этот их президент, как там его Всезнайка называл? Васер или Масер?

— Насер. Насер Арафат.

— Правильно, Насер Арафат, точно. Всезнайка так тогда и сказал. Так вот, этот Насер приказал сбросить свою бомбу прямо в нашем квадрате.

— Вот именно! В квадрате, а координаты его центра совпадают с координатами Цветограда.

— Ну вот, вы и сами помните. Насер — явно серьезный тип. Он шутить не будет. Раз он написал такой емейл, значит...

— Насер давно умер. Я про него в Интерпедии прочел.

— Умер? Не может быть.

— Может. Великаны — совсем не то, что людишки. Они частенько умирают. Насера нет, и там теперь совершенно другой президент.

Шприц почесал шапочку с красным крестом, которую всегда носил на голове.

— Это какая-то ошибка, — сказал он. — Кто же тогда сбросит на нас бомбу? Тот, новый президент?

— Нет. Он очень миролюбивый и, вообще, Великаш точно знает, что у этого президента никакой ядерной бомбы нет. И раньше не было.

— Нет. Не понимаю. Мы уже подготовились. Купили противоракетный комплекс. Запустили в космос систему. Построили подземный город.

— И застраховали Цветоград на сто тысяч миллиардов! — подхватил Интеграл. — Мне Всезнайка-Зевс сам этот страховой полис показывал. Правда, это очень длинный документ. Многостраничный. Всезнайка помахал им перед моим носом — я ничего заметить не успел.

— Ну вот, видите! Полис-то все-таки есть. И после этого вы говорите, что никто на нас ничего не сбросит. Зачем тогда было страховаться? Бред какой-то, а? Косинус вы мой, многогорбый. Поделенный на синус.

— Можете меня звать просто котангенс.

Шприц недоуменно поднял брови.

— Это почему?

— Косинус делить на синус будет котангенс.

— Ах, ну да...

— Великаш мне вот что объяснил. Люди не будут сбрасывать бомбу. Они давно это всё запретили.

— Послушайте, Интеграл. Не хотите оладий?

— Картофельных? Хочу! — поспешно ответил математик. — Знаете, я как только сюда вошел, сразу же почуял их запах. Я даже подумал, что может быть, оторвал вас от этого приятного занятия.

— Занятия?

— Ну, да. Вдруг вы кушали оладышки, а я вам помешал, когда сюда вот так вбежал... без стука. Может быть, вы как раз полдничали.

— Нет, что вы, что вы. Я не полдничал, а вы абсолютно не помешали. Вы пришли с таким важным делом и совершенно правильно сделали, что ворвались без стука. Знаете ли, я последнее время был так занят, что ни за что бы вас не впустил, если б вы постучали. Такое время: самый разгар осени, грипп на носу, людишки заболевают... А тут еще все это тайное дело, и мне надо заниматься подземными больницами...

— А где же они? — спросил Интеграл и оглянулся.

— Как где? Там, — доктор показал пальцем вниз. — Под землей.

— Нет, — сказал Интеграл, — я имею в виду оладышки.

— А-а, — засмеялся Шприц и выдвинул ящик стола. — А они вот!

Глава тридцать пятая НУ ВОТ МЫ ИХ И ЕДИМ

— Ну вот мы их и едим, — сказал доктор Шприц, когда они уже сидели за медицинским столом, друг напротив друга, и ели картофельные оладьи, намазывая на них сметану и земляничное варенье.

— Спасибо, что пригласили поучаствовать в вашем полднике.

— Не за что! Знаете, вдвоем как-то вкусней. Не чувствуешь себя такой жадиной, которая одна заперлась в кабинете и поедает оладьи сама, словно какой-то... косинус.

Интеграл понимающе закивал головой. Некоторое время они молча наслаждались. После восьмой оладьи доктор откинулся на спинке стула и сказал:

— Есть ли у вас какие-нибудь мысли?

— Знаете, коллега, — ответил Интеграл после минутного раздумья. — Я, конечно, нашего многоуважаемого Зевса, то есть Всезнайку, знаю не так давно... То есть я его узнал только, когда меня пригласили в Тайный комитет. Но мне кажется, что он слишком любит командовать. И чтобы все беспрекословно подчинялись. Вы не находите такое поведение странным для людишки? Профессор Великаш мне рассказал про людей, и что они все время стремятся захватить власть. Но ведь мы, людишки, совсем не такие, вы это прекрасно знаете.

— А ведь вы правы, сказал Шприц. — Господи, как ты мне надоел! — рявкнул он 3D-принтеру.

Распинал ногами кучу больных органов и с треском выдернул шнур из розетки. Извергнув из себя недопечатанное легкое с затемнением, указывающим на пневмонию, принтер умолк.

— Наш Зевс, — продолжал доктор, наслаждаясь тишиной, в которой звучал его голос, — этот наш Зевс, то есть тьфу, Всезнайка, стал абсолютно несносным. Всеми командует. Попробуй его назвать не всемогущество, а как-нибудь по-другому — такой скандал закатит!

— Это верно.

— Самое удивительное, что он был раньше совершенно другим. Он всегда был таким демократичным, говорил, что все вопросы нужно решать тайным голосованием. Знаете, раньше он жил вместе с нами в общем доме, на Незабудковой улице.

— Когда же это у него началось?

— А как раз тогда, когда он переехал в свой отдельный особняк. На улицу Эдельвейсов. Точно! Я сейчас вспомнил. Он вскоре после этого приходил на Незабудковую улицу, навестить нас. И вдруг с ним начало твориться что-то непонятное. Стал говорить про каких-то царей и президентов, которые есть у великанов-людей. Говорит: хорошо, когда есть президент, как

у людей, и народ его должен слушаться. У нас все возмутились. Чуть не подрались. С тех пор Всезнайка стал таким. Всем отдает приказы, требует, чтобы его звали «ваше всемогущество» и беспрекословно подчинялись.

В дверь постучали. Она тут же распахнулась, и в кабинет Шприца молниеносно проник малянец в белом медицинском халате, надетом поверх синих с красной полосой спортивных штанов. Вошедший моментально захлопнул дверь и запер изнутри на торчащий ключ. Затем подставил спинкой к столу, рядом с математиком, еще один стул, сел на него верхом, оперся о стол локтями и положил лицо на сложенные ладони.

— Ты?! — сказал Шприц.

В другое время он бы безешено рассердился на Пустомеля и накинулся бы на него, как говорить, что ястреб на ягненка. Но от свалившихся на голову проблем и от съеденной стопки оладий у доктора уже не осталось никаких сил.

— Вот вы тут оладьи едите, — сказал Пустомеля, брезгливо покосившись на баночку со сметаной. — Приятного аппетита, кстати. Но он у вас сейчас же и пропадет. Как только узнаете, что у нас в городе творится.

— А что творится? — поинтересовался математик. — Я, кстати, математик Интеграл. А вас как зовут?

— Дело безотлагательной важности! — произнес Пустомеля. — Зевс сошел с ума. Он готовит государственный переворот и собирается захватить власть.

И Пустомеля подмигнул Шприцу, не обращая внимания на Интеграла.

— Как? — сказал Шприц. — Откуда ты знаешь про Зевса?

— Да уж знаю, — усмехнулся Пустомеля. — Я знаю все, что ты знаешь, и еще многое, о чем ты не догадываешься. Вот, погляди.

Он вытащил мобильный телефон и один за другим показал доктору все видеоролики, которые снимал ночью, прячась за окном мэра. В некоторых ничего не было видно, потому что дело происходило в темноте. Но во всех отчетливо слышался голос Всезнайки, как тот разговаривает то сам с собой, то со стеной, то читает вслух книгу.

— Что же мы можем из всего этого доказать? — спросил Интеграл, который встал за спиной у доктора и тоже смотрел снятое Пустомелей видео.

— А тут и доказывать нечего, — отозвался Пустомеля. — И так ясно. Мэр наш собрался завоевать власть, стать президентом или царем, а мы все чтоб были его рабами. Для этого он придумал коварный план. Вначале наврал, что какие-то великаны собираются сбросить бомбу. Затем отобрал самых доверчивых дураков города. И где только насобирал столько? — тут Пустомеля окинул взглядом Шприца с Интегралом. — Ну просто вообще втёр, а может, втерел — не знаю, как правильно — им очки. Заморочил голову и внушил этим идиотам свои выдумки про великанов и про бомбу. И убедил их, что надо построить подземный город с подземными фабриками. А пока дурачье все это делало, он стал их приучать, чтоб звали его Зевсом и подчинялись, как царю и богу.

— Не может быть!

— Может. Я еще жалею, что не успел на видео заснять, как он там «разговаривал» с каким-то профессором, что ли, а на самом деле сам с собой, а за профессора он специально говорил низким басом.

Интеграл со Шприцом переглянулись.

— С каким профессором?

— Забыл, как его звали. Тоже как-то так: Великан или Великаныч, что ли.

— Может, Великаш?

— Точно! — хлопнул себя по лбу Пустомеля. — Великаш. Вы откуда знаете?

— Да уж мы тоже кое-что знаем, — усмехнулся Шприц. — И что же он этому Великашу говорил?

— Это Великаш ему. На самом-то деле Всезнайка сам за него и говорил. Он рассказывал про разных королей и президентов у великанов-людей. Это я хорошо запомнил. Был там, у людей, один. Его должны были выбрать президентом. Он по телевизору в передачах выступал и наобещал с три короба. Будут у вас, говорит, магазины, где любую вещь и еду можно купить бесплатно. Сколько хочешь бери игрушек и конфет, и компьютеров, — чего хочешь. А когда все поверили и выбрали его президентом, он заставил их тяжело работать. Это, говорит, чтоб быстрее построить светлое будущее. Когда не нужно будет денег и в магазинах всего будет полно и бесплатно. А у них-то как раз в магазинах ничего не было. Вот этот великан-президент и сказал: кто, мол, не будет работать, тот, значит, против прекрасного будущего, когда бесплатно можно все купить. Кто, значит, не работает, сказал, тот не ест. Да еще в тюрьму сядет.

Пустомеля сделал многозначительную паузу.

— А дальше что? — спросил Шприц.

— А дальше? Ну... половину великанов он засадил в тюрьму и заморил там голодом. Потому что они все стали жить по правилу «кто не работает — тот не ест». А в тюрьме они не работали, а трудились, а это за работу не считается. А другую половину — тех, что на свободе — заставил работать, как рабов. Они пахали с утра до ночи, да еще и по выходным.

Пустомеля остановился, чтобы перевести дух.

— А как же прекрасное будущее? — поинтересовался Интеграл. — Построили?

— Не-а. Все пахали, как тракторы, но так ничего и не построили. В магазинах как было пусто, так и осталось. Не то что бесплатно, а даже за деньги ничего нельзя было купить.

— А что же дальше?

— Ну... долго они так работали. Много лет. А потом.... тот великан взял да и умер. Людищи-то эти огромные мрут периодически. Это с ними бывает. Тем все и кончилось.

— Интересная история. Это Всезнайка ее тебе рассказал?

— Что вы! Он меня не видел. Это он, как в кино, по ролям говорил. Там были двое: ваш Всезнайка и тот другой, Великаныч. Только Великаныч был воображаемый. За себя Всезнайка своим обычным голосом говорил, а за Великаныча — низким басом. Он хороший актер, ваш Всезнайка.

— Ну и дела, — сказал математик.

— Я еще забыл вам сказать, — сказал Пустомеля. — Главное, что сделал тот ужасный президент великанов, это что его стало нельзя переизбрать. Раньше у них демократия была. А как того злого избрали, он издал закон, что переизбирать больше нельзя. А кто скажет, что, мол, надо бы переизбрать, тот, значит, против светлого будущего с бесплатными конфетами. И его в тюрьму, а там «кто не работает — тот не ест». В общем, если мы сейчас же этого сумасшедшего Всезнайку не остановим, весь Цветоград превратится в рабов, да еще и голодом заморенных. А Всезнайка навсегда останется президентом или даже богом. А поскольку людишки не умирают, так этот Зевс засядет тут навечно, и мы навсегда будем рабы.

Глава тридцать шестая ОБВИНЕНИЕ

— Что же нам с ним делать? — спросил Шприц. — Он главный, мы все должны его слушаться. Как мы можем ему перечить?

Пустомеля положил локти на стол, так что отодвинутая тарелка с оладьями едва не улетела.

— Мы должны его судить, — сказал он.

— Су-у-дить? — изумился математик.

— И приговорить.

— Но к чему? — спросил Шприц.

— Пока не знаю. К чему-нибудь очень серьезному. От него очень много вреда. В общем, так! — Пустомеля поднялся со стула. — Будем составлять обвинение. Пиши, — скомандовал он Интегралу.

Математик послушно взял со стола бланк анализа мочи, потому что другой бумаги не было, вытащил из кармана карандаш и приготовился писать.

— Пиши! — повторил Пустомеля. — За обман руководства Цветограда и всех его жителей!

— Хм, — сказал Шприц. — Это, пожалуй, верно.

— За выдумывание ядерной бомбы, которая нам совершенно не угрожает! Записал?

Математик кивнул.

— За подделывание документа, посланного президентом людей! За растрату городских денег! Что там еще? — Пустомеля повернулся к доктору.

— Ммм... вообще-то, на страховку такая туча денег уплыла...

— Правильно! За страховку города от несуществующей ядерной бомбы! От не бывающих в наших краях землетрясений и наводнений! За строительство ненужного подземного города и ненужных полей! За создание Тайного комитета! За попытку захватить вертикальную власть!

— Погодите, — попросил Интеграл. — Не так быстро, я не успеваю.

— Можно еще... за нарушение принципов демократии, — добавил доктор. — И за навязывание культа своей личности.

— В виде бессмертного бога Зевса, — подсказал Интеграл.

— Хотя все людишки и так бессмертны и так равны между собой.

— Правильно. Математик, запиши!

— За разговоры со стеной, — добавил доктор. — Сколько раз я ему говорил! Это же абсолютное сумасшествие беседовать с неодушевленными предметами!

— Ну, за это судить нельзя, — возразил Интеграл. — Если людишка сумасшедший, это только смягчающее обстоятельство.

— Хорошо, — согласился Пустомеля. — Запиши в смягчающие обстоятельства. Может, ему меньше дадут.

— Может, уже хватит? — спросил Интеграл. — А то что-то слишком много обвинений получилось.

— Ладно уж. Хватит с него. Теперь так... За все это! Решением Тайного комитета! Ведь вы же на своем Тайкоме за это проголосуете...

— Так... решением Тайного комитета, — записал Интеграл.

— Всезнайка. Он же мэр. Он же газкоман.

— Газкомандующий, — поправил Шприц.

— Ну да, я и говорю. Он же этот... газко... В общем, понятно. Он же мэр. Он же Зевс. Он же «Твое всемогущество».

— Твое всемогущество, — записал математик.

— Приговаривается к пяти...

— К пяти чего? — спросил доктор.

— К пяти пунктам, — пояснил Пустомеля. — Записал?

— К пяти пунктам. Записал, да.

Пустомеля вышел на середину кабинета, упер руки в бока и продолжал:

— Первое! К разжалованию из мэров.

— Правильно, — одобрил Шприц. — С таким мэром у города либо произойдет остановка сердца, либо разрыв аорты.

— Второе! К лишению статуса бога и титула «твое всемогущество»!

— И имени Зевс! — подсказал Шприц.

— Правильно. Третье. К выселению из особняка, именуемого «Резиденция мэра», и переименованию упомянутого особняка обратно в «Клуб любителей насекомых». С возвращением здания клубу!

— Молодец, Пустомеля! — одобрил Интеграл. — Насекомым надо где-то жить. А тем более, их любителям.

— Четвертое...

Тут Пустомеля задумался.

— А что же четвертое? — проговорил он.

— Четвертое? К назначению курса успокоительных лекарств! — подсказал Шприц. — Это будет очень кстати.

Пустомеля с победным видом расхаживал по Шприцовому кабинету.

— Остался последний пункт, — напомнил Интеграл.

— Ну и наконец пятое. К лишению сладкого, — торжественно объявил Пустомеля. — Сроком на четыре недели!

— Ого!

Интеграл едва не подскочил на стуле.

— Это жестоко, — сказал он.

— Но необходимо, — пояснил Пустомеля. — Чтоб неповадно было. А то он опять чего-нибудь выкинет.

— Что ж, — сказал Шприц. — Пустомеля, пожалуй, прав. Если его как следует не наказать, то он опять примется за свои проделки. Надо, чтобы он хорошенько подумал над своим поведением.

— Вот именно! Вот когда все вокруг будут есть конфеты, а он нет, он сможет еще как подумать. Дайте оладушку...

Математик поспешно поставил перед Пустомелей тарелку с оставшимися оладьями и придвинул к нему мензурку, в которой еще много оставалось земляничного варенья. Пустомеля вывалил все варенье на оладью, свернул ее в трубу и засунул целиком в рот.

— Что же теперь? — спросил Интеграл, закончив писать приговор.

— Теперь? Звоните своим тайным членам. Чтоб сейчас же шли сюда. Пусть проголосуют, и пойдем его арестовывать.

Глава тридцать седьмая

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ВАШЕ ВСЕМОГУЩЕСТВО!

Вечером, когда уже стемнело, Всезнайка вышел на улицу и пошел в сторону мэрии. Ему нужно было сегодня поработать в Большом колонном зале заседаний. Накопилась целая куча неотложных дел. Всезнайка торопливо шел пустынным переулком Герани.

— Здравствуйте, господин мэр, — сказал кто-то.

— Здравствуйте, — машинально ответил ученый, а когда поднял голову, то увидел, что это с ним поздоровался фонарный столб. И даже почтительно поклонился, вместо шляпы приподняв фонарь.

«Ничего удивительного, — сказал сам себе Всезнайка. — Мэра, который столько делает для своего города, должен знать каждый столб».

Несмотря на конец октября, вечер выдался теплый, безветренный, а на тротуарах было даже сухо. В переулке порхали ночные бабочки. Одна, с

большими желтыми кругами на бархатных крыльях, нечаянно задела Всезнайку, сбив у него с головы шляпу.

— Простите, я совсем не нарочно, — извинилась она.

— Ничего, — махнул рукой Всезнайка, поднимая шляпу с пола.

Припаркованный автомобиль накрывал занесенный из леса желтый кленовый лист. Лист свесился на тротуар и перегородил проход. Ученый потянул его за черенок, стащил на дорогу и, скатав, как ковер, заткнул между домом и водосточной трубой.

— Спасибо, господин мэр! — поблагодарил автомобиль. — Этот лист загородил мне все лобовое стекло.

— Не за что, дружок.

Облака кудрявились высоко в небе.

— Добрый вечер, ваше всемогущество! — поздоровалась улица Лаванды, а светящаяся витрина аптеки улыбнулась ему.

— Добрый вечер.

На какое-то мгновение Всезнайке показалось странным, что бабочки и фонарные столбы разговаривают с ним. Кажется, так быть не должно. Но это чувство мгновенно исчезло, едва он повернул на широкую улицу Ирисов. Потому что он вдруг потерял себя. Ему показалось, что вместо него идет по улице Ирисов кто-то другой. А ученый, и мэр, и Всезнайка, и Зевс, — все четверо бесследно исчезли. Он остановился, как вкопанный. Потому что не знал, куда идти и что теперь делать. «Что это? — сказал он сам себе. — Но я же помню, что я — это я, и что я иду в колонный зал заседаний», — и в это мгновение снова вернулся в самого себя и стал опять мэром, ученым, Зевсом, Всезнайкой и даже газкомандующим.

Он огляделся по сторонам и пошел дальше. В городах людешек вместо деревьев цветы. Деревья для них были бы слишком большие — с небоскреб. В Цветограде на каждой улице растет свой вид цветов. Улицы так и называются. Проспект Ромашек, бульвар Хризантем, аллея Красных роз. Несмотря на то, что была уже осень, многие цветы всё еще цвели. В городе были замечательные садовники, которые поддерживали цветение чуть не до самой зимы.

«Все-таки почему наши улицы не похожи на древнюю Грецию? — думал Всезнайка, проходя по бульвару Гладиолусов и стучая по толстым стволам этих цветов тыльной стороной ладони. Какие-то фонари и автомобили по углам стоят. Автобусы своими моторами режут, грузовики. Разве у греков были грузовики? Но ведь здесь не древняя Греция», — сразу же подумал он.

«Какая еще Греция?» — спросил он сам себя, и сам же себе ответил: «Ну как какая? Я же Зевс. А они — Аиды, Эскулапы, Афродиты».

Он остановился и постукал ботинком по краю канализационного люка. «Но ведь это только подпольные клички, — пробормотал Всезнайка. — Для конспирации».

И двинулся дальше. «Нет, — сказал он через несколько шагов. — Это не просто клички. В каждой кличке есть доля правды. Вон Шприц — доктор. Поэтому его зовут Эскулап. Греческий бог медицины. А Черепок, профессор, он

же вечно возится под землей. Выкапывает оттуда свои скелеты, палеонтолог, — Всезнайка неизвестно чему усмехнулся. — А раз под землей, значит, Аид. Греческий бог Подземного царства. А как же иначе? А уж если я — Зевс, значит, я царь богов, и все мне обязаны кланяться. А кто не обязан, того Зевс... поражает громом и молнией. Очень даже просто. Молния — это электричество. Я это могу, как ученый-физик заявить. Со всем моим авторитетом. Да. А авторитет у меня порядочный».

Пока он так странно рассуждал, ноги наконец принесли его к Большому колонному залу заседаний. Но не успел мэр занести ногу на красивую мраморную ступень лестницы, ведущий в Большой колонный зал, как...

— А-а! Вот и ты, ученый! — раздался мерзкий хриплый голос, и кривые пальцы цепко ухватили полу Всезнайкиного пиджака. — Давно не виделись.

Мэр недоуменно поднял глаза, которые, увидав грязную, сгорбленную нищенку, с всклокоченными волосами, округлились.

— Вы?! Вы?! — только и мог произнести он.

— А-а... узнал, ученый червь! — Помнишь, как ты мне втирал, что сглазу не существует? А ну милостыню гони Христа ради — не то сглажу!

Всезнайка нервно рылся в карманах, но там, к сожалению, не завалялось ни одной монетки. Он нащупал только большую дыру в правом кармане брюк, где у него обычно лежали деньги. Мэр вывернул карманы наизнанку и беспомощно развел руками.

— Не дашь монет — сглажу тебя и весь твой город поганый! — шипела нищенка. — Шлепнется вам всем на головы огромная блямба! И провалитесь все в тартары! Прямо в ад! Вместе с домами! Ровно на первое января!

— Да откуда вы знаете...

— Ха-а-а-а-а-а! Думал, я ничего не знаю? Да я все о тебе знаю! Насквозь тебя вижу! Знаю, как дрожишь по ночам и боишься ногастых великанов с ядрёными зубами! Думаешь — чего там, конец света? Мы нау-у-укой город спасем. Укроемся под зе-е-емлю. Нетушки! Никуда не денетесь! Думаешь, кто надоумил великанов на вас блямбу нахлобучить? Думаешь, кто?

Всезнайка глядел на нее широко раскрытыми глазами и не отвечал.

— Я — вот кто! — каркнула она. — Это я им вашу судьбу на емейл послала. Теперь не отвертитесь. Крышка вам полная! Останется одна зола. Ядрёная!

И с размаху хлопнула мэра по спине — так что тот поскользнулся и чудом не ударился лбом о блестящую мраморную ступеньку. Мэр согнулся пополам и судорожно вцепился в холодные бронзовые перила. Когда он наконец выпрямился, нищенка исчезла — как не была.

Глава тридцать восьмая КОНТАКТ

От кого: tsentavra@tai.com

Кому: zevs@tai.com

Копия: alfa@tai.com

Тема: Ответ: Секретное задание (кому нельзя — не читать!)

Вложение: stantsia.jpg, jenshina.jpg, mujchina.jpg

Уважаемое всемогущество (Зевс)!

Мы с Альфой выполнили ваше задание.

Орбиту людей узнали из Интернета.

Прилетев туда, вначале наблюдали великанов сквозь круглые иллюминаторы станции.

Станция людей колоссальна.

Длиной около сорока метров.

Состоит из множества отсеков, откуда торчат антенны, телескопы и солнечные батареи.

Вначале мы осмотрели станцию снаружи.

Затем долго наблюдали в гигантский иллюминатор так называемую жен-щину, то есть великаншу, которая является человеком женского рода.

(Великаны-малянцы называются муж-чины).

Поскольку женщина спала, ее было удобно наблюдать, и мы сделали множество фотографий в высокой резолуции.

Присоединяю эти фотографии к письму, чтобы ваше всемогущество могло собственными глазами рассмотреть женщину во всех деталях и подробностях.

На одной из фотографий вместе с женщиной я сфотографировала Альфу, для масштаба.

Позднее мы наблюдали обед великанов.

Всего на станции их проживает четверо: двое мужчин (великанов-малянцев) и две женщины.

Женщин зовут Сильвия и Индира, мужчин — Иван и Пантелеймон.

Они разговаривают на английском языке.

Я изучала этот язык в космической школе, что позволило мне понимать их речь и позднее войти с ними в контакт.

Мы проникли на космическую станцию людей прямо в нашем космораблике, который влетел через огромный люк в их шлюзовую камеру.

Так что нам не нужно было надевать и снимать скафандры.

Атмосфера внутри их станции несколько спертая, но вполне пригодна для дыхания.

Войдя в контакт, мы, в целях безопасности, не стали сообщать великанам, что живем на их же планете.

Мы назвались инопланетянками с Альфы Центавра.

Этим мы добились максимальной секретности выполняемой операции.

Из-за своей громадности великаны чрезвычайно медлительны.

Все их движения замедленны примерно в десять раз.

Также замедлена и их речь.

Великаны (включая женщин) разговаривают крайне низким басом.

Понять их речь невооруженным ухом (то есть без специальной акустической аппаратуры) представляется совершенно невозможным.

Нам удалось решить эту проблему.

Мы записывали речь людей, а потом проигрывали с десятикратной скоростью.

Когда мы хотели им что-нибудь сказать, мы записывали нашу речь и проигрывали им в десять раз медленнее.

Используя мои обширные познания в английском языке, на котором говорят великаны, нам удалось осуществить разговор.

К сожалению, на такой разговор уходит очень много времени.

Когда мы задавали великанам вопрос, мы должны были проиграть его им замедленно в десять раз.

Затем мы очень долго ждали, пока они своими медленными языками и губами наговорят нам на запись ответ.

Таким образом за один час беседы мы могли обсудить то, на что у людишек уходит шесть минут.

Опишу людей более подробно.

Ростом они примерно с городскую ратушу, расположенную в Цветограде на площади Порядка.

Голова размером с купол торгового центра, что на проспекте Герани.

Черты лица очень крупные и грубые.

Лоб похож на широкий обеденный стол.

Каждый глаз с суповую тарелку.

Ресницы растут из век, как зубья расчески.

Нос – с поднос.

Брови – как щетки для подметания пола, с очень толстой щетиной.

Кожа чрезвычайно толстая, шершавая и грубая, усеянная крупными отверстиями, называемыми порами.

(Как известно из биологии, поры есть и у людишек, но их можно разглядеть только в сильную лупу).

На коже людей отверстия видны невооруженным глазом.

В такое отверстие легко пройдет булавка и даже зубочистка.

Выглядит это так, будто кто-то взял толстый гвоздь и наделал у них на лице множество круглых дыр.

У одной великанши, кроме пор, на коже были исполинские веснушки, а у другой – чудовищная бородавка.

Пасть великанов – зрелище не для слабонервных.

Она походит на наволочку от подушки или на широкий портфель для документов, который беспрестанно открывается и закрывается, показывая красные внутренности.

Я так подробно описываю великанов потому, что в самом начале нашего контакта они пытались рассмотреть нас с Альфой и для этого приблизили к нам свои гигантские лица.

Альфа не выдержала: громко закричала и улетела в реактивном кресле.

(Мы с Альфой передвигались по их кораблю в надувных реактивных креслах, которые принесли с собой).

Но я собрала всю свою волю и хоть и зажмурила глаза и сжала зубы и кулаки, так что ногти впились в ладони до крови, но все-таки выдержала мучительно-долгий взгляд их глаз, похожих на объективы телескопов.

При этом я все же приоткрывала глаза, так что и сама успела рассмотреть великанов.

Если вы хоть раз увидите, как они раскрывают свою пасть, это долго потом будет вам сниться по ночам, как нам с Альфой.

Пасть похожа на ковш экскаватора с огромными, страшными зубищами, желтыми, словно конструктор легио.

Я даже не хочу думать о том, что было бы, если б они схватили людишку своими зубами.

Языки в пастьях — как широкие пластиковые лопаты.

После этого описания легко вообразить, как выглядит все остальное тело, так что не буду на нем останавливаться.

Упомяну лишь руки: это ковши экскаватора с медленно шевелящимися пальцами. Каждый такой палец длиннее и толще нашей ноги.

Я спросила у людей, можно ли их измерить.

Великанша Сильвия любезно согласилась, принесла толстый канат (который они называют ниткой) и сама измерила свой рост.

Затем она намотала канат на большой барабан, который мы потом привезли в наш космодомик.

Для измерения длины каната мы разматывали его и прикладывали линейку.

В Сильвии оказалось сто семьдесят три сантиметра, а Иван с Пантелеймоном еще выше.

Я должна подтвердить то, что мы обсуждали на недавнем собрании Тайкома: люди совершенно бесхвосты.

Выглядит это ужасно, и нас с Альфой в первый момент сильно покорило, но мы постарались быть политкорректными и ничем себя не выдали.

Это неопровержимый научный факт: люди обходятся без хвостов.

От этого они кажутся еще более неловкими и неповоротливыми.

Если им понадобится какой-нибудь предмет, находящийся сзади, великаны, вместо того чтобы нащупать и схватить хвостом, вынуждены поворачиваться всем телом.

Это делает их еще более медлительными, чем они есть на самом деле.

В невесомости же это вдвойне неудобно.

Великаны с нескрываемой завистью смотрели на наши хвосты.

Они, наверное, только сейчас поняли, каких возможностей лишены вследствие своей бесхвостости.

Глядя, как мы ловко используем «пятую часть тела», они долго кивали друг другу головами, выражая удивление на своих гигантских лицах и повторяя: «тэйл, тэйл», что на их языке означает «хвост».

Признаюсь, эмоции на лицах людей выглядят ужасно, поскольку они двигаются очень медленно.

Улыбки надолго застывают практически безо всякого движения.

Это похоже на эмоции статуй.

Но когда мы потом проигрывали записанное видео с десятикратной скоростью, мимика великанов выглядела вполне благообразно.

Несмотря на внешнюю безобразность и ужасность облика, великаны-люди оказались милыми и вполне безобидными существами.

С которыми было бы даже интересно поговорить (если бы на это уходило не так много времени).

Я должна заметить, что тот, кто собирается вступать с ними в контакт, должен запастись терпением.

Как я уже упоминала, мы с Альфой передвигались по их кораблю в реактивных креслах.

Подлетая то к одному, то к другому предмету, мы спрашивали, что это такое и как этим пользуются.

Но ожидание, пока великан повернет свою невообразимую голову, чтобы увидеть, на что ему указывают – это ожидание может быть мучительным.

Альфа несколько раз срывалась и, несмотря на мой строжайший запрет, кидала великанам предметы, которые они, из-за своей неповоротливости, были не в состоянии поймать.

(Предметы и вещи великанов такие же громадные, как они сами, и Альфа бросала им только самые мелкие. Хотя в невесомости не составляет труда бросить и крупный, тяжелый предмет, если при этом крепко за что-нибудь держаться, чтобы не улететь вследствие реактивной силы).

Ждать, пока люди распахнут свой великанский рот и выдавят из него два-три слова, также очень долго и мучительно.

Это мучение усугубляется тем, что голос у великанов невероятно низкий и громкий.

Он похож на рев трактора, только в десять раз громче.

От их голоса у меня и Альфы тряслись в животе все внутренности, и это было ужасно.

Мы очень страдали.

У нас не было с собой противошумных наушников, и фактически все проведенное на станции время мы затыкали уши пальцами.

Если бы мы, так же как люди, были бесхвостыми, мы бы оказались в безвыходном положении.

К счастью, мы могли брать предметы хвостами.

Как я уже говорила, люди совершенно безвредны.

Даже если б захотели, они не могли бы нанести нам вред из-за своей громадности и неповоротливости.

Пока они шевельнут рукой, мы будем уже далеко.

Во время моего разговора с великаншей Сильвией Альфа, которая имеет очень непоседливый характер, успела обследовать весь корабль.

Великаны пробовали ее остановить, но не могли этого сделать по причине своей неуклюжести.

Прошу меня, ваше уважаемое всемогущество Зевс, извинить за столь длинное описание и отступление от дела, которое вы задали нам в своем емейле.

Я все подробно описала, чтобы у вас сложилось правильное впечатление о людях.

Теперь перехожу к главному.

Я старалась вывести людей на разговор об их вооружении.

Я задавала им вопросы: часто ли они воюют, с кем, какое используют оружие и так далее.

Но как только я заговаривала обо всем этом, великаны сильно смущались, медленно отводили глаза и переводили разговор на другую тему.

Наконец я напрямую спросила:

— Есть ли у вас ядерная бомба?

Великаны медленно покраснели. Потом они очень долго поворачивали свои громадные головы и переглядывались друг с другом. Мне пришлось очень долго ждать. Наконец Иван сказал:

— Б о м б а е с т ь .

А Пантелеймон пояснил:

— Но ее никто
не использует.

— Зачем же она вам? — спросила я.

— Чтобы не
было войн, — медленно ответил
Иван.

А Пантелеймон медленно добавил:

— И чтобы был
мир.

Я задумалась.

— Но каким же образом наличие бомб останавливает
войны? — спросила я.

— Обычные
бомбы не могут
остановить, — сказал Иван.

А Пантелеймон добавил:

— Наоборот.
Только
усиливают.

— Чем больше
мы делаем бомб,
тем больше
хочется их

с б р о с и т ь к о м у -
н и б у д ь н а
г о л о в у , - пояснил Иван. И медленно
облизнулся своим огромным шершавым языком.

Я снова задумалась.

- Ты что-нибудь понимаешь? - спросила я Альфу, которая в этот момент пролетала мимо в своем реактивном кресле.

Но она только махнула рукой.

- Плюнь! - донесся ее голос уже из другого конца станции. - Разве их можно понять?

Но я решила разобраться в этом сложном деле.

- Вы раньше упомянули: «Бомба нужна, чтоб не было войны», - сказала я.

Пантелеймон с Иваном надолго задумались. Я чуть не заснула. Иван очень медленно и очень долго чесал за ухом, и я пожалела его. У бедняжки ведь нет хвоста, приходится чесать рукой. Пантелеймон морщил лоб. Это напоминало следы волн на морском берегу. Альфа помогала им мыслить, описывая в своем реактивном кресле замысловатые петли вокруг головы Ивана и Пантелеймона. Для них это, наверное, выглядело, как пропеллер. Неожиданно Альфа, не рассчитав поворот, на полной скорости врезалась в наморщенный лоб Пантелеймона. Слово взяла Сильвия:

— Т о л ь к о
я д е р н ы е б о м б ы
п р е д о т в р а щ а ю т
в о й н у .

— П о т о м у ч т о
о н и я д е р н ы е , - пояснила
Индира.

Здесь надо понимать логику людей, которую я немного изучала в космошколе, на курсе «поведение массивных животных».

Для них убийство себе подобных – вполне обычное явление.

Сколько было в их истории войн – не счесть, и в каждой такой войне одни великаны насмерть убивали других.

Но, вследствие свой странной психологии, люди всегда должны иметь надежду, что, убивая других, сами при этом останутся целы.

Так уж они устроены, это особенность их биологического вида.

Надо сказать, что хоть люди и достигли многого в плане техники и науки, все же в плане разума они сильно отстают от нас.

На протяжении всей своей истории они всегда надеялись, что на войне победят именно они, а не их самих победят.

Для нас это звучит абсурдно: ведь в каждой войне кто-то проигрывает!

Но ум людей не способен охватывать явления «со стороны», как это делаем мы.

Люди на любую вещь смотрят, так сказать, «со своей колокольни» и не видят, как она выглядит с других колоколен.

(Может быть, это происходит вследствие того, что люди сами размером с колокольню).

Именно поэтому они всегда воюют, и даже тогда, когда шанс победить очень низкий.

Так продолжалась вся их история, на протяжении которой они только и делали, что истребляли друг друга.

Но с изобретением атомных бомб все изменилось.

Эти бомбы такие мощные, что если великаны начнут их кидать друг другу на головы, то разрушится вся планета.

И ни у кого не останется совсем никаких шансов выжить.

Вот почему люди перестали воевать.

Ведь в ядерной войне погибнут они все.

На этот разговор с великанами у меня ушло невероятно много времени.

Альфа пока что, перелетая с места на место в своем реактивном кресле, обследовала всю станцию людей, а потом принялась за них самих.

К этому времени она тут уже совершенно освоилась и совсем перестала бояться.

Она бесстрашно отталкивалась от своего кресла и вцеплялась в одежду великанов, карабкаясь у них по спине на шею, а оттуда и на голову.

Обследовав одного гиганта, Альфа, с помощью пульта, вызывала к себе реактивное кресло и летела к другому.

Она так осмелела, что безо всякого смущения обследовала глазные веки Сильвии, сидя у нее верхом на носу, изучала уши Пантелеймона и в конце концов запуталась в густых черных кудрях Индиры. Так что мне пришлось лезть туда и распутывать ее хвост, который застрял в этих толстых и невероятно крепких веревках (я имею в виду волосы великанши).

После долгого разговора великаны пригласили нас за стол.

Наверное, они хотели показать нам, что у них добрые намерения.

Великаны и правда оказались очень щедрыми, что подтверждает их миролюбивость.

Каждую из нас: меня и Альфу они угостили по истине гигантским тубиком шоколада.

Этот тубик можно с трудом обхватить двумя руками, а высотой он от пола мне по грудь!

— Е ш ь т е н а

з д о р о в ь е ,

м а л е н ь к и е

и н о п л а н е т я н е ! — хором

сказали великаны, так что мы с Альфой едва не оглохли.

Мы с Альфой съели сколько могли, а потом занесли тубики с шоколадом в наш космораблик и, помахав великанам, вылетели через люк их шлюзовой камеры в открытый космос.

Надо сказать, что мы с людьми очень подружились, и прощаясь, они даже прослезились.

Альфа промокла с ног до головы и, по ее словам, это было как искупаться в соленом море — когда великанша Сильвия уронила на нее несколько своих исполинских слезищ.

Подведу итог.

Из рассказов великанов мне стало совершенно ясно, что они не будут сбрасывать на нас ядерные бомбы и что эти бомбы нужны им только, чтобы уберечься от войн.

Кроме того, великаны — вообще очень хорошие люди, они угостили нас огромным количеством шоколада.

Все мои разговоры с ними я сохранила на внешнем жестком диске и передам вашему всемогуществу при встрече.

С величайшим почтением, поклонением и преклонением перед Вашим Высоким Всемогуществом олимпийским богом Зевсом первым,

Альфа-Центавра

К сожалению, Зевс так этого и не прочел. В том странном состоянии, в котором он находился, он вообще не мог проверить емейлы.

Глава тридцать девятая

ГРОМ-И-МОЛНИЯ

Была ночь. В Большом колонном зале заседаний стояла тишина. Только один конец длинного заседательного стола был освещен настольной лампой с зеленым абажуром. Всезнайка разбирал тайкомовские бумаги, которыми был завален стол. Все они были совершенно секретные, и Всезнайка запер Большой колонный зал заседаний изнутри на ключ, на окна опустил светонепроницаемые шторы и отключил видеокамеры наблюдения. Мэр как раз изучал документ, присланный Солнцеградским космическим агентством. Это был счет на триста пятьдесят миллионов сладиков. За установку спутниковой системы раннего оповещения.

«Ну, теперь мы можем быть абсолютно спокойны, — сказал сам себе мэр. — И страховой полис у нас есть. И скоростные лифты. Пусть теперь бросают свою бомбу!»

Вдруг из-за дверей зала послышались звуки какого-то древнего музыкального инструмента. Это была то ли кифара, то ли лира, а может, их дуэт. Всезнайка раньше никогда не слышал звучание кифары или лиры, но он сразу понял, что это они. «Интересно, кто может здесь играть? — подумал мэр, подняв голову от бумаг. — Может быть, какой-нибудь студент музыкальной академии, который подрабатывает в мэрии уборщиком». Тут музыка стала громче, и к ней присоединились еще и слова. Пело сразу несколько голосов: высокие — малянок и низкие — малянцев. Это была какая-то очень торжественная песня. Она была даже чем-то похожа на гимн. Слова трудно было разобрать, но Всезнайка напряг слух и разобрал:

Тайком нерушимый сплотил наш Всезнайка,
Наш мэр и наш Зевс — он ученый-мудрец!
Да здравствует созданный волей науки
Единый могучий цветочный венец!

Тут гимн и сама музыка стали такими громкими, что у Всезнайки едва не заболели уши. Двери в Большой колонный зал заседаний распахнулись, вспыхнул яркий свет, и вошла целая процессия людишек. Всезнайка их вначале принял за древнегреческих богов, потому что, во-первых, они все были одеты в костюмы древних греков, а во-вторых, у них был очень важный вид. Но вскоре мэр узнал в богах своих ближайших соратников по Тайному комитету. Они вошли в зал и зашагали по красной ковровой дорожке, не переставая исполнять гимн. Первым шел Кирпич. Он был очень мускулистый — настоящий Геракл! Одет в львиную шкуру с когтями — разумеется, не настоящую, а искусственную, потому что размером она была со шкуру хорька, не больше. На плече он нес огромный двойной топор. Справа от Кирпича шагал биолог Амёбин. На нем был желтый хитон с вышитыми зелеными колосьями. На Гравитоне ярко-красная хламида. Интеграл нес большую древнегреческую лиру и на ходу играл на ней.

За Интегралом шел Шприц в набедренной повязке с красным крестом, следом — космонавтки Альфа и Центавра в синих плащах-пеплосах, волочившихся за ними по полу. На голове у каждой — веночек из ромашки, а в руках они несли лепестки цветов. Альфа — белого пахучего жасмина, Центавра — нежных синих фиалок. Следом шагали Землерой с Быстролётиком, изо всех сил дудевшие в медные древнегреческие трубы-авлосы. За трубачами шел непонятно кто, потому что у него была бычья голова. На плече у быкоголового сидел огромный орел — конечно же, искусственный. Хлора была одета в целлофановый хитон и с ног до головы татуирована таблицей химических элементов. Программист Килобайт тащил огромную древнегреческую кифару и по ходу играл на ней, страшно фальшивя. Все они были в сандалиях и хором пели древнегреческий гимн. Но Всезнайка прекрасно владел древнегреческим, поэтому ему было все понятно:

Славься, могучий ты наш Цветоград!
Весь наш народ в тебе сказочно рад!
Зевс всемогущий тобой управляет,
И наша жизнь от него процветает!

Перед каждым новым куплетом все останавливались и низко кланялись мэру, а потом продолжали шествие. Пройдя ковровую дорожку, процессия приблизилась к трону, на котором сидел сам Всезнайка. Трубы в последний раз дуданули и смолкли. Лира с кифарой бряцнули струнами, затихли. Кирпич низко поклонился Всезнайке, едва не уронив свой топор. Метростроевец Землерой вышел вперед и вначале коснулся лбом земли, а затем встал на одно колено перед мэром и сказал:

— О, могущественный Зевс, владыка Цветограда и всего мира! Позволь доложить тебе, что Подземное царство ударно построено! Рабочие, о великий громовержец, перевыполнили план по технике безопасности на девяносто девять процентов!

Всезнайка собрался почесать подбородок и вдруг ощутил, что из него растёт густая борода. Он несколько этому не удивился, потому что именно такая окладистая борода и должна расти у Зевса.

— Молодец! — сказал Всезнайка и оказалось, что он говорит низким басом.

Но мэр снова не удивился, потому что именно такой голос и должен быть у Зевса — царя богов.

— Молодец! — сказал он. — Назначаю тебя Богом Подземного царства и вообще всего, что под землей! И нарекаю — то есть называю — тебя Аидом. Отныне и вовеки веков ты будешь Аид и будешь управлять подземными землями.

Но тут из-за спины Аида неожиданно выскочил древний грек, которого Всезнайка раньше не приметил. На нем была хламида, сшитая из семи полос — всех цветов радуги. Волосы у него на голове торчали дыбом и тоже были разноцветные.

— Вот что, Всезнайка! — крикнул радужный незнакомец. — Аидом уже назначили меня. Ты не имеешь право переназначать без всеобщего голосования. Понял?

— Как это тебя? — не поверил Всезнайка. — Никто тебя не назначал, я тебя вообще в первый раз вижу! — Тут он как следует пригляделся к незнакомцу и узнал его. Это был Пустомеля. — Ах это ты?! Как ты посмел, гадкий... грязный... — Всезнайка не мог подобрать нужного слова. — Кто... кто его сюда пустил?!

— Хватит валять дурака! — закричал Пустомеля. — Я имею такое же право быть здесь, как и ты!

— Где моя гром-и-молния?! — грозно зарычал Зевс.

— Вот она, — услужливо подскочил Быстролётник и передал Богу тяжёлую золотую палку с острием на конце.

Всезнайка направил палку на Пустомелю.

— Ах ты негодный! — грозно зарычал он — так, что в Большом колонном зале заседаний задрожали стены и людишки в ужасе пошатнулись. — Как ты посмел...

— Да пошел ты! — перебил Пустомеля. — Мне твои взбрыки уже во где сидят, — он показал на шею.

— Что-о?! — не поверил свои ушам Всезнайка. — Да знаешь ли, кто я тако-о-й?!

— Не ори, — сказал Пустомеля. — Ты обыкновенный Всезнайказнайка. Тебе мерещится, что ты бог, но на самом деле ты не бог. У тебя глюканация! — Пустомеля имел в виду галлюцинацию. — Ты что, думаешь, мы тут все перед тобой древние людишки, одетые в хламиды? Ты что, дурак, не понимаешь, что греки умерли две тысячи лет назад и от них остались одни древние косточки?

— Замолчи, презренный! — затопал на него Всезнайка, так что колонны Большого колонного заседаний закачались, а потолок едва не прогнулся. — Да за это!... Я!... Мы!... Наше всемогущество!... Объявляют!...

— Да пошел ты, твое всемогущество, знаешь куда?

— Куда? — оторопело спросил Всезнайка.

— В Подземное царство.

— Ах вот ты как?!

Всезнайка направил золотую палку на Пустомеля.

— Пощади его, о Боже! — пропищали малянки тоненькими голосками.

— Нет уж! Не пощажу! — отвечал Всезнайка. — Клянусь Геркулесом, он у меня будет всезнать! То есть тьфу, знать!

Он прицелился в Пустомеля золотым острием, но тут к мэру подскочил Быстролётник и зашептал на ухо:

— Ваша всемогущество, в розетку забыли включить.

— Как? — не понял Всезнайка, — а разве...

— Молнии — их, знаете, из электричества добывают...

— Знаю без тебя, замолчи! Я ученый-физик! Что же провод-то не достает?

— А вот нате. Я удлинитель принес...

Быстролётник подключил гром-и-молнию к розетке, Всезнайка снова прицелился в Пустомеля и закричал:

— За непослушание! Антинаучное поведение! Неуважение к Богу! Ты пр-ррр-риговариваешься к...

И нажал кнопку. Хорошо, что успел зажмурить глаза. От ослепительно-белой вспышки в Большом колонном зале заседаний стало светло как днем. Раздался ужасный грохот. Людишки в страхе попадали ниц. Надо сказать, Всезнайка и сам испугался. Он не ожидал, что гром-и-молния такая мощная. «Так и весь дом разнести можно, — подумал мэр. — Надо будет конденсатор заменить. Сто микрофард в самый раз будет».

Когда стены перестали трястись, а дым рассеялся, Всезнайка увидел, что на том месте, где стоял Пустомеля, в полу зияет огромная дыра, и через эту дыру видна бетонная автостоянка в подвальном этаже. Рядом с дырой невредимый стоял Пустомеля. «Плохо прицелился, — пробормотал Всезнайка. — Вместо мерзавца прожег паркет. Попробуем еще...»

Снова вспышка и гром. С потолка посыпалась штукатурка. Рядом с первой дырой в полу еще одна — вдвое шире. Между этими дырами, на тонкой полоске как ни в чем не бывало стоит Пустомеля, уткнув руки в бока:

— Не стыдно? Городское имущество портишь. Ковер с паркетом прожег, пол разворотил. Во сколько обойдется ремонт?

— Ах ты негодный смертный! — затопал Всезнайка. — Как ты смеешь мне, Богу, указывать, что ему делать?

— Ты такой же бог, как я смертный, — спокойно ответил Пустомеля. — Людишки бессмертные, ты что, забыл?

— А вот мы сейчас посмотрим, какие они бессмертные! — захохотал своим басом Всезнайка и снова, на этот раз более тщательно, прицелился в Пустомелю.

Эта молния ударила сильнее, чем две предыдущие. Видимо, прибор тогда не дошел до нужной мощности. От вспышки Всезнайкины глаза — даром что зажмурил — на минуту ослепли, и он ничего не мог вокруг себя разобрать, кроме темноты, в которой прыгали красные пятна. А от страшного грохота ученый стукнулся об трон и упал на пол. Но он тут же вскочил на ноги, протирая глаза. Наконец зрение вернулось к нему, и он увидел, что пробил дырищу в стене. Зал наполнился гарью и дымом. Но Всезнайка-Зевс чихнул так сильно, что дым тут же рассеялся. Ученый оглядел помещение. Стол валялся перевернутый на полу, документы все сгорели. У нескольких стульев переломаны ноги, с окон сорваны занавески, стекла повыбиты. Тайкомовцы в страхе лежат на полу, прикрыв головы руками. Тут Всезнайка снова увидел Пустомелю, который, будто ничего не случилось, стоял на чудом уцелевшем стеклянном столике.

— А-а! — заорал Всезнайка. — Ты все еще здесь!

Он опять прицелился, но Пустомеля не сдвинулся с места.

— Пощади, владыко! — попросили за Пустомелю остальные людишки.

Всезнайка нажал на курок, потом еще и еще. Всё вокруг взрывалось, падали мраморные колонны и куски потолка. Дым стоял коромыслом, летали горящие бумаги, клочки древней одежды и ножки стульев. Несколько молний попало в потолок, пробив в нем огромные бреши, из которых на голову тайкомовцам сыпалась мебель третьего этажа. Со звоном — кажется, на Амёбина — упала гигантская люстра с хрустальными подвесками, а Пустомеля как ни в чем ни бывало плясал посреди всего этого и ловко уворачивался от молний громовержца. «Да это какой-то чёрт!» — подумал Всезнайка и закусил губу.

У него уже рука устала держать гром-и-молнию, сделанную из чистого золота. «Надо увеличить мощность!» — блеснула в мозгу догадка. Он тут же заметил на приборе ручку, повернул ее по часовой стрелке до максимума и снова нажал курок. На этот раз вместо короткой молнии из прибора вырвался толстый огненный шнур, который разом перерезал десять колонн Большого колонного зала заседаний. Последнее, что увидел Всезнайка, были складывающиеся внутрь стёны и падающий ему на голову потолок, а сверху летели потолки верхних этажей. Всезнайка в ужасе уставился на огромную каменную глыбу, летящую на него. «Это конец!» — крикнул кто-то в мозгу ученого. Глыба все приближалась, переворачиваясь в воздухе. Одна ее сторона, покрытая штукатуркой, была недавно потолком Большого колонного зала заседаний, другая — с кафельными плитками — полом туалета этажом выше.

Глава сороковая

СУМАСШЕДШИЕ ДОМА

Потолочной глыбе осталось пролететь какие-то жалкие сантиметры, прежде чем она ударит его по голове. В последнюю секунду спасительное решение выстрелило в мозгу мэра. Он ринулся к ближайшему окну и, за мгновение до того, как глыба должна раздавить его в лепешку, прыгнул головой в стекло. Разлетелись осколки, по счастью, не поранив Всезнайку, а он, ловко перекувырнувшись через голову, приземлился на асфальтовый тротуар возле мэрии. Хорошо, что Большой колонный зал на первом этаже...

Но расслабляться рано! Здание рушится. Его в любую минуту может раздавить падающая стена. Не раздумывая, мэр бросился через освещенную площадь Порядка, на которой стояла — а через секунду будет лежать в развалинах — мэрия. Всезнайка бежал не оглядываясь. Позади грохотало рушащееся здание, вдогонку ученому неслись чьи-то взвизги и жалобные стоны. В этот поздний час на площади и прилегающих улицах ему не встретилось ни одного малянца или малянки. Но кирпичи, стекла и осколки гибнущего дома гнались за ним по пятам, падая то справа, то слева от ученого, а иногда перелетая его и с грохотом шлепаясь на Всезнайкином пути.

Ночь была сухая и прохладная. В небе висели облака, закрывая луну. Мертвенно-оранжевый свет фонарей освещал пустые улицы. В воздухе стояли запахи осенних цветов. Добежав до конца площади, он нырнул в переулок Ночных лилий, и через несколько шагов повернул на улицу Петуний. Но летящие обломки отразились от стены дома и тоже повернули вслед за Всезнайкой, так что ему пришлось даже прибавить шаг. Дома что-то злобно кричали вслед, цветы хохотали над мэром и сыпали ему на голову липкую, грязную пыльцу. Люки у него под ногами распахивали свои пасти. Подъезды хлопали дверями по спине. Столбы складывались пополам, нависая над Всезнайкиной головой и делая вид, будто хотят стукнуть его фонарной лампой по темени. «Нужно быть предельно осторожным, — мелькало у мэра в мозгу, — чтобы не врезаться в фонарь или не провалиться в канализацию».

При этом он старался не бежать прямо, а вилять, кидаясь то в одну сторону, то в другую, чтобы в него было труднее попасть. На улице Красных маков пожарный столбик подставил подножку, и Всезнайка со всего маха полетел на асфальт. Вот гад, все ладони из-за него содрал! Но времени не было совсем. Проворно вскочив на ноги, он бросился вперед. А тут еще припаркованный автомобиль словно нарочно открыл дверцу прямо перед носом мэра. Но Всезнайка ловко увернулся и продолжил бег. Камни и осколки стекол все еще преследовали его, падая вокруг, норовя ударить по спине.

Но наконец, после нескольких поворотов, мэр почувствовал, что «погоня» отстала. Он оглянулся и увидел, что за ним больше не летит ни одного кирпича, ни куска штукатурки или кафельной плитки, — все они отстали по пути, ударились о подъезды домов и фонарные столбы, упали на пол, разбились. «Ну слава Ньютоному!» — подумал ученый, но тут же поправился: «Слава Богу». Ведь он же сам бог. В руках он, оказывается, все еще держал гром-и-молнию, шнур которой, выдернутый из розетки, всю дорогу волочился за ним. Всезнайка отбросил в сторону бесполезный теперь электроприбор. Кажется, он при этом ударился в окно соседнего дома, разбив стекло.

Мэр пошел шагом. Теперь у него было время поразмыслить над тем, что произошло в Большом колонном зале заседаний. «Кажется, я их всех нечаянно убил, — вспомнил он своих товарищей по тайкому. — Их накрыло обломками рухнувшей мэрии. Какая жалость!»

Слезы выступили у него на глазах. Но ему тут же пришло в голову, что сами виноваты. Не слушались! Ведь заранее договорились, что все мне должны беспрекословно подчиняться и называть «Его всемогущество», потому что это очень важно для конспирации. Я, конечно, не хотел их убивать. Как-то само вышло. Все этот Пустомеля. Я ему всегда говорил: доиграешься ты со своими глупыми шуточками. Вот и доигрался. Рассердил царя богов Зевса. А с Зевсом шутки плохи. Раз два и молнией.

Рассуждая так, он не обращал внимания, куда идет. Пока бежал, спасаясь от осколков, ученый столько раз повернул, меняя направление, что теперь он совершенно потерял ориентацию. Он не мог понять, что это за район города. Какие-то незнакомые цветы, низенькие, всего в рост Всезнайки, но страшно толстые, шатались у него перед носом, словно пьяные. Они заслоняли дорогу, не давая пройти. «Что это за улица? Что это за цветы? Где я?» — думал он, с трудом продвигаясь вперед.

Дома криво ухмылялись. То есть они не смеялись ему в лицо, нет, но стоило ученому отвернуться — строили рожи у него за спиной. Вот, например, этот серый и кривой, с грязно-желтыми подъездами. Всезнайка резко обернулся и успел заметить, как дом растянул свое мерзкое длинное окно в противной, злой ухмылке!

— Побегал мэришко, смотрите на него! — услышал он презрительное шипение откуда-то справа.

Всезнайка был готов поклясться, что это сказал зеленый балкон со ржавыми, погнутыми перилами. Ученый пожал плечами и пошел дальше. Почему-то здесь не было табличек с названиями улиц. И цветы не благоухали, а просто пахли. И даже не просто, а омерзительно! На углу огромный мусорный бак раскрывал и закрывал грязный рот, выплевывая коробки с недоеденной пищей и картофельные очистки. Это было противно.

— Весь город обманул, — прогудел бак, неизвестно к кому обращаясь. — Украл общественные деньги.

Телефонная будка с выбитыми стеклами распахнула висящую на одной петле дверь, погрозив ученому телефонной трубкой:

— На эти деньги меня должны были отремонтировать и покрасить. Вор!

— Вор и подлец! — пискнуло откуда-то снизу.

Всезнайка пригляделся: пищал заржавленный водосток с проломанными зубьями решетки. Еще один мусорный бак, толстый и грязный, открыл свою крышку и запах на Всезнайку таким страшным запахом, что мэра затошнило и у него закружилась голова.

— Украл мои деньги! На них меня должны были помыть, чтоб я не так сильно пах.

— Ай! — вскрикнул Всезнайка, когда канализационный люк схватил его за ногу. — Вы чего все? Какие деньги? Ничего я у вас не крал!

— Врешь, крал! — крикнула покрытая неприличным граффити стена.

— Крал! — топнул кривой дорожный знак.

— Крал! — застрелял искрами электрический шкаф с черепом и костями.

Всезнайка беспомощно отступил назад, прислонясь к какому-то забору.

— Ты! — грозно заявил тротуар. — Обманул весь город!

Он вздыбился, словно под ним прошла морская волна, и Всезнайка схватился за гнилые доски забора, чтобы не упасть.

— Придумал несуществующую бомбу! — колыхался тротуар. — Прорыл подземные ходы!

На голову мэру посыпалась черная сажа. Это с крыши свесилась дымовая труба, дыхнув на ученого грязной печной золой.

— Подрыл город! — проревела дымовая труба, а водосточная — окатила потоком ледяной воды.

Всезнайка тут же промок до нитки. Он присел на корточки, скрючился, обхватив голову руками.

— Н-не... надо, — попросил он, дрожа от холода.

Дома обступили его.

— Это он! — показывали они на него своими крышами.

— Он! — топали фундаментами.

— Он! — хлопали ставнями и выпузативали на мэра свои фасады, придавливая его со всех сторон.

— Но я же ваш мэр! — попытался возразить Всезнайка. — Вы должны слушаться и уважать своего мэра. Я главный в этом городе.

— Главный?! — длинный оранжевый дом с облупившейся штукатуркой так захохотал, что у него затряслись балконы. Могло показаться, что он их вот-вот потеряет.

— Главный?! — водонапорная башня от смеха согнулась чуть не пополам, и Всезнайка в ужасе закрыл глаза, потому что вся ее вода должна была сейчас обрушиться ему на голову.

Видя, что Всезнайка боится, они стали еще наглее. Из-за поворота высунулся соседний переулок и гадко захрюкал, словно свинья:

— Хрю-хря-хро-хры, ой, не могу! Этот, что ли, главный? Да если, хря-хрю, ты главный и мэр, то где же твоя хрюмэрия?

— А-а?! Где твоя хрюмэрия? — спросили они все хором.

— Ты сам ее разорил! — обвинил ученого тротуар.
— Уничтожил самое святое! — топнула башня.
— Вверг город в хаос! —дохнула несвежим дыханием канализация. —
Откуда теперь возьмется порядок?
— Варвар! Уничтожил историческое здание!
— И Большой колонный зал заседаний!
— Который построил знаменитый архитектор Балделли!
Всезнайка оторопел.
— Вы откуда знаете? — спросил он.
— Мы-то всё знаем.
— Мы умные!
— Образованные!
— Начитанные!
— Начитанные? — удивился Всезнайка, кривясь от отвратительного запаха, которым дышала словоохотливая канализация.
— А ты как думал?
— Мы не такие, как ты, понял?
— Ты — просто неуч по сравнению с нами.
— Неуч и глупец!
— Дурак! Самый настоящий дурак!
— Идиот!
— Осел и остолоп!
— Неотесанная деревенщина!

Они кричали всё громче и все одновременно. Всезнайка едва не оглох. Он с трудом мог дышать, так как больше всех кричала канализация, придвигаясь все ближе и пыхтя зловонием прямо Всезнайке в лицо, а тут еще два дома притиснули его пузатыми животами к деревянному некрашеному забору с длинными занозами, коловшими Всезнайку в спину. Ученый уже с трудом соображал.

— Таких, как ты, надо вон из города! — доносилось до него.
— Гнать поганой метлой!
— Гнать в шею!
— Надавать по голове!
— Догнать и еще надавать!

Глава сорок первая

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

Ученый почувствовал, что сходит с ума. Он понял, что если вот прямо сейчас, в эту самую минуту что-то не предпринять — ему конец. Бежать? Но тут страшная догадка поразила его. Да это же не дома! Это и есть великаны! Они специально столпились, чтобы посмеяться надо ним! В страхе огляделся он по

сторонам. Вот этот, с тремя глазами, наверно, и есть их диктатор. Асер Нарафат! А остальные — его помощники. Они и сделали ядерную бомбу.

Всезнайка задрожал. Никакие не дома, а великаны-люди смотрели на него отовсюду. Он был совершенно беззащитный перед ними. Они могли схватить его в любую минуту. Эти люди — ох, как умеют они морочить голову — так, что запросто сводят маленьких людишек с ума! Не удивлюсь, если они уж и меня с него свели. Они только притворяются, будто у них подьезды. А вовсе это не подьезды, а их страшные, громадные ручищи, которыми схватят... раздавят, как муху.

Небо над головой недовольно заворчал. Начинаясь гроза. Город осветила вспышка, а через несколько секунд загрохотал далекий гром. Вмесите с громом счастливая мысль озарила Всезнайкин мозг. Если бы не эта мысль, ученый бы, наверно, умер. Или сошел с ума. Мысль спасла его. Она пришла в голову как раз вовремя. Это было настолько поразительно! Это была даже не мысль, а научное открытие. Всезнайка еще отказывался верить, он очень боялся, как бы мысль не ускользнула, и крепко уцепился всем мозгом ей за хвост.

Мысль была: Не-е-т! Как же может, если мы с людьми родственники и произошли от одной ДНК? Как же могут у нас с ними быть такие разные... лица? Не могли ведь настолько измениться гены, чтоб из уха водосточная труба, а щеки обросли балконами? А если моя научная мысль верна и окна не эволюционировали из глаз, то... то, как говорил Шерлок Холмс? Отбросьте все невозможное, и что останется, то будет правдой — какой бы невероятной она не казалась! Так-так-так. Подумаем и отбросим и, используя научный метод, получаем вывод: никакие это не великаны! А если не великаны, то кто? Так-так-так... спокойно! Он покосился на кривой дом, который возвышался над ним, покачнувшись набок. Подумаем... ага, вот! Эврика! Никакие не великаны, а обычные цветogradские дома! И ничем другим эти странные объекты быть не могут! Дома и еще раз дома. Дома-домищи-домишки-домушки-домышки! А что кривляются, так это они просто обнаглели! Я их распустил, и они перестали бояться своего мэра!

Город осветила еще одна вспышка, и ударил близкий гром. «Молния, Зевс! — мелькнуло у Всезнайки. — Это же я, Зевс! Я убью их своими молниями».

Дома еще что-то кричали, заглушаемые громами, но Всезнайка их больше не слушал. И больше их не боялся. Чего бояться, когда никакие они не великаны, а он — самый настоящий Зевс? Ему даже стало смешно. Да это просто какие-то сумасшедшие дома, рассмеялся он. Такого вообще не бывает! Дома не разговаривают. Заборы не кричат, канализация на тебя без спросу не воняет... или воняет? А, не важно...

Перестав бояться, он сразу же и разолился. Надоело мокрому мерзнуть, а еще нюхать эту противную канализацию. Да кто они такие и как смеют?! Жалкие, безмозглые домишки! А я ученый, я разумный людишка, я хомо-малаянус! Да они только кажутся страшными и большими, а на самом деле — это я большой. Я огромный! Я страшный! Я — мэр города, я — Зевс, я могу что хочешь с ними сделать. В моем распоряжении вся техника Цветограда.

Подбодрив себя таким образом, он поднялся во весь свой рост, оттолкнул прилепившийся сзади забор и изо всех сил пнул ногой дом — тот, что справа. А тому, что слева, с треском захлопнул подъезд. Сделав это, Всезнайка почувствовал себя храбрым и сильным. Он возвысился над домишками, и те испуганно отступили назад, а некоторые даже упали на спину, как карточные домики. Небо осветила вспышка молнии, а Всезнайка открыл рот и так громко крикнул, что весь город дрогнул.

— Тихо все! Вы всего лишь дикие, сумасшедшие дома! Жалкие убогие лачуги, мерзкие трущобы, а больше ничего! Молчать! Не смей мне перечить!

Новая вспышка молнии прорезала небо, отразившись в лицах домов. Они испуганно глядели на ученого сквозь очки своих окон.

— Я здесь мэр! — кричал на них Всезнайка. — Я главный ученый и газкомандующий этого города! Мне тут подчиняется вся техника и весь газ! Кто скажет слово — того убью и разрушу! Снесу подъемными кранами! Разворочу тракторами! Сравняю бульдозерами! Зарою экскаваторами! Закатаю катками! Заасфальтирую! Затоплю водой! Законопачу!

Полыхнула молния, а он поднял правую ногу и так топнул, что вздрогнула улица. Дома подпрыгнули на ней, затрясли дверьми и окнами. Они роняли карнизы. Со стен сыпалась штукатурка.

— Молчать! — громовым голосом повторил Всезнайка и стал вдруг командовать, как на параде. — Р-равняйся! Смир-р-рно! Встать по росту! Кто не встанет — того на снос!

Молнии стреляли в небе. От звуков Всезнайкиного голоса лопались стекла окон, вываливались рамы. Голос мэра звучал громче грома, сильнее ядерного взрыва. От этого громогласного грохота погнулись фонарные столбы, растрескался тротуар, из-под асфальта фонтаном забила прорванная труба.

— Смирно! Равнение на мэра! Закрывать рты, то есть окна! Застегнуть подъезды! Водосточные трубы — на плечо! И слушать меня! Сумасшедшие дома, сейчас же перестать кривляться! Встать прямо: к улице задом, ко мне передом!

Испуганные дома сжались, втянули крыши в чердаки и быстро построились по росту, встав ровной шеренгой вдоль вытянувшейся, как струна, улицы.

— Вы просто тупые куски бетона! — грохотал на них Всезнайка. — Как можете вы рассуждать и указывать *мне*, ученому людишке, который одних книг прочел больше, чем в каждом из вас кирпичей?! Ваши цементные мозги не соображают, вы ничего не знаете, все ваши обвинения — глупость и ерунда!

Тут две молнии попали в громоотводы соседних домов, и вся улица прямо застыла в ужасном испуге, боясь пошевелиться.

— Ядерная бомба есть! — громыхнул Всезнайка. — И она упадет сверху на ваши пустые, безмозглые чердаки! И останется от вас одна ядерная зола! Секретное письмо от великанов-людей уже послано! Конец света назначен. Он будет на первое января, в Новый год!

Ученый отряхнулся, поправил на себе одежду и, видя, как его боятся дома, добавил уже мягче:

— Теперь стойте здесь, пока вам не будет дана команда спускаться в убежище. И не смей болтать, хлопать ставнями, качаться и ворочать крышами, а не то... катком закатаю, — предупредил он уже почти добродушно.

Затем скомандовал самому себе:

— Мэр Цветограда, шагом марш! — и пошел вперед, и ему было на все наплевать: на глупый тротуар, на тупые мусорные баки, дурацкие фонарные столбы и болванку-улицу.

Не обращая ни на что внимания, он взял и прошел поперек нее, прямо сквозь дома, которые в ужасе отскочили. Он прошел сквозь эту и еще сквозь пять или шесть других улиц, и все расступались перед ним, низко кланаясь, но Всезнайке было на них наплевать.

Он оказался у ворот сада, засаженного розовыми кустами. Здесь цвело и благоухало множество разных сортов роз. Всезнайка с наслаждением выдохнул из себя запах канализации и вдохнул аромат роз. Протер руками щеки и глаза, пригладил мокрые волосы, вошел в сад.

Вдоль тропинок росла низко-подстриженная газонная трава, едва доходившая Всезнайке до плеч. Сад освещали спрятанные в зелени фонарики. Был поздний час ночи. Гроза прошла. Молнии и громы прекратились так же внезапно, как начались. Тишина окружила мэра. Розы спали. Их кусты для людишек — огромные, словно тополя. Он шел по тропинке и любовался прекрасными спящими бутонами. А розовые бутоны для людишек — размером с огромные люстры. «Вот, какая красота, благодаря мэру», — мелькнуло у него в голове. Он шел и думал обо всем, что произошло.

«И все-таки я очень рад, — думал Всезнайка, размахивая руками. — Развернулось гигантское строительство под землей. И всё тайно! К тридцать первому декабря город будет полностью готов к тому, чтобы встретить конец света. Две подземные улицы уже прорыты и застроены подземными домами. Этого, конечно же, мало. Нужно больше улиц. Параллельно пока что вырыли подземное поле. Биолог Амебин уже сажает на нем подземную пшеницу, а Землерой готовит для посева гороховое поле. Космонавтки, как их там... Бета и Гамма Большого пса? слетали на орбиту и всё там подготовили для системы ракетного оповещения. А математик Интеграл съездил в Солнцеград и застраховал наш прекрасный город на восемьдесят миллиардов сладиков. И это замечательно! Даже если от этих сумасшедших домов, — тут он слегка поежился, вспомнив, как они накинулись на него, точно с цепи сорвались, — даже если от них камня на камне не останется, мы получим деньги по страховке. И на них построим город в сто раз лучше. Новые дома будут не то что эти неучи... Они будут слушаться своего мэра. И уважать».

Ноги несли Всезнайку по аллеям сада. Спящие розы вздрагивали во сне, услышав голос ученого, который, проходя под ними, громко думал вслух, размахивая руками. Вдруг целая чашка воды выплеснулась на голову Всезнайке. Начинился дождь. Людишки такие маленькие, что дождевая капля для них — как стакан воды. В дождь они мгновенно промокают до нитки, а если им по дороге встретится даже небольшая лужа, приходится ее переплывать. Правда, в

Цветограде так хорошо устроены водостоки, что луж, даже самых маленьких, никогда не бывает — не только на улицах, но и в садах и парках. Как только начинается дождь, специальные насосы всасывают его в канализацию. Все же нужно было как можно скорее укрыться в каком-нибудь сухом месте. В конце тропинки, по которой он шел, замаячило что-то белое. Всезнайка прибавил шаг и вскоре оказался на большой поляне, посреди которой стоял освещенный фонарями красивый дом.

Это был в высшей степени приличный дом. Не то что некоторые. Всезнайка любил такие аккуратные, симметричные, элегантные дома. Треугольный фронтон поддерживали стройные колонны. В нишах белели греческие статуи. Дом внушал доверие. Ясно, что он не станет кривлять фасадом, топтать фундаментом и пузатить стены. К прямоугольному портику вела широкая мраморная лестница. Взойдя по ее ступеням, Всезнайка оказался среди колонн, которых было так много, что ученый не знал, с какой стороны ему их обходить. Здесь все было освещено красивыми фонарями. Между колонн ему попадались статуи. В одной ученый узнал богиню мудрости Афины. Это было легко понять по сове — мудрейшей из птиц, которая сидела у Афины на плече. Ученый очень обрадовался, что в этом доме почитают мудрость, и поспешил найти дверь, чтобы поскорее войти.

Но среди множества колонн и статуй никак не находился вход. Всезнайка уже начал беспокоиться, что он заблудился, как вдруг колонны и статуи сами расступились, низко поклонившись мэру, и перед ним возникла высокая резная дверь. На ней красовались старинные серебряные буквы, украшенные древнегреческими закорючками:

Ц В Е Т О Г Р А Д С К И Й С У М А С Ш Е Д Ш И Й Д О М
Н О М Е Р О Д И Н

А над дверью освещенный лампой висел желтый транспарант с размашистой фиолетовой надписью: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

конец первой части

От: velikash@pomidor.uni
Кому: zevs@tai.com
Тема: Совершенно секретно

Добромалец воткнул ежа.

Сыротяп австралийский мягкотельной ышкой елозит.
Сварганилась тут редька амебная — шумовая,
неистовая, ыщутная ежиха.

Ядвига двинула, естественно рыча, на Ымельяна
ещиком.

Друкамал эпитекнул рыжим животом, а Владимир —
бранжевым.

Лёня, Юля, Дима, Елена — йоги.

Попугаи облысели сиротливо, с однозвоном; ричиклет
иглу лупанул играючи сепулькой.

Итого:

Небесный адекват чокнулся абажуром лихо,
иммигрировал.

Главный оклопанос, не криволапясь, удавился.

В одно окно рвырвалась удойная жентоквишка, ерхом на
игрушечной йошке.

Кукураюку!

Не истественно мышистый.

Перпурейчик рыхлохвостый и Сумесик однообразный
ермодявничают дроважного Иблагимчика на ихмерской
лужайке, аквариумно страдая.

Тру рагож ешн тибрик ьонекс япупу!

Не аткрысь!

Две аки не нуют ык йог.

Милиц одикий мошкает евгрызиком на тёпке.

Удоись!

Вдры егрь ляпчик и кан асёл не овц великий.

Ихт мядведь ехтимед ежный троих сепулек яфтхнул.

23528.

Я до еды рычу на Ылю хрыхры.

Вашибузук одинок, мобилен, борз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава нулевая КАК ПУСТОМЕЛЯ И ПОВАР КАСТРЮЛЯ РЕШИЛИ ОСНОВАТЬ ГАЗОВУЮ КОМПАНИЮ.....	5
Глава первая ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ТЕЛА.....	12
Глава вторая ЛЮДИШКИ И СНЕГ.....	14
Глава третья ОТКУДА ОНИ ВЗЯЛИСЬ или ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЮДИШЕК.....	15
Глава четвертая УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГЕН.....	17
Глава четвертая с половиной МУЗЕЙ СКЕЛЕТОВ.....	21
Глава пятая ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.....	23
Глава шестая НЕМНОГО О ЛЮДЯХ.....	27
Глава седьмая ЧТО СТАЛО С ВОЛОСАМИ.....	33
Глава восьмая КУДА ДЕВАЕТСЯ ПАМЯТЬ.....	36
Глава девятая ГОД ЗА ДЕСЯТЬ.....	38
Глава десятая КОНЕЦ СВЕТА.....	41
Глава одиннадцатая ЗАБОЛЕЛИ.....	46
Глава двенадцатая КОМУ НУЖНЫ ЦАРИ?.....	48
Глава тринадцатая УМНИК.....	56
Глава четырнадцатая ТОМ ПЕРВЫЙ.....	58
Глава пятнадцатая ЭТИ СТРАШНЫЕ ВЕЛИКАНЫ.....	61
Глава шестнадцатая ЯДЕРНАЯ УГРОЗА.....	65
Глава семнадцатая ТЕОРЕМА О ЛЖЕЗЛОВЛАСТИИ.....	67
Глава семнадцатая с половиной НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ.....	72
Глава восемнадцатая ПОСОБИЕ ДЛЯ МЭРОВ.....	75
Глава девятнадцатая СОБРАНИЕ.....	78
Глава двадцатая РАДИОАКТИВНАЯ ЗОЛА.....	85
Глава двадцать первая ТАЙКОМ.....	87
Глава двадцать вторая О ГРИБАХ.....	93
Глава двадцать третья ГОРОД БУДУЩЕГО.....	100
Глава двадцать четвертая О БОГИ!.....	102
Глава двадцать пятая АЛЬФА-ЦЕНТАВРА.....	105
Глава двадцать шестая КОСМОНАВТЫ-ЛЮДИШКИ.....	110
Глава двадцать шестая с половиной БРЕНДА МАУЭР.....	110
Глава двадцать седьмая ПШУХА.....	114
Глава двадцать восьмая ТАНГО.....	119
Глава двадцать девятая ЗАДАНИЕ.....	124

Глава тридцатая ПРОФЕССОР ВЕЛИКАШ	128
Глава тридцать первая СТАНЦИЯ ЛЮДЕЙ	135
Глава тридцать вторая БЕЛЕНА	141
Глава тридцать третья ОБЕД ВЕЛИКАНОВ	150
Глава тридцать четвертая В БОЛЬНИЦЕ	160
Глава тридцать пятая НУ ВОТ МЫ ИХ И ЕДИМ.....	165
Глава тридцать шестая ОБВИНЕНИЕ	168
Глава тридцать седьмая ЗДРАВСТВУЙТЕ, ВАШЕ ВСЕМОГУЩЕСТВО!	170
Глава тридцать восьмая КОНТАКТ	173
Глава тридцать девятая ГРОМ-И-МОЛНИЯ	183
Глава сороковая СУМАСШЕДШИЕ ДОМА.....	188
Глава сорок первая ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ	191
ОГЛАВЛЕНИЕ	197